

Ксенофонт Алексеевич Полевой

**Михаил Васильевич
Ломоносов. Том 1**

Содержание

#1	0004
ЛОМОНОСОВЪ	0005
Глава I	0006
Глава II	0023
Глава III	0052
Глава IV	0073
Глава V	0115
Глава VI	0139
Глава VII	0164
Глава VIII	0197
Глава IX	0217
Глава X	0250
#1	0264
Глава XI	0285
Глава XII	0312
Глава XIII	0335
Глава XIV	0362
#1	0371
Глава XV	0382

- **МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ**

ЛОМОНОСОВЪ.

I. МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ЛОМОНОСОВЪ

Сочиненіе

Ксенофонта Полеваго

Томъ I

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Мая 4 дня 1835 года.

Ценсоръ Лазаревъ.

МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ЛОМОНОСОВЪ

Глава I.

Зима 1728 года на Руси была жестокая. Путешественники отмороживали себѣ лица, а волки безбоязненно приходили въ деревни распѣвать свои жалобы на голодѣ. Замѣтливые люди увѣряли даже, что въ эту зиму птицы на лету падали мертвыя, и что ласточки густыми клубками скрывались на самомъ днѣ рѣкъ, гдѣ, видно, искали онѣ пріюта отъ холода. А рѣки? О, рѣки задымились рано, и скоро толстая кора льду покрыла ихъ. Русскіе люди однакожъ не боялись этого: они какъ будто рады были своей обычной гостѣ, которая на полгода превращаетъ въ камень все окружающее ихъ. Русскій человекъ безъ зимы, точно какъ Итальянецъ безъ огненнаго лѣта. Русскіе съверяне особенно любовались бѣлыми

равнинами и проложили по нимъ свои любимыя зимнія дороги. По этому естественному шоссе они дѣятельно летали въ легкихъ кибиткахъ, и терпѣливо двигались длинны-

ми обозами.

Въ одну лунную ночь , когда утренняя заря уже боролась со свѣтомъ потухавшаго спутника нашей старой земли, обозъ съ рыбою тянулся верстахъ въ семидесяти отъ Холмогоръ къ Москвѣ. Подлѣ одного изъ возовъ шель, припрыгивая и постукивая руками, закутанный въ овчинный тулупъ и въ поярковый армякъ, обозный прикащикъ. Сдѣлавъ еще одно выразительное антрша, онъ повернулся къ шедшему подлѣ него извощику, и промолвилъ :

Ну, братъ Терёха: жарко!»

— Да, Пименъ Никитичъ, благодаренье Богу : морозецъ !

« Кажись, ужъ и деревня на виду ?

— Версты три осталось еще, родимый.

« Видно, много нашего брата ѣдетъ этою зимой; смотри сколько полозьевъ проѣхало послѣ вчерашняго снѣгу : разъ, два, три.... Да, что это ? Аль кто изъ вашихъ отсталъ ?

— А что ? кажись, кому быть !

«Да, видишь, позади насъ : такъ кто-то рысью и улепётываетъ!

— Нѣтъ, родимый, наши всѣ тутъ; не

вѣдаю кто, а только не нашъ. Ванькъ ! А что, яго таго, койтъ ?

« Ай-та ? » закричалъ вопросительно другой мужикъ, шедшій подлѣ задняго воза. « А что-йтъ ? »

— А вишь яго : кто-йта догоняйтъ ? »

« А Христось его зная !

Въ это время, то бѣгомъ, то шагомъ, приблизился къ самому обозу парень, лѣтъ семнадцати , пріятный наружностью, высокій, стройный, и полуокоченѣвшій отъ холода, потому что онъ былъ одѣтъ въ одинъ нагольный тулупъ, совсѣмъ не по дорожному. На головѣ его была ветхая шапка ; на ногахъ, сверхъ онучь, надѣты коты; онъ былъ даже не опоясанъ. Поровнявшись съ заднимъ возомъ, онъ пошелъ обыкновеннымъ шагомъ, и, какъ гусь въ чужомъ стадѣ, казалось, не смѣлъ ни къ кому обратиться. Пименъ Никитичъ оглянулся раза два, но видя, что отъ этого любопытству его не легче, и что молодой человѣкъ не говоритъ ничего, ни съ кѣмъ, остановился, и дождавшись того воза, подлѣ котораго шелъ новый сопутникъ, пошелъ съ нимъ рядомъ.

«А что, братъ, тебѣ надобно?» спросилъ онъ у молодаго человѣка.

— Мнѣ ? ничего.

« Какъ ничего ! Да куда ты идешь ? »

— Коли ваша милость позволить, такъ иду въ Москву... .

«Въ Москву ? Да кто ты таковъ ? откуда. »

— Я Денисовскій крестьянинъ. Вы чай и батюшку моего знаете.

« Денисовскій крестьянинъ ? Мы третьяго дни изъ Денисовскаго. А какъ зовутъ отца твоего ? »

— Василій Ломоносовъ. Я видѣлъ какъ вы нагружали рыбу въ нашей деревнѣ, и съ батюшкой моимъ говорили.

« Ну, Василья Ломоносова я знаю. Да зачѣмъ-же ты идешь въ Москву ? и какъ дойдешь туда ?

— Ваша милость ! позвольте мнѣ идти подлѣ вашего обоза ! Я вамъ буду служить дорогой, и въ Москвѣ готовъ работать ; только позвольте идти съ вами !

« Да ты, братъ, не ряхнулся-ли. Что тебѣ за надобность въ Москву ? Отецъ, что-ли послалъ ? Только этому быть не лзя. Говори

правду : зачѣмъ ты идешь въ Москву ?

— Да.... такъ.... мнѣ хочется посмотрѣть Москву....

« Э, э, братъ ! такъ ты, видно, безъ отцовскаго позволенія махнулъ ! ты убѣжалъ отъ отца ?

— Сказать правду , такъ убѣжалъ. . . . Но, право, я не за худымъ дѣломъ иду въ Москву.

« А кто тебя знаетъ ! Безъ отцовскаго позволенія на добрыя дѣла не ходятъ. Вижу, братъ , я, что ты малый шалунъ , забулдыга. Дѣлать тебѣ въ Москвѣ нечего — есть тамъ много вашей братьи ! Воротись-ка добромъ къ отцу, а не то, я тебя турну инымъ порядкомъ. »

— Ваша милость !... не гоните меня ! право, я заслужу вамъ !

« Пошелъ ты, негодяй, со своими услугами ! Да что я за сумасшедшій, что возьму съ собой въ Москву бѣглаго мальчишку ! Пошелъ ! »

— Ахъ, Г. купецъ ! право я не какойнибудь негодникъ !

Тутъ грозный прикащикъ хотѣлъ повернуть бѣднаго мальчика назадъ толчками, но замѣтивъ у него подъ мышкой узелокъ , спро-

Силь :

« А это что у тебя подъ мышкой ? »

— Это.... да это я взялъ съ собой....

« Вижу , что ты это взялъ съ собой, а по просту сказать укралъ !... Да говори: что у тебя въ узелкѣ ? »

— Господинъ купецъ ! Я не укралъ этого, потому что это столько-же мое , какъ моя голова. Только голову даетъ человѣку Богъ, а это мнѣ отдали добрые люди.

« Ахъ, ты, краснобай деревенскій! Видно, у тебя голова-то начинена такъ-же какъ этотъ узель ! Да что въ немъ ? чья казна ? или изъ отцовскаго сундучка кошля ? »

У незнакомаго парня сверкнули въ глазахъ слезы. Видно было, что ихъ не морозъ выжалъ; горе стѣснило его дыханіе. Онъ остановился и былъ такъ изумленъ словами прикащика, что въ недоумѣніи глядѣлъ на него , и не говорилъ ни слова.

Казалось, это сдѣлало впечатлѣніе на допросчика, но, какъ человѣкъ опытный, Пименъ Никитичъ скрылъ свою тайную мысль, и также остановившись вскричалъ на парня :

« Ну ? не правду-ли я говорилъ, что ты во-

ришка ? Что-же ты оторопѣль ?

— Не оторопѣль, а одурѣль отъ твоихъ словъ, Г. купецъ ! Я воръ ? Я укралъ деньги, казну? . . . Господи Боже мой ! — Съ этими словами онъ зарыдалъ, и бросивъ свой узелокъ къ ногамъ прикащика, сказалъ сквозь слезы :

« На, посмотри что я несу, и Богъ съ тобой ! Не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ : дойду и безъ тебя до Москвы.

Желая вполнѣ выдержать роль человѣка осторожнаго , Пимень Никитичъ поднялъ узелокъ, и развернувъ его пробормоталъ съ удивленіемъ :

« Что это ? книги ? Да на какой прахъ ты несешь въ Москву такую дрянъ ? Тамъ, братъ, не дадутъ гроша за это. »

— Да я и не возьму за нихъ тысячи рублей! Эти книги мнѣ дороже всего твоего обоза... Тебѣ чудно это, Г. купецъ ? Видно, что милы онѣ мнѣ, когда я для нихъ-то оставилъ отца и родимую сторону !...

« Чудно ! » сказалъ Пимень Никитичъ. « Ну , пойдѣмъ до первой упряжки, а тамъ увидимъ.»

Хотя вся эта схватка прикащика съ незна-

комымъ юношею кончилась въ немного минутъ, однакожь возы, передразнивая своимъ движеньемъ время, ушли довольно далеко впередъ. Прикащикъ пошелъ за ними скорымъ шагомъ въ догонку, а молодой человекъ сталъ завертывать въ узелокъ свои книги, и невольно отсталъ отъ него. Вскорѣ однакожь они опять поровнялись. Нѣсколько минутъ длилось молчанье; наконецъ прикащикъ заговорилъ снова :

«Теперь вижу я , что ты не таковъ, какъ думалъ я сначала; но я все-таки не догадаюсь: зачѣмъ ты идешь въ Москву ? »

Въ глазахъ юноши стало свѣтло, хоть и не весело.

— Не знаю и самъ — отвѣчалъ онъ — что со мной станется въ Москвѣ; но мнѣ тошно стало жить въ нашей не людной сторонѣ, гдѣ не съ кѣмъ поговорить, какъ-бы мнѣ хотѣлось,

и не у кого спросить, о чемъ-бы подумалось. По этимъ книгамъ , которыя видѣла ваша милость , выучился я грамотъ , да Ариѳметикъ ; хочется знать еще больше, а отъ кого и какъ узнаешь ? Вотъ я и рѣшился

идти въ Москву : тамъ, говорятъ, много людей ученыхъ, и есть училища, для всякаго кто вздумаетъ учиться. Заговариваль я объ этомъ отцу своему, да онъ никакъ не могъ смекнуть чего я хочу, и еще началъ поносить книги и книжечевъ. Я рѣшился убѣжать, когда увидѣлъ что съ нимъ не стоворишь. Хочу въ Москвѣ учиться.

« Я, дружекъ, самъ человекъ, не хвастовски сказать, грамотный, » отвѣчалъ Пимень Никитичъ. « Спросилъ-бы ты у меня, такъ я-бы тебѣ далъ толкъ. Ну, да ужь теперь поздно : видно, такова, твоя часть. Все Богъ! »

— Богъ меня и не оставитъ ! — примолвилъ юноша съ робкою довѣренностью. — Позвольте-же спросить вашу милость : гдѣ вы обучались ?

« Какъ гдѣ?... у людей... у духовныхъ. Гдѣ-же еще нашему брату учиться. Да вѣдь и въ вашемъ селѣ есть дьячекъ; что-же ты не учился у него ?

— Я у него учился, да онъ кромѣ церковной грамоты ничего не знаетъ.

« А что-же еще тебѣ надобно ? Развѣ ты въ попы хочешь ? или хочешь читать на

Нѣмецкихъ языкахъ ?

— Да, мнѣ-бы хотѣлось этого.

«О, о, дружище ! такъ вотъ какой ты гусь!...
Взялъ-бы тебя, да отвалялъ хорошенько лозами, такъ дурь-то изъ головы и вышла-бы. Въ Нѣмецкіе языки пускаться !... » ,

Послѣ такого объясненія , у молодаго человѣка отпала охота разговаривать съ ученымъ его спутникомъ. Мальчикъ зналъ по опыту, до чего доводятъ съ подобными грамотѣями разговоры объ ученѣ. Однакожъ спутникъ вызвалъ его на отвѣтъ, воскликнувъ :

« Вѣдь заберется-же въ голову такая блажь, прости Меня Господи ! Мужикъ , охреянъ , задумалъ въ ученые! ...»

— Я думаю, Г. купецъ — отвѣчалъ юноша — что ученымъ никто не родится ; а кто учится, да хорошо, такъ тотъ и будетъ ученый.

« Да тебѣ-то что до ученья ? На то есть дворянскія дѣтки, да поповичи. Однимъ надо быть грамотнымъ, чтобы читать приказныя бумаги, да толковать Государскіе законы, а другимъ чтобы говорить проповѣди, да знать

что поють и читають. А тебѣ на что такая ученость ?

— Да я не такой учености хочу... — Молодой человекъ не звалъ какъ выразить свою мысль, хотя очень понималъ о чемъ говорить. Онъ по неволѣ остановился на не конченной рѣчи.

«Ну, что ? то-то , братъ ! зналь-бы ты отцовскій неводъ, да счетъ въ рыбѣ ! ,А денегу-то сосчитать можно и безъ Московскаго ученья.

Прикащикъ думалъ, что онъ своимъ сужденіемъ какъ громомъ поразилъ бѣднаго парня. Тотъ молчалъ и тѣмъ больше заставлялъ своего сопушника вѣрить, что въ словахъ его заключалась вся премудрость опытности.

Въ это время одинъ изъ воевъ закатился въ глубокой ухабъ : лошадь затаращилась съ нимъ, и вся эта нестройная громада съ трескомъ остановилась.

— Та-та, ай-та! — закричало нѣсколько голосовъ мужицкихъ со всѣхъ сторонъ. — Э-та, Терѣхъ! Ванькѣ !

Всѣ бросились подымать лошадь и вытас-

кивать возъ.

Пимень Никитичъ, какъ человекъ, который хочетъ доказать свою философію на дѣлѣ, бросился, впрочемъ безъ всякой нужды, помогать другимъ, и тутъ-же, кряхтя и крича, терся около воза. Онъ думалъ найти въ этомъ доказательство, какъ должно сохранять возы и заботиться о рыбѣ, и практически пояснить молодому безумцу, въ чемъ заключается му-

дрость жизни. Когда порядокъ былъ восстановленъ и возы пошли впередъ, онъ обернулся къ юношѣ, также помогавшему другимъ во время суматохи, и отряхивая снѣгъ съ своего армяка, сказалъ :

— Вотъ, братъ ! не пойдетъ на умъ ученость. А ?

« Да, правда ! » отвѣчалъ тотъ.

Безъ дальнѣйшихъ событій пріѣхали на мѣсто роздыха. Сѣверное нарѣчіе зашумѣло, когда извозчики, а съ ними и обозный приказикъ, сѣли за столъ и начали работать за горячими щами. Новый сопутникъ ихъ, удалившись въ уголъ, и вынувъ изъ кармана кусокъ самага не роскошнаго хлѣба, хотѣлъ имъ

пообѣдать. Добрая Русь не вытерпѣла этого. Одинъ изъ мужиковъ , котораго лицо уже горѣло какъ на огнѣ, отъ множества проглоченныхъ имъ щей, возвысилъ голосъ :

« А что-жь ты, родимый, не поѣшь съ нами ? Садись-ко благословясь ! »

Молодой человекъ раздумывалъ.

« Садись, голубчикъ, садись ! Отъ хлѣба-солине отнѣживаются, » примолвилъ Пименъ Никитичъ.

Дѣло сладилось. Робкій юноша присоединился къ другимъ, и не отсталъ отъ нихъ.

« Ну, вотъ, оно-тко и повеселѣе! » сказалъ одинъ изъ извощиковъ , помолясь Богу и раскланиваясь со всѣми стѣнами.

— Да, вотъ, ребята! — началъ Пименъ Никитичъ. — Малый идетъ въ Москву, Христосъ его знаетъ зачѣмъ, а ѣсть у него нечего. Возьмемъ, что-ли, его ? »

« Почто нѣтъ ! » отвѣчалъ одинъ извощикъ.

— Вѣстимо ! пускай себѣ идетъ ! — примолвилъ другой.

« Да я одинъ платить за него не буду! » поспѣшилъ сказать Пименъ Никитичъ.

— Ну, съ-обча заплатимъ! — проговорилъ еще одинъ извощикъ.

« Съ ортели заплатимъ ! » примолвилъ другой. « Пожалуй, ты хоть и не плати. »

— Нѣтъ, и я съ вами!— сказалъ прикащикъ. — Ну, вотъ.... какъ тебя зовутъ, пріятель?... — продолжалъ онъ.

« Михайломъ ! » отвѣчалъ юноша.

— Ну, вотъ, Михайло, теперъ пожалуй иди съ нами. Только уговоръ лучше денегъ : въ Москвѣ , братъ , все дорого ; тамъ ищи себѣ хлѣба гдѣ хочешь. Мы тамъ за тебя не плательщики. »

Михайло благодарилъ своих! спутниковъ, какъ умѣлъ.... за благодѣяніе ! Надобно знать, что деревенскій обѣдъ на десятерыхъ стоилъ тогда нѣсколько копѣекъ ; слѣдовательно Михайло Ломоносовъ не могъ стоять спутни-

камъ своимъ до Москвы болѣе немногихъ копѣекъ. Но, какъ важно было это въ его положеніи! Онъ, беззащитный, безпріютный бѣглець отеческаго дома, уже два дни не зналъ, до этой минуты, чѣмъ будетъ утолять свой голодъ. До Москвы надобно было идти мѣсяць ! Денегъ не было у него ни сколько.

Кусокъ хлѣба, взятый имъ изъ дому, и возбудившій въ его спутникахъ состраданіе, былъ у него единственнымъ запасомъ. А теперь ! какъ ободрился онъ ! Какія надежды и мечты заиграли въ его пламенной головѣ. Онъ воображалъ Москву раемъ , а людей, живущихъ въ ней, какими-то ангелами, которые примутъ его съ распростертыми объятіями, поглядятъ по головкѣ за любовь къ ученюю, или по крайней мѣрѣ не станутъ преслѣдовать, какъ грубые Архангельскіе земляки.

Однообразное путешествіе нашихъ странствователей не представляло больше ничего замѣчательнаго. Иногда , правда , падали возы , сбивались съ ногъ лошади, а провожатые ихъ часто отмороживали себѣ то щеки, то носы, однако все это было въ томъ порядкѣ вещей, который и нынѣ, черезъ сто лѣтъ, повторяется безпрестанно въ сѣверныхъ сторонахъ. Обозные ѣхали , шумѣли, уставали, пили, ѣли, такъ-же какъ и нынѣ дѣлаютъ все это другіе ЛЮДИ. Бѣглець-юноша раздѣлялъ ихъ труды, за-

боты, и успѣлъ заслужить пріязнь почти

всѣхъ своихъ товарищей. Время шло какъ (по сказаному , по писаному ; день наставалъ и оканчивался. Напоследокъ, въ одно утро, солнце освѣтило для глазъ Михайлы Ломоносова золотые верхи Московскихъ церквей. ¹ -

Есть что-то чрезвычайно живое въ томъ чувствѣ, которое волнуетъ душу пришельца изъ дальней Руси, при первомъ взглядѣ его на Москву. Въ дальнихъ городахъ и селахъ, Москву почитаютъ какимъ-то палладіумомъ , средоточіемъ всего хорошаго , умнаго и великаго.. У всякаго свой взглядъ : простолюдинъ воображаетъ- Москву чуть-ли не изъ золота сдѣланнымъ городомъ ; человѣкъ , немного повыше простолюдина, представляетъ себѣ ее вмѣстилищемъ всѣхъ чудесъ образованности, мѣстомъ забавъ и радостей; образованный юноша думаетъ о ней, какъ о такомъ городѣ , гдѣ можетъ онъ увидѣть и узнать все просвѣщеніе , всю славу своего отечества. И всѣ единодушно зовутъ и почитаютъ Москву матерью священной Руси! Это нераздѣльно съ сердцемъ каждаго настоящаго Рускаго.

Что чувствовалъ Ломоносовъ при взглядѣ на тотъ городъ , куда такъ долго и такъ

нетерпѣливо летали его мысли? Какъ билось его сердце, когда наконецъ онъ увидѣлъ ту желанную цѣль, къ которой бѣжалъ черезъ снѣга, въ

нагольномъ овчинномъ тулупѣ , неся съ собой, вмѣсто всѣхъ средствъ, одинъ богатый запасъ терпѣнія и волю сильной души ? Можно объяснять чувства людей обыкновенныхъ , когда они находятся въ подобныхъ положеніяхъ , но не этого сына рыбака.

Глава II.

Зимнее солнце, этотъ рѣдкій гость нашего Неба въ теченіе полугода , этотъ праздникъ нашей морозной атмосферы, выкатилось на горизонтъ , роскошно и величественно, равно свѣтло и привѣтливо для богатаго Князя и для безпріютнаго , бездомнаго странника ; но не для всѣхъ, о , не для всѣхъ одинаково радостны свѣтлые лучи его!

Архангельскіе пріѣзжіе нѣсколькими часами предупредили появленіе солнца. Въ день своего пріѣзда они успѣли свалить въ лавки поль-обоза рыбы, или *товару*, какъ всякій называетъ то, что продаетъ онъ. Мѣсто подвиговъ ихъ въ Москвѣ было тамъ , гдѣ и теперь продаютъ свѣжую рыбу, подлѣ Москвы рѣки , вблизи церкви Василія Блаженнаго и Спаскихъ воротъ Кремля. Въ продолженіе перваго дня, Михайло оставался караулить возы, между тѣмъ какъ дорожные сопутники его занимались складкою рыбы съ другихъ возовъ. Въ

послѣдній разъ, и какъ-бы въ вознагражденіе за карауль, пригласили его поужинать въ харчевнѣ ; послѣ этого, позволили ему переночевать въ однѣхъ саняхъ, гдѣ уже не было рыбы. Усталость дала сонъ юному тѣлу, но не воображенію, не сердцу Михайлы. Рано, очень рано проснулся онъ , и, закутанный въ свой тулупъ, лежа въ саняхъ началъ размышлять о самомъ себѣ.

Положеніе его было страшно. Безъ крова, безъ пріюта , безъ копѣйки денегъ , на чужой сторонѣ, куда приклонить ему горячую свою голову? Гдѣ искать того пути, на который влекло его темное чувство, для котораго оставилъ онъ отца, и, какъ бѣглець, приплелся въ Москву ? И какой это путь ? Гдѣ великодушные люди, которые примутъ , приголубятъ пришельца и утолятъ его жажду науки. Таковы всегда бываютъ позднія сознанія наши! . . . Бѣжимъ за призракомъ, думаемъ схватить его рукой.... вотъ онъ, кажется, передъ глазами.... Какъ свѣтель, привѣтливъ, увлекателенъ ! какая улыбка на устахъ его. . . Опомнись , неопытный юноша ! Правда , ты ушелъ впередъ ; но призракъ исчезнетъ, и ты оста-

нешься въ пустынь, далеко отъ крова отеческаго. Ты.... знаешь-ли ? только удалился отъ прежняго; ты еще далекъ отъ цѣли : ты на распутіи. О, какъ тягостны эти распутія ! Какъ не выно-

сины эти чистилища нашего духа! Тогда человекъ , не зная куда приведетъ его жребій, подобенъ слѣпцу, брошенному жестокосердымъ вожатаемъ въ незнакомомъ лѣсу ; тогда онъ чувствуетъ всю слабость своихъ одинокихъ силъ (потому что человекъ только въ обществѣ бываетъ могучъ не звѣриною силою); тогда онъ вынужденъ жалѣть о прошедшемъ.

Въ такомъ положеніи былъ Михайло Ломоносовъ. Онъ зналъ, что въ настоящій день ему надобно разстаться съ Пименомъ Никитичемъ: этотъ знатокъ свѣта напередъ велѣлъ ему не надѣяться въ Москвѣ на его помощь. Михайло былъ изумленъ великолѣпіемъ и шумомъ окружавшей его Москвы, и со страхомъ думалъ, въ которыя изъ богатыхъ палатъ постучится онъ просить себѣ хлѣба и крова? потому что о наукѣ онъ уже не смѣлъ и думать: прежде всего надобно

было не умереть голодною смертію. Люди, которыхъ въ отдаленіи почиталъ онъ столь радушными ко всему, доброму, и столь привѣтливými къ нему самому, теперь представлялись ему жестокими, холодными, страшными! Угрюмая тѣнь ночи умножала его грусть и тоску. Сердце, долго страдавшее, и долгимъ томленіемъ приготовленное къ скорби, не выдержало болѣе: Михайло, въ горести, вскочилъ съ своего холоднаго ложа, сталъ на колѣни и зарыдалъ !... Нѣсколько минутъ дли-

лось это тягостное для него состояніе души; но вдругъ, среди сумрака приближающагося дня, онъ разглядѣлъ передъ собою огромную Спасскую башню, и лампаду, уже столѣтія теплящуюся передъ образомъ Спасителя, Отца всѣхъ людей. Благоговѣйный трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ ; онъ почувствовалъ себя какъ-бы воскреснувшимъ. Не перемѣняя положенія , стоя на колѣняхъ въ саняхъ, онъ съ, теплою мольбою обратился къ образу Спасителя, и горячія, утѣшительныя слезы смѣнили его слезы горести.... Елей утѣшенія кануль на чистую Душу,

и растроганный юноша кончилъ свою молитву съ надеждою, почти съ весельемъ въ сердцѣ.

Между тѣмъ зашевелились его товарищи, и ночной лай собакъ заглушился шумомъ и движеніемъ пробудившейся Москвы. Пименъ Никитичъ двинулъ остатокъ своего обоза къ рыбнымъ лавкамъ, и первое домовище Ломоносова близъ Спасскихъ воротъ не оставило послѣ себя никакого слѣда. Это опять навело тоску на сердце юноши, и въ такомъ-то расположеніи, въ раздумьѣ, въ грусти, хотя и смягченной вѣрою въ Провидѣніе, встрѣтилъ онъ зимнее восходящее солнце, и вторыя сутки своего житья въ Москвѣ.

Весь этотъ день провелъ онъ вмѣстѣ съ рыбаками. пособляя имъ складывать рыбу, поды-

мая сани у отвода лошадей. Великъ-ли и весь день Русской зимы? Когда на Спасской башнѣ ударило пять часовъ, уже было темно. Движеніе въ лавкахъ начинало уменьшаться, и Пименъ Никитичъ спѣшилъ на постоялый дворъ, сначала углубиться въ расчеты о сданной рыбѣ, о барышѣ, о деньгахъ за про-

возъ, и потомъ отдохнуть. На прощаньѣ, пере-кликаясь съ лавочниками и съ извощиками, онъ замѣтилъ подлѣ себя Михайлу.

-Ну? что-же, ты куда ? — спросилъ онъ его. Пока обирался отвѣчать ему спрошенный, онъ прибавилъ съ необыкновеннымъ для него добросердечіемъ : — Пойдемъ-ка , братъ , со иной. Вѣдь я знаю , что тебѣ нѣкуда приклонить голову, такъ ужъ я покамѣстъ *ублаговлеку* тебя.

Едва вѣрилъ ушамъ своимъ изумленный Михайло, и безъ всякихъ дальнихъ соображеній пошелъ за Пименомъ Никитичемъ. Ему конечно не могло придти въ голову, что этотъ гордившійся передъ нимъ знаніями челоуѣкъ, этотъ опытный философъ, замѣтилъ въ сынѣ рыбака большую способность къ *счету* и знаніе въ грамотѣ, то есть, въ продолженіе дороги онъ видѣлъ нѣсколько разъ, какъ легко разрѣшалъ тотъ задачи о платежѣ за овесъ и ѣду, и какъ бойко прочитывалъ изъясненія лубочныхъ картинокъ, которыми украшались стѣны

въ крестьянскихъ избахъ. Встревоженный огромностью своихъ расчетовъ, Пименъ Ни-

китичъ тѣмъ охотнѣе рѣшился взять съ собою Ломоносова, что воспользовавшись его способностями, онъ еіще могъ придать этому и видъ благодаренія. Такимъ образомъ , это былъ первый человѣкъ, невольно оцѣнившій способности генія, -которому дивится потомство.

Весь вечеръ прошелъ въ умственныхъ занятіяхъ Пимена Никитича. Крупными каплями потѣлъ онъ и терялся въ томъ, что Михайло соображалъ въ нѣсколько минутъ и долго растолковывалъ ему. Наконецъ, когда разрѣшены были всѣ затрудненія и объяснены всѣ вопросы о количествѣ сданнаго товара, о суммѣ за провозъ, о дорожныхъ издержкахъ, о числѣ рогожъ и цѣновокъ, Пименъ Никитичъ былъ такъ доволенъ, что пригласилъ Михайлу ужинать съ собой. .

— Вотъ , и уголь есть у тебя ! — сказалъ онъ сидя за столомъ и прихлебывая капу-сту. — Только, братъ, я вѣдь здѣсь не надолго. Не вѣдаю, какъ ты пристроишься. Даромъ кормить никто не будетъ. Право, лучше тебѣ оставить свои затѣи, да приняться-бы, напримѣръ, за коммерцію. Слава тебѣ Госпо-

ди! Иной спитъ да видитъ. Это , ей Богу, такъ! А то какую тебѣ турусу учить ? Да и на что? Правда, что ученье свѣтъ, неуčenje тма; да, вѣдь,

хорошо, братъ, учиться тому, у кого есть что жевать. Ну, а тебѣ-ли за другими ? Тутъ и я пособить не могу. А порекомендовать хорошему человѣку — почто нѣтъ! Готовъ. Да, вотъ, хоть-бы Сидору Пафнутьичу, кому товаръ-то мы сдавали : у него Дѣла большія , человѣкъ онъ хорошій, и только будь . самъ хорошъ , такъ у него-бы тебѣ житье-то было завидное. А мое слово онъ уважитъ.

Это нравственное увѣщаніе запилъ онъ большою кружкою квасу, и продолжалъ :

— Право, братъ , лучше будетъ. Вспомнишь мое слово, да ужь поздно будетъ. Мое дѣло сторона; сытый голоднаго не разумѣетъ, говоритъ пословица; да, видно, ты не вѣришь ей.

«То-то, Пимень Никитичъ, что я пришелъ въ Москву насыщать не чрево, а голову.»

— А знаешь-ли ты — возгласилъ съ торжествомъ самозванный мудрецъ, отрывши въ памяти своей присказку, когда-то слышанную

имъ отъ какого-то книгочія — знаешь-ли. ты, что когда руки и прочіе тѣлесные члены не захотѣли повиноваться чреву, то вмѣстѣ-же съ нимъ и погибли ?

«Нѣтъ, это было, какъ нибудь да не такъ — возразилъ Михайло.» Голова всему голова; а мнѣ моя велить думать не объ одномъ насущномъ хлѣбѣ: она сама требуетъ пищи.

— Ну, такъ гаебѣ и книги въ руки ! — отвѣчалъ нѣсколько оскорбленный Пименъ Никитичъ; — Пропадай съ голоду , коли не хочешь слушать добрыхъ совѣтовъ.

«Я никогда не забуду вашего добра ко мнѣ,» сказалъ юноша, «я не смѣю думать, что когда нибудь приведетъ Богъ меня расплатиться съ вами ; но , право , на этотъ разъ не могу послушать- вашего совѣта.

— Да на кого-же ты надѣешься ?

«Во-первыхъ : , на Бога! Онъ не оставитъ меня. А потомъ , я готовъ пасть въ ноги нашей Царицѣ, и молить Ее о заступленіи.

—А я опять скажу тебѣ пословицу (вѣдь ихъ сочиняли мудрые люди) : до Бога высоко, а до Царя далеко. » Царица живетъ въ Питерѣ, такъ вѣдь не снова тебѣ идти съ обозомъ ту-

да. Успѣешь и здѣсь умереть съ голоду.

Послѣдній аргументъ Пимена Никитича заставилъ Михайлу задуматься. Онъ, какъ дитя, уличенное въ шалости, защищался отъ опытности своего противника, и на возраженіе его не сумѣлъ отвѣчать. Онъ вѣрилъ одному внутреннему чувству своему, но вѣрилъ крѣпко и былъ убѣжденъ, что онъ поступаетъ такъ, какъ должно было ему поступать. Подобно Колумбу, онъ готовъ былъ спорить съ цѣлымъ міромъ современниковъ своихъ, что тамъ, за

океаномъ препятствій, есть, непременно, страна свѣта, къ которой стремится душа его; но онъ не могъ указать имъ на эту страну, не могъ дать имъ осязать ея свѣта. Полувоздушна носилась передъ нимъ надежда, вѣрная сопутница человѣка во всѣхъ невѣрныхъ обстоятельствахъ, но и существенность угнетала его своею свинцовою тяжестью. Онъ не согласился съ Пименомъ Никитичемъ, но и не вѣрно отводилъ удары его логики, передъ судомъ самосознанія.

Помолились Богу, и Ломоносовъ легъ спать въ самомъ грустномъ расположеніи :

въ недовольствѣ самимъ собой. Чтобы опровергнуть всѣ возраженія, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ готовъ еще совершить такой-же путь, какой уже оставилъ за собою. Но идти такъ далеко не случилось ему.

Слѣдующій день провелъ онъ на постояломъ дворѣ , думая о своей будущности, и не придумывая ничего. Да , впрочемъ , и можетъ-ли семнадцатилѣтній мальчикъ, не знающій ни людей, ни свѣта, имѣть опредѣленные, вѣрныя намѣренія о будущемъ? Можетъ-ли онъ утромъ сказать о томъ, что свершится съ нимъ вечеромъ , когда почти каждый человекъ силенъ имѣть вліяніе на судьбу его ? Ломоносовъ думалъ , собственно не думая ничего , потому что онъ крѣпко вѣрилъ Провидѣнію и былъ

твердо убѣжденъ въ правотѣ своихъ поступковъ; онъ ожидалъ чего-то; ожидалъ чуда, или ангела-спасителя въ видѣ человека. Эта вѣра въ лучшую будущность, эта увѣренность въ собственныхъ силахъ , не смотря ни на что окружающее, бываютъ исключительною принадлежностью души чистой и воли неуклонной, неустрашимой, пер-

вой принадлежности всѣхъ необыкновенныхъ людей. Исполнители подвиговъ великихъ , они или вѣрно провидятъ будущее , повинуваясь гаданію души своей, или , жертвы своей увѣренности, погибаютъ на пути не конченномъ, но не ослабѣваютъ въ той нравственной силѣ, которая самой гибели ихъ даетъ знаменіе величія.

На веселѣ , въ разгулѣ возвратился Пимень Никитичъ домой , уже вечеромъ. Онъ привелъ съ собой гостя, какого-то господскаго прикащика, и привелъ его сколько по дѣламъ, которыя у нихъ были, столько-же и для того, чтобы весело заключить день , то есть, по Русскому обычаю, попить съ нимъ хорошенько, на свободѣ.

Впрочемъ, гость былъ совсѣмъ не похожъ на Пимена Никитича. Высокій ростомъ , дородный, свѣжій мужчина среднихъ лѣтъ, одѣтый не богато, но хорошо, онъ во всѣхъ движеніяхъ, во всѣхъ рѣчахъ своихъ показывалъ какую-то чинность, какое-то приличіе и степенство,

можетъ быть перенятыя имъ отъ господъ своихъ.

Поговоривъ о дѣлахъ, собесѣдники незамѣтно обратились къ предметамъ, постороннимъ. Михайло былъ тутъ-же и слушалъ ихъ. По временамъ онъ прислуживалъ Пимену Никитичу, принося желаемое угощеніе , то есть пиво и медъ.

— А что, благодѣтель — спросилъ гость, въ то время когда Михайло вышелъ за чѣмъ-то изъ комнаты — этотъ молодецъ пріѣхалъ съ тобой ?

« Да! » отвѣчалъ Пимень Никитичъ. « Нашелъ его на дорогѣ: стало жаль бѣдняка, и я творю ему добродѣтель. »

— Что-же ? ты взялъ его въ услугу себѣ ?
Одолженіе-то средней руки.

« Какое въ услугу : кормлю и пою, батюшка, Петръ Калистратовичъ ; а за что и самъ не знаю. Готоваго поѣсть да попить я могъ-бы и безъ его помощи. Ну, да о добромъ дѣлѣ жалѣть я не люблю.

Тутъ онъ пересказалъ въ нѣсколькихъ словахъ встрѣчу свою съ Ломоносовымъ, и заключилъ рассказъ слѣдующимъ нравоученіемъ: « Видно, было написано ему на роду сдѣлаться бродягой; видно , родители

не умолили Бога. Всѣ мы люди грѣшныя!»

— Правда — отвѣчалъ Петръ Калистратовъ — только этотъ малый не похожъ на негодая. Мы, братъ, всѣ на этомъ свѣтѣ бродяги, пока не придемъ къ тихому пристанищу. Помогать нищимъ и прохожимъ нашъ долгъ ; онъ прохожій : не нищій пусть себѣ идетъ своей дорогой ; долгъ всякаго помочь ему и напутствовать хлѣбомъ-солью и добрымъ словомъ.

«Да какъ-же ему безъ отцовскаго благословенія?...»

— Оно такъ, но я сужу еще и вотъ какъ : если-бы онъ безъ отцовскаго благословенія пустился на поклоненіе угодникамъ Московскимъ ; не хорошо что пошелъ безъ воли родительской , но благо что идетъ на доброе дѣло. Вѣдь и уйдти для науки, не то что на худое дѣло уйдти. Да и намъ-ли судить о томъ, что уже сдѣлано? Латъ долгъ помочь ему. Не въ худомъ дѣлѣ застаю его , и готовъ пособить добрымъ совѣтомъ. Знаешь-ли что ? Мнѣ еще сдается, что я видалъ его когда-то. Поразговорюсь-ко я съ нимъ.

« Чудодѣй ты, Петръ Калистратовичъ !»

сказалъ Пименъ Никитичъ, улыбаясь и качая головою. » Охота тебѣ заниматься этимъ пустозвономъ ! Доканчивай-ко лучше свою кружку.

Михайло возвратился , и Петръ Калпостратовичъ обратилъ къ нему рѣчь.

— Слышу , братъ , я , что ты прїѣзжій изъ Архангельска; тамъ я не бывалъ , но мнѣ сдается , что я видѣлъ тебя гдѣ-то. Въ первый разъ въ Москвѣ ?

Ломоносовъ смутился нѣсколько отъ этой рѣчи. Ему пришло въ голову : не опять-ли хотятъ подозрѣвать его въ чемъ нибудь ? не опять-ли хотятъ видѣть въ немъ самозванца? Онъ вспомнилъ о нападеніи Пимена Никитича , и , вооружившись всѣмъ своимъ мужествомъ , сказалъ голосомъ твердымъ :

— Въ Москвѣ я въ первый разъ ; вашей милости не видывалъ никогда; но васъ знаю по лицу , потому что лицо ваше не закрываетъ вашей доброй души. Всѣ добрые люди не только мнѣ знакомы , но и съ родни : на нихъ-то я и надѣюсь , за нихъ-то и буду прежде всѣхъ молиться Богу.

« Не много-же , Михайло , найдется у тебя

родныхъ ! — перебилъ его Пимень Никитичъ, который любилъ щегольнуть словцомъ.

.—По крайности я съ родни ему !—возразилъ Петръ Калистратовичъ. — Ты , Михайло, сказалъ то , что я думалъ ; только сказалъ ты покрасивѣе нежели мерещилось это въ моей башкѣ. Ты сказалъ -правду, и я , какъ родню, беру тебя къ себѣ. . . . коли позволить Пимень Никитичъ. -

— Сбылась пословица !—примолвилъ тотъ съ коварною улыбкою:—«*Ѳома въ Москву пришелъ, да скоро и родню нашель !* » Онъ былъ восхищенъ своею новою острою. Однакожъ, дивитесь странности противорѣчій въ человѣкѣ !.. . Ему было досадно, что Петръ Калистратовичъ такъ великодушно, и такъ скоро, слѣдственно два раза великодушно , вызвался дать пріютъ Михайлѣ. Онъ не понималъ этого поступка, однако въ сердцѣ его было какое-то не зрячее чувство, что это дѣло доброе, слѣдственно похвальное , а всякія похвалы желалъ-бы онъ привлечь на самого себя. Онъ понялъ также, какъ не умѣстно было при этомъ бѣдное его остроуміе, и принявъ на себя важную осанку, протяжно сказалъ :

«Петръ Калистратовичъ! Мѣшать доброму намѣренью не буду. Только вспомни, что ты самъ человѣкъ, такъ сказать, подчиненный: живешь въ барскомъ домѣ, и хоть на почѣтъ, и хоть у добраго господина, однакожь все-таки не въ своемъ углу. Бѣдъ и я подумывалъ, какъ-бы помочь Михайлѣ, потому что, право, жаль малаго: пропадетъ за даромъ; ну, да что я могу сдѣлать? Вѣдь и я занимаюсь, хоть-бы коммерціею, то-же но чужой милости, чужимъ добромъ, и самъ гляжу въ глаза другимъ. Радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ, какъ говорить. ...

— Я въ дѣлѣ, я и въ отвѣтъ, Пименъ Никитичъ! — перерваль его гость. — Что тутъ толковать! Конечно, я не на банкетъ приглашаю Михайлу: дамъ ему уголь да кусокъ хлѣба; вотъ все что могу сдѣлать. А вѣдь ты говоришь, что и этого не можешь. Да оно такъ и есть: ты человѣкъ пріѣзжій. ...

«Ну, самъ ты знаешь! — прибавилъ одобрительнымъ голосомъ Пименъ Никитичъ! — Я отъ добраго дѣла не прочь, да. ...

— Стало быть, коли Михайлѣ въ угоду, такъ я и милости прошу его къ себѣ! — сказалъ

Петръ Калистратовичъ.—Покуда, братъ, поживешь въ нашей дворнѣ, а тамъ подумаемъ.

Глубокимъ поклономъ отблагодарилъ Михайло за добрый вызовъ Петра Калистратовича. Онъ не зналъ что такое значила дворня Русскаго барина! По крайней мѣрѣ онъ могъ быть увѣренъ, что существованіе его обеспечено на скольконибудь времени. Въ несвязныхъ словахъ выразилъ онъ признательность свою за *благодѣяніе*, о которомъ не имѣлъ ни какого понятія. Бѣдный мальчикъ! Подобно щепкѣ среди бунтующихъ волнъ, онъ былъ среди океана людскихъ страстей и отношеній. Выносясь изъ глубины падающей волны другою волною, которая возносится для того только, чтобы пасть подобно своей предшественницѣ, онъ

думалъ, что ему лучше на этой обманчивой выси. Но таковы-то наши стремленія! Онъ летѣлъ къ міру свѣта, и уносясь въ міръ слугъ, считалъ, **долженъ былъ** считать это *благодѣяніемъ*.

Между тѣмъ разговоръ собесѣдниковъ оживился, и чудеса мудрости лились изъ устъ Пимена Никитича!

— Право — говорилъ онъ — надо помогать бѣднымъ! И душѣ-то отрадно, и Богу угодно, да и людямъ-то не худо ! Нашъ-то братъ самъ испыталъ все: бывалъ и на конѣ и подъ конемъ. Все Богъ, батюшка, Петръ Калистратовичъ ! Онъ питаетъ и птицы небесныя !

«Что и говорить объ этомъ, Пименъ Никитичъ! Правда, правда. »

— Да ей Богу такъ , Петръ Калистратовичъ ! Живемъ, живемъ, трудимся, трудимся: а для чего ? Ну, право такъ ! хоть умереть не сходя съ мѣста ! Доброму человѣку вездѣ хорошо. Такъ-то бываетъ подъ часъ горько, что кажется и не расхлебнешь ! Анъ мудрость-то наша человѣческая ! Истинно такъ, Петръ Калистратовичъ! Богъ меня убей, коли не правда! Вѣдь что-бы кажется !... Ну, а все не то ! Право такъ !

« Миръ вамъ ! » возгласилъ кто-то тонкимъ голоскомъ.

Въ дверяхъ стоялъ монахъ.

— Ба, ба, ба!—воскликнулъ Пименъ Никитичъ вскакивая со скамьи.— Отецъ Порфирій ! Покорнѣйше прошу, отче святой ! Да какими это судьбами ?...

«Да такъ , двумя ногами ! Шель, шель, да и пришелъ ! » отвѣчалъ веселый монахъ. «Миръ домъ и мы къ вамъ ! » примолвилъ онъ усаживаясь около стола.

— Истинно благодаренъ вамъ , отче ! — сказалъ Пименъ Никитичъ , стоя передъ нимъ и кланяясь.—Да какъ вы отыскали-то меня ?

« Какъ-же не отыскать стараго пріятеля ! » продолжалъ монахъ. « Былъ . въ рыбныхъ лавкахъ: вѣдь у насъ скоро праздникъ, такъ отецъ экономя просилъ сходить - за покупочкой. Вдругъ слышу, что изъ Архангельска пришелъ обозъ съ рыбой? Чей? такого-то. А кто пріѣхалъ съ обозомъ? такой-то. Гдѣ остановился? Мнѣ и указали путь. Вотъ я и направилъ стопы свои къ тебѣ , Пименъ Никитичъ ! Съ пріѣздомъ !... Да какой-же холодъ сдѣлался къ вечеру!» примолвилъ монахъ пожимаясь.

—Дозвольте-же поотогрѣть васъ, отче святой ! — сказалъ Пименъ Никитичъ , наливая большую кружку пива.

«Лишнее, Пименъ Никитичъ!» возразилъ

монахъ , взявшись за кружку. « За здоровье при-

ѣзжаго!» прибавилъ онъ, и прильнулъ къ кружкѣ губами.

—Вотъ какая еще оказія ! — сказалъ Пименъ Никишинъ, обратившись къ Петру Калистратовичу. — Вотъ сей насъ только пришло въ голову мнѣ, нто отецъ-то святой можетъ помочь нашему Михайлѣ. Право такъ !

« Отъ всего сердца ! » проговорилъ монахъ , поставивъ кружку. «А что это за Михайло , о которомъ говорите вы?»

—Да вотъ видите. . . поди сюда, Михайло! — продолжалъ Пименъ Никитичъ. — Вотъ-съ, онъ, отецъ Порфирій. Малый добрый , и при-, шелъ въ Москву учиться. Богъ вѣсть, какъ это пришло ему на умъ. Рыбачьему сыну, казалось-бы, и не кстати приниматься за книги; ну, да ужъ теперь далеко ворочаться въ Холмогоры. Охота пуще неволи !

« Учиться ? доброе дѣло ! » сказалъ монахъ. «Ты, голубчикъ, хочешь учиться?»

—Точно такъ-съ! — робко и радостно отвѣчалъ Ломоносовъ.

« Хорошо , мы объ этомъ подумаемъ. Для

Пимена Никитича я готовъ постараться о тебѣ.»

Эти слова привели въ гордый восторгъ Пимена Никитича. Онъ былъ вознесенъ до облаковъ отзывомъ монаха о своей значительности, и желая въ то-же время показать Петру Калистратовичу, что мы-дескать умѣемъ дѣла дѣлать поважнѣе вашихъ, пустился хвалить умъ, способности доброту Ломоносова, о которомъ прежде не случилось ему и подумать хорошо. Онъ почиталъ его безумцемъ, или, лучше сказать, не почиталъ ничѣмъ; но теперь подстрекнутое самолюбіе сдѣлало его жаркимъ ходатаемъ за безвѣстнаго пришельца.

Монахъ, задобренный пивомъ и медомъ, и въ самомъ дѣлѣ склонный къ добру, невольно увлекся въ обѣщаніе стараться о помѣщеніи Ломоносова въ Заиконоспасское училище, одно изъ немногихъ учебныхъ заведеній, существовавшихъ тогда въ Москвѣ, находившееся въ зданіяхъ монастыря, къ которому принадлежалъ отецъ Порфирій.¹

— Вотъ что называется: шелъ да нашель! — воскликнулъ довольный Пимень Никити-

чь.— Бѣднѣй охъ, а за него Богъ ! Кланяйся, Михайло, отцу Порфирію: онъ твой истинный благодѣтель; я, братъ, только навелъ его на доброе дѣло, а ужъ ему честь и хвала. .

« Не грѣши , старый знакомый ! » возразилъ монахъ. « Бѣсъ гордыни есть самый злой бѣсъ :

. не возноси меня своимъ дѣяніемъ. Я еще не сдѣлалъ тутъ ничего, и только еще думаю помочь ему, а ты ужъ сдѣлалъ это. Надѣюсь, чію Богъ пособитъ мнѣ исполнить твою просьбу и желаніе сего юноши ; -но вѣдь будущее вѣдомо одному Всевышнему.

—Оно такъ, отецъ Порфирій!— сказалъ Пимень Никитичъ, съ довольною улыбкою подливая пива въ кружку монаха. — Но намъ-ли грѣшнымъ людямъ творить добро ? Мы и на свѣтѣ-то живемъ вашими святыми молитвами. Что я сдѣлалъ? Кормилъ голоднаго, давалъ ему пріютъ , покуда могъ, и наконецъ попросилъ заступленія твоего: конечно, дорога милостыня въ день скорби. . . Ну, да , я не горжусь этимъ ; ей Богу, такъ !

Петръ Калистратовичъ морщился слушая это хвастовство. Ему страхъ какъ не прави-

лось самохвальство благодареніемъ , которое приписывалъ себѣ Пименъ Никитичъ. Ему было особенно жаль Михайлы , игравшаго при этомъ самую страдальческую роль. Бѣдный юноша, не постигая всей пустоты рѣчей Пимена Никитича , имѣлъ однакожъ сознаніе , что его унижаютъ излишне. Лицо его выражало покорность судьбѣ; но и чувство собственнаго достоинства не тускнѣло въ свѣтлыхъ , хотя и потупленныхъ очахъ его.

— Однако — молвилъ наконецъ Пфпръ Калистратовичъ—покуда святой отецъ будетъ ходатайствовать о добромъ дѣлѣ, малый долженъ побыть у меня. Это, кажется, дѣло рѣшеное, Пименъ Никитичъ?

« Коли тебѣ угодно, я согласенъ ; а, право, радъ и самъ помогать ему, чѣмъ Богъ послалъ. Истинно такъ, Петръ Калистратовичъ.

— Вѣрю и знаю , что ты говоришь правду — отвѣчалъ господскій прикащикъ.—Но, по прежнему твоему слову, я возьму Михайлу съ собой.

« Да не лучше-ли ужъ завтра; Петръ Калистратовичъ? Я самъ и приведу его къ тебѣ, и

отдамъ съ рукъ на руки.»

— Ну, пожалуй, пусть будетъ по твоему !... Однако, пора и до дому. Завтра присылай или приводи Михайлу. Добраго здоровья !»

Съ этими словами Петръ Калистратовичъ всталъ, помолился образу, и, раскланявшись со всѣми, вышелъ. Монахъ то-же поднялся, и, отвѣчая на безконечные поклоны Пимена Никитича желаніемъ ему всѣхъ благъ, подтвердилъ свое обѣщаніе, стараться о помѣщеніи Михайлы въ Заиконоспасское училище. Михайло не зналъ кого и благодарить. Низкими поклонами выражалъ онъ свою признательность при каждомъ обращеніи къ нему , при каждомъ словѣ о немъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какой нечаянный дождь одолженій, если не благодарій, пролился на него! Откуда, изъ какихъ благотворныхъ тучъ

летѣлъ онъ ? Что было причиной этого благопріятнаго столкновенія добрыхъ стихій ? Затроганное самолюбіе Пимена Никитича, пріятная наружность Михайлы , понравившаяся Петру Калистратовичу, и нечаянный приходъ монаха. Да и гдѣ-же искать изъясненія

многихъ дѣлъ, непостижимыхъ при первомъ взглядѣ?

Какъ-бы то ни было , во за Ломоносова вдругъ явилось три ходатая: Петръ Калистратовичъ , который безъ всякихъ видовъ вызвался дать пріютъ ему , Пименъ Никитичъ , не захотѣвшій , какъ говорится, отстать отъ другихъ, и монахъ, задобренный угощеніемъ и связанный даннымъ словомъ.

Что-то они сдѣлаютъ !

А между тѣмъ - насталь новый день , и Пименъ Никитичъ , пошатавшись въ разныхъ мѣстахъ , подѣлавши и поговоривши разныхъ дурачествъ, возвратился домой и велѣлъ Михайлѣ слѣдовать за собой къ Петру Калистратовичу. Ему хотѣлось и сохранить нѣсколько копѣекъ, которыя могъ стоить нахлѣбникъ, и погордиться еще разъ добрымъ дѣломъ. Таковы были мудрые расчеты его. Да и не таковы-ли расчеты многихъ мудрецовъ ?...

Съ невольною робостью и неохотой вступилъ Михайло за своимъ вожатаемъ въ огромный господскій домъ , гдѣ жилъ Петръ Кали-

стратовичъ. Домъ этотъ состоялъ изъ главнаго каменнаго корпуса, съ узкими окнами, желѣзными ставнями, и пристроеннымъ деревяннымъ крыльцомъ, да изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ, неправильно разбросанныхъ по двору, то-же каменныхъ зданій, какія и нынѣ еще есть въ нѣкоторыхъ старинныхъ Московскихъ домахъ. По двору бродило множество слугъ, разнаго возраста и вида. Изъ нихъ, иные были въ лохмотьяхъ, испачканы, гадки, другіе одѣты чучелами, въ неловкихъ кафтанахъ, съ галунами, и знакомъ приближенности къ своему барину, то есть съ какою-то изысканностью, чопорностью въ нарядѣ.

Петръ Калистратовичъ жилъ въ одномъ изъ небольшихъ строеній, и комната его была родъ подвала, перегороденнаго на двое. Когда пришли къ нему жданные гости, онъ сидѣлъ за бумагами, углубленный въ расчеты о привезенномъ господскомъ *добрѣ*. Подлѣ дверей стояла толпа мужиковъ, съ глупымъ подобострастіемъ ожидавшая его изрѣченій. Онъ пригласилъ Пимена Никитича садиться, и вскорѣ отпустивъ мужиковъ, началъ разговоръ.

—А ко мнѣ вдругъ пожаловаль въ ночь господинъ; катить изъ Питера, и привезъ съ собою дворовую челядь ; надо всѣхъ ублаготворить, угостить. . . . Я-же люблю чтобъ все было въ струнку вытянуто ! Голова не вернется! А къ

тому, она пуста и отъ твоего вчерашняго угощенія, Пименъ Никитичъ !

«Такъ по пословицѣ: мы къ тебѣ не въ пору гости, хуже Татарина!» подхватилъ нашъ ораторъ. -

— Что ты, пріятель ! я всегда радъ тебѣ. Да, не взыщи: теперь заниматься-то недосугъ. Ужъ я, вотъ, поотдѣлаюсь, такъ самъ, приду къ тебѣ съ зовомъ на вечернюю бесѣду.

Еще было обмѣнено нѣсколько такихъ-же сухихъ «разъ, и Пименъ Никитичъ увидѣлъ, что ждать ему нечего. Онъ указаль на Ломоносова и произнесъ торжественно :

— А вотъ тебѣ и еще хлопоты , Петръ Калистратовичъ ! Люби да жалуй ! Самъ , братъ, вызвался.

« Позабочусь, Пименъ Никитичъ ! » отвѣчалъ тотъ наморщившись. «Пооди, братъ, Михайло, пока въ кухню.

Съ поклономъ вышелъ Михайло изъ комнаты Петра Калистратовича и началъ бродить по двору. Грустно было на душѣ его. Онъ видѣлъ, что новый благодѣтель такъ-же мало радъ ему, какъ и прежній. Дитя! Пивной восторгъ и пустое щекотанье грубаго сердца почелъ онъ радушіемъ и добротой души ! Слова, которыя составляютъ ходячую монету ежедневныхъ разговоровъ, принялъ онъ за драгоценную существенность ! Жди опять стеченія счастливыхъ

обстоятельствъ , и меньше надѣйся на людей , а между тѣмъ испытывай ихъ безстыдную наглость. Въ самомъ дѣлѣ, толпа слугъ окружила его, и начала спрашивать, кто онъ, откуда, зачѣмъ, кто его привелъ въ домъ, надолго-ли?..

Онъ былъ готовъ бѣжать изъ этого дому, проживши въ немъ одинъ день. Петръ Калистратовичъ едва успѣлъ сказать ему, чтобы онъ ходилъ обѣдать и ужинать со слугами Но куда-же опять пристать самовольному изгнаннику ?...

Нѣсколько дней прошли для него въ самомъ печальномъ бездѣйствіи.

Глава III.

Высоко-прекрасна жизнь челоѡка, посвятившаго себя единому служенію Богу ! Отдѣленный отъ міра, и не столько оградою тихой обители , сколько разрывомъ со всѣмъ, увлекающимъ слабую чувственность нашу въ море заботъ и мученій свѣта, житель монастыря есть на землѣ образъ того спокойствія , которое ждетъ насъ за дверями здѣшной жизни. Это мертвецъ тѣломъ : стѣны монастыря могила его брэннаго состава. Но при ненарушимомъ спокойствіи внѣшней жизни, онъ обладаетъ всею дѣятельностію, всѣми сокровищами жизни духовной. . Только сбросивъ ломкія вериги жизненныхъ отношеній начинаетъ челоѡкъ жить духомъ, соединяться съ Богомъ, жить въ Богѣ. Тогда онъ подобенъ тонкому веществу, разлитому въ видѣ невидимаго *эѡира*, и проникающему всю вселенную. Переставая жить въ мірѣ, онъ живетъ во вселенной ;

Оканчивая жизнь личную, онъ существу-

еть въ жизни всеобщей ; онъ тогда идетъ прямо къ своему назначенію. Жизнь монастырская есть одна изъ самыхъ высокихъ идей, проявлявшихся когда либо въ нашемъ мірѣ.

Но не такъ смотрѣли на нее двое собесѣдниковъ, въ теплой кельѣ Законоспасскаго монастыря, разсуждавшіе о суетѣ всего подлуннаго.

— Нѣтъ , братъ , Пимень Никитичъ , ты не знаешь нашего житья-бытья, и потому такъ похваливаешь его. Заперъ-бы я тебя на вѣкъ въ эту келью , такъ вспомнилъ-бы ты о привольной жизни.

«Да позвольте-же, отецъ Порфирій , доложить вамъ, что наша , какъ вы изволите называть , привольная жизнь, мученье безконечное ! И праведная душа не спасется въ этомъ тревожномъ помыканіи.»

— Полно, братъ ! Да ужъ хоть Славянскимъ-то языкомъ не говори! Скажи просто, по-Русски: вѣдь не промѣнялся-бы со мной? А?

«Да гдѣ-же мнѣ, грѣшному человѣку, налагать на себя такое бремя неудобноносимое !

— То-то, братъ! Вспомнилъ-бы и жену и дѣтей. Что вѣдь, чай, у тебя ужъ дочка-то на

возрастѣ? Не-бось, скоро и за-мужь станешь снаряжать?

Тутъ монахъ, сидѣвшій облокотясь на столъ обѣими руками и закрывъ лицо, началъ протирать глаза и расправлять мускулы.

Пимень Никитичъ, не измѣняя своего важнаго вида, отвѣчалъ:

— Да, отецъ Порфирій, ужь ей около двухъ десятковъ. Да человекъ-то я, видите, не богатый. Бога не гнѣвлю : насущный хлѣбъ есть; да вѣдь нынче этого мало. Вотъ моя Анютка и сидитъ дома.

« Да, да ! » подхватилъ! монахъ съ живостью. « Анюта ! да, Анюта ! Что, вѣдь она, чай, въ матушку, такая-же красавица ? »

— Гдѣ нашимъ дочерямъ быть красавицами — скромно промолвилъ Пимень Никитичъ.

« Полно, братъ, скромничать-то ! Я вѣдь самъ не вѣкъ былъ монахомъ. Глаза-то глядѣли съ малыхъ лѣтъ. Помню еще твою супругу дѣвушкой ; нечего сказать : лебедь была ! Вѣдь я и самъ былъ хватъ ! Бывало, надѣнешь синій кафтанъ, да подпояшешься краснымъ »

кушакомъ, да и пойдешь по городу.. . . Ну, да теперь, братъ, все прошло.

— Житіе ваше , отецъ Порфирій , истинно сказать, то есть по чистой совѣсти, ей Богу не лгу. . . . то есть.

«Нѣтъ, братъ, я ужъ привыкъ къ нему; устарѣлъ, одряхлѣлъ до поры до времени ; а ты-бы

конечно убѣжалъ отсюда, какъ вотъ этотъ малый изъ Холмогоръ... . однако , кто это нашъ Семень не ведетъ его ? Я ужъ давно послалъ.

—Я, то есть, могу сказать, и не могу объяснить вамъ, отецъ Порфирій. ...

« Кто тамъ? » громко сказалъ монахъ, услышавъ шорохъ около дверей.

— Я-ста!—отвѣчалъ грубый голосъ. Кто-то отворилъ немного дверь, и просунулъ голову. И что это была за голова ! Нечесаная, со включенною бородою, съ свиными глазами. . . она принадлежала монастырскому служкѣ, Семену.

«Что-же? привелъ ты его ?» спросилъ монахъ.

— А привелъ-ста! — отвѣчалъ служка, не

перемѣня положенія.

« Такъ веди его сюда. »

— Да ужь онъ здѣсь-ста. Куда-же еще вести?

« Экой безтолковый! » сказалъ монахъ.

« Введи его сюда, ко мнѣ. »

— Сюда-ста? къ тебѣ? Хорошо.

Дверь медленно заскрыпѣла , и Семень растворилъ ее такъ, что она стукнула въ ближнюю стѣну. За нею открылся Михайло. « Войди сюда, голубчикъ, » сказалъ отецъ Порфирій, съ съ смиренно-ласковымъ видомъ обратившись къ Ломоносову. Тотъ вошелъ и поклонился ему.

« Ну, вотъ видишь-ли , » примолвилъ монахъ : « я говорилъ о тебѣ Ректору. Онъ такъ милостивъ, кто согласенъ принять тебя и помѣститъ въ училище. »

Слезы радости сверкнули въ глазахъ изумленнаго своимъ счастиемъ Михайлы. Въ недоумѣннн, въ восторгѣ, ве зная что дѣлать, онъ бросился къ отцу Порфирію, сталъ передъ нимъ на колѣни, и хртѣлъ цѣловать его руку.

« Не надо, не надо! » сказалъ монахъ. « Бла-

годари Бога, и молись за великую Государыню. Мы, грѣшные люди, только милостію Бога и Царицы можемъ помогать алчущимъ и жаждущимъ. Ректоръ велѣлъ представить тебя къ себѣ сегодня вечеромъ, и потому-то я послалъ за тобой. Нечего время терять : пойдемъ. Ужъ скоро къ вечерней трапезѣ будутъ звонить. Поблагодари Пимена Никитича, молодой человѣкъ : онъ былъ первымъ за тебя ходатаемъ и навелъ меня на доброе дѣло.»

Восхищенный юноша не могъ ничего выговорить. Онъ бормоталъ несвязныя слова, обратясь къ Пимену Никитичу. Этотъ человѣкъ, при всей грубости чувствъ своихъ, при всемъ превратномъ понятіи о сдѣланномъ имъ добрѣ, растрогался, можетъ быть первый разъ въ жизнь свою, ибо чувство добра всегда возвышаетъ человѣка, равняя даже дикаго сына природы съ образованнымъ гражданиномъ новыхъ

обществъ. Сказавъ нѣсколько обыкновенныхъ своихъ наставленій, которыя почиталъ онъ нужными для Ломоносова, Пименъ Никитичъ началъ подвигаться къ дверямъ, безпрестанно кланяясь отцу Порфирію, и нако-

нець, вышелъ.

Монахъ повель Ломоносова черезъ монастырскій дворъ, въ комнаты Ректора. Вступивши въ Нихъ , онъ оставилъ молодаго челоуѣка въ передней комнатѣ, а самъ пошелъ доложить о немъ.

Михайло былъ въ неизъяснимомъ восторгѣ, котораго даже не лъзя назвать радостью: это было какое-то безотчетное , тревожное состояніе духа, когда челоуѣкъ не знаетъ , что именно ждетъ его , но чувствуетъ, что въ немного минутъ должна рѣшиться судьба его, и рѣшиться къ лучшему. Онъ не замѣчалъ окружавшихъ его предметовъ , не имѣлъ никакого понятія объ училищѣ, о Ректорѣ, и радовался только мыслию , что наконецъ онъ близко желанной мѣты своихъ давнихъ, безпрерывныхъ помышленій.

Скорыми шагами возвратился отецъ Порфирій, и далъ ему знакъ слѣдовать за собой..

Прошедши еще одну комнату, они были передъ лицомъ Ректора. Почтенный видомъ, пожилой челоуѣкъ сидѣлъ на софѣ, передъ раскрытою книгою, которую, но видимому,

читаль

онъ не за-долго. Поглядѣвъ съ минуту на Ломоносова, онъ началъ говорить :

«Ты пришелъ сюда учиться, какъ мнѣ сказывалъ отецъ Порфирій. Намѣреніе доброе, и а готовъ помочь тебѣ выполнить его. Но, на-передъ должно знать, изъ какого ты званія?

— Я крестьянинъ. ...

« Ну, вотъ первое препятствіе ! » сказалъ Ректоръ, обратившись къ отцу Порфирію.

— Да, это правда... . отвѣчалъ тотъ.

«Скажи-же, пожалуста, какъ это пришла тебѣ мысль приняться за ученье ? Кто внушилъ тебѣ охоту къ книгамъ ?

—Этого я и сказать не умѣю—отвѣчалъ Михайло.—Съ малыхъ лѣтъ выучился я церковной грамотѣ ; перечиталь всѣ книги , какія были у нашихъ духовныхъ ; искалъ и старался добыть цовыхъ , да нашель только Славянскую Грамматику и Ариѳметику; выучиль и тѣ наизусть; да мнѣ еще хотѣлось знать. ...

Тутъ онъ остановился.

«Ну, что-же?» спросиль Ректоръ.

Юноша не могъ продолжать далѣе: глаза

его наполнились слезами, онъ задыхался отъ удерживаемыхъ рыданій.

« Что съ тобой сдѣлалось ? » спросилъ снова Ректоръ.

Оправившись нѣсколько, Михайло продолжалъ: — Я рѣшился бѣжать отъ отца.. . . но, право, я ужъ много разъ послѣ видѣлъ самъ, что сдѣлалъ не хорошо. . . . Можетъ быть и Ваше Высокопреподобіе сшанеше гнѣваться на меня... и потому я рѣшился прежде всего сказать вамъ объ этомъ. Накажите меня , но не отсылайте назадъ, и позвольте учиться здѣсь.

Ректоръ не измѣнялъ своего важнаго вида ; но опытный мужъ этотъ понялъ , изъ немногихъ словъ , и доброе сердце , добрыя правила бѣглеца, и жаркое стремленіе его къ наукъ. Къ тому-же, открытый , пріятный видъ, и умные глаза молодаго человѣка понравились ему. Онъ рѣшился принять его непременно , и хотѣлъ только не дать вида одобренія тому, чего въ самомъ дѣлѣ не лзя было похвалить.

«Послушай, молодой человѣкъ : не было-ли другой какой нибудь причины , которая заставила тебя уйдти изъ отеческаго дома? Не

сдѣлалъ-ли ты какой нибудь шалости ?

— Ей Богу, нѣтъ, Ваше Высокопреподобіе! — отвѣчалъ простодушно Ломоносовъ , и страхъ лишиться благорасположенія Ректора развязалъ ему языкъ. — Если было что нибудь еще, такъ это моя мачиха , которая била меня за то, что я читалъ книги , наводила отца на разныя строгости, и хотѣла чтобы я женился; а я умеръ-бы отъ этого. Мнѣ всегда хотѣлось

знать и вѣдать то, что вижу. Да у насъ-же такая сторона, что чудеса на всякомъ шагу: и море, и зимы, безъ солнца а свѣтлыя, и лѣса непроходимые ; а въ лѣсахъ сколько дивнаго!... Человѣкъ не звѣрь , который живетъ только для того, чтобы пропитать себя. Ему надобно знать , что для чего создано. ... А, гдѣ я могъ научиться всему этому и узнать многое другое ? .. Судите меня сами... .

«Ну, а если-бы я велѣлъ тебѣ воротиться домой?... »

— Ваше Высокопреподобіе ! неужели вы сдѣлаете это? А если сдѣлаете , такъ я убѣгу въ другой разъ , и въ Холмогорахъ не останусь. Особенно теперь, мнѣ тамъ и житья не будетъ. -

« Но ты видишь , что мнѣ трудно принять тебя въ наше училище : во-первыхъ потому, что ты бѣглець, а во-вторыхъ потому, что у насъ не принимаютъ въ ученіе крестьянскихъ дѣтей.

Ломоносовъ задумался. Не обращаясь ни къ кому, онъ произнесъ какъ будто невольно : — Такъ неужели потому , что я родился крестьянскимъ сыномъ , мнѣ уже не лъзя и учиться ?

« Да , почти такъ ! » примолвилъ Ректоръ. «Однакожь я возьму тебя на свою отвѣтственность, если ты будешь уменъ, добръ , послушливъ. Въ тебѣ видна излишняя горячка, молодой человѣкъ! А ты будешь подчиненъ людямъ, которые выше всего почитаютъ смиреніе.

— Я буду повиноваться всякому ; только позвольте мнѣ учиться, Ваше Высокопреподобіе.

« Ну, скажи-же мнѣ : ты знаешь церковную грамоту?

Знаю и гражданскую.

« И гражданскую? А что еще знаешь ты ?»

—Службу церковную, уставы церковные;

знаю еще Ариѳметику Магницкаго.

« О, братецъ , да ты преученый человѣкъ ! » сказалъ Ректоръ улыбнувшись, « Однакожь у насъ не вѣрятъ сказанному ; надо доказать слова свои на дѣлѣ. Ты долженъ выдержать экзамень.

— Не знаю о чемъ вы говорите; но я готовъ на все.

« Отецъ Порфирій ! » сказалъ Ректоръ обращаясь къ монаху: « ты можешь самъ сдѣлать это: проэкзаменуй его, и потомъ передай Медосту Ипполитовичу.

Смиренымъ поклономъ отвѣчалъ монахъ. А Ломоносовъ? Онъ не зналъ, къ Богу ли обратиться съ первымъ благодареніемъ, или къ по-

кровительному Ректору. Онъ не умѣлъ выразить восторга своего ни словами , ни движеніями ; но если Ректоръ умѣлъ читать Языкъ души, выражаемый лицомъ , то конечно благодарность Ломоносова показала ему краснорѣчивѣе всѣхъ благодарственныхъ рѣчей, читанныхъ имъ на Латинскомъ языкѣ схоластикомъ.

На другой день , утромъ , отецъ Порфирій

явился къ Ректору, Герману Копцевичу, и послѣ обычнаго привѣтствія сказалъ :

—Почитаю долгомъ извѣстить Баше Высокопреподобіе , что мальчикъ , мною представленный , оказался отлично-хорошимъ чтецомъ, и во всѣхъ отвѣтахъ своихъ показалъ смѣшливость большую. Ариѳметику Магницкаго знаетъ онъ наизусть ; Грамматику Смотрицкаго то-же.

«Право?» съ довольнымъ видомъ произнесъ Копцевичъ. «Стало быть видъ его не обманулъ меня. Да отъ чего-же онъ знаетъ и Грамматику и Ариѳметику наизусть?»

—Онъ говоритъ, что это были у него единныя книги. Онъ все читалъ ихъ, до того что наконецъ знаетъ наизусть.

«Чудное дѣло!... Надобно-же пристроить его. Не знаю только какъ?... Поговорю съ Префектомъ. А между тѣмъ пусть онъ ходитъ въ Латинскій классъ къ Медосту Ипполитовичу.

— А куда-же прикажете помѣстить его ? то есть въ какое отдѣленіе ?

« Вотъ, это опять вопросъ. Въ малолѣтныя, странно, а съ большими, будетъ обидно тѣмъ:

Вѣдь онъ еще ничего не знаетъ. Пусть однако живетъ съ малолѣтними.

— Онъ скоро догонитъ большихъ !

«Видно, что ты заступникъ за него, братъ Порфирій. .

— Не отъ того слова Мои. Вижу, что это молодой орелъ, Богъ знаетъ какъ воскормленный между съверскими воронами; надобно только дать ему расправить крылья.

«У тебя всегда охота къ фигурѣ сравненія ! Дай-же и мнѣ сказать, что орлу надобно высокое летаніе, а Богъ вѣсть куда полетитъ этотъ орелъ, когда подрастутъ у него крылья. Намъ не орлы надобны, а домашнія птицы. Онѣ полезнѣе. Надобенъ и присмотръ за нимъ.

Я беру это на себя — сказалъ отецъ Порфирій. Богъ не далъ мнѣ быть великимъ ученымъ , но за то далъ охоту къ добру. Я беру на себя присмотръ за Ломоносовымъ.

«Благословляю на доброе дѣло!» сказалъ Ректоръ.

И такъ пламенный сынъ рыбака уже въ училищѣ ! Какое стеченіе обстоятельствъ благопріятныхъ было необходимо , чтобы онъ достигъ этого ! И кто не согласится, что

одна увѣренность и, можно сказать, легкомысленная надежда, будто люди поймутъ его, примутъ его, была путеводною звѣздою его въ этотъ трудный періодъ жизни? Онъ ошибся. Люди не понимали его, какъ обыкновенно не понимаютъ они не бывалаго; однакожь онъ восторжествовалъ надъ препятствіями. Приписывайте это случаю! Но берегитесь, безъ сильной воли, безъ увѣренности генія, пускаться въ опасный путь. Вы замерзнете на дорогѣ изъ Холмогоръ, васъ не примутъ продавцы рыбы, вы не найдете заступниковъ въ Москвѣ, вы не заставите страстей человѣческихъ поспориться и сдѣлать вамъ добро невольно. Всѣ эти успѣхи принадлежать генію: только онъ преодолеваетъ все. А мы дивимся, откуда успѣхъ этому человѣку!

Ломоносовъ былъ радъ еще и тому, что избавился отъ окружавшихъ его пото

му что, какъ онъ полагалъ, въ стѣнахъ училища обитаютъ одни ученые мудрецы. Посмотримъ, какъ они примутъ его. Между тѣмъ началось ученье.

Зайконоспасская Академія, куда поступилъ Ломоносовъ, достопамятна для насъ, - ка-

къ

первое мѣсто его образованія, какъ первый пріютъ, гдѣ началъ развиваться мощный - его геній.

Только въ просторѣчи называлась она Законоспасскою, отъ мѣстоположенія Спасскаго монастыря, въ которомъ помѣщалась, до иконными лавками , существующими и до нынѣ. Ее называли даже, въ томъ числѣ самъ Ломоносовъ, *Спасскими школами*, потому, можетъ быть, что иногда бывала тутъ не одна школа. Но когда онъ поступилъ въ нее, она уже именовалась *Московскою Славяно-Греко-Латинскою Академіею*. Вотъ какъ возникла она.

При Царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ, братѣ Великаго Петра , безсмертномъ уничтожителѣ мѣстничества и драгоцѣнномъ своею любовію къ просвѣщенію, пришелъ въ Москву изъ Іерусалима Іеромонахъ Тимоѣей. Онъ былъ природный Рускій, но живши много лѣтъ въ Палестинѣ, хорошо изучилъ Греческій языкъ. Царь пожелалъ видѣть пришельца, услышалъ отъ него, въ какомъ бѣдственномъ состояніи находится

просвѣщеніе Греческихъ Христіанъ , и великодушно рѣшился помочь своимъ Христіанскимъ братьямъ , чтобы хоть нѣсколько вознаградить для потомковъ благодѣяніе предковъ, освѣтившихъ Россію ученіемъ истиннаго Бога. Тому-же Іеромонаху Тимоѳею повелѣлъ онъ учредить Греческую школу, и при содѣй-

ствіи Патріарха Іоакима школа учредилась около 1680 года, въ типографскихъ зданіяхъ. Число учащихъ въ ней простиралось до 40 мальчиковъ всякаго званія. Тотъ-же Іеромонахъ былъ ихъ Ректоромъ, а Греческому языку обучалъ Грекъ Мануиль и послѣ него Греческій монахъ Іоакимъ. Царь и Патріархъ обращала особенное вниманіе на свою меньшую школу, и почти каждую недѣлю сами осматривали ее, входили во всѣ подробности и награждали учащихъ и учащихся. Царь хотѣлъ распространить ее по обширному плану и заготовилъ для этого великолѣпную грамоту, гдѣ видна вся благолюбивая душа его. Въ то-же время онъ писалъ къ Вселенскимъ Патріархамъ о своемъ намѣреніи , и просилъ ихъ прислать, для за-

мышляемой имъ Академіи, искусныхъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ мужей. Но вскорѣ онъ скончался ; настали политическіе перевороты, Стрѣлецкій бунтъ , разныя неустройства и намѣреніе Θεодора оставалось безъ исполненія. Между тѣмъ, Вселенскіе Патріархи -прислали двухъ избранныхъ ими мужей, незабвенныхъ въ Исторіи образованія Россіи : это были два брата, Греки, Іоанникій и Софроній Лихуды. Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи приняли ихъ благосклонно , и повелѣли имъ взять изъ Греческой школы нѣсколько старшихъ учениковъ, которые и были помѣ-

щени. въ особенной школѣ, при Богоявленскомъ монастырѣ. Черезъ два года отданы имъ въ обученіе и всѣ остальные, для постепеннаго преподаванія разныхъ наукъ на Латинскомъ и Греческомъ языкахъ. Школа увеличилась пріемомъ но человекъ боярскихъ дѣтей, и кромѣ того нѣсколькихъ разночинцевъ. Лихуды пользовались уваженіемъ всѣхъ , понимавшихъ важность труда. Въ 1685 году Іеродіаконъ Мелетій завѣщавъ имъ 2000 рублей, на построеніе Академіи. Она бы-

ла построена въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, куда и переселились Лихуды со всѣми своими учениками. Это было самое цвѣтущее состояніе Академіи при Лихудахъ. Около 4690 года, на нихъ возставили страшное гоненіе Строитель Заиконоспасскаго монастыря Сильвестръ Медвѣдевъ и Бояринъ Шекловитый; зло и клевета простерлись до того, что несчастные братья были сосланы въ Костромской Ипатьевскій монастырь. Такимъ- образомъ судьба ихъ отдѣлилась отъ судьбы знаменитаго ихъ училища, изъ котораго уже начинали выходить ученые молодые люди. Двое изъ этихъ, Николай Семеновъ и Ѳедоръ Поликарповъ сдѣлались преемниками Лихудовъ въ учительствѣ, и пять лѣтъ были почти единственными преподавателями всѣхъ наукъ въ Академіи. Ѳедоръ Поликарповъ, извѣстный и въ Лишшературѣ, еще извѣстнѣе въ

типографскомъ искусствѣ: онъ билъ справщикомъ и наконецъ Директоромъ Типографіи Духовной, въ которую перешель изъ Академіи. Преемниками его и Семенова были опять ученики Лахудовъ: Іовъ,

Чудовскій монахъ , и потомъ Палладій Роговской. Наконецъ Петръ Великій повелѣлъ преподавать въ Заиконоспасской Академіи полный курсъ наукъ на Латинскомъ языкѣ, и вслѣдствіе этого Стефанъ Яворскій, правившій тогда патріаршимъ престоломъ, вызвалъ новыхъ учителей изъ Кіевской Академіи. Они совершенно преобразовали ученіе и ввели преподаваніе схоластическое , внесенное въ Кіевъ во время Польскаго владычества.

Лихуды, послѣ многихъ испытаній судьбы, находились тогда опять въ Москвѣ, и обучали Греческому языку на Казанскомъ подворьѣ. Но въ 1717 году Іоанникій Лихудъ умеръ, а братъ его Софроній былъ произведенъ Архимандритомъ въ Рязанскій Содотчинъ монастырь. Новая Греческая школа ихъ существовала до 1724 года, когда повелѣно было соединить ее съ Академіею. Послѣднимъ учителемъ Греческаго языка въ ней былъ Грекъ Аѳанасій Скіада; въ Заиконоспасской Академіи должность эту занялъ ученикъ Лихудовъ, Алексѣй Барсовъ.

Вотъ изъ какихъ элементовъ составилось

училище , въ которомъ помѣстился наконецъ Ломоносов! Надобно сказать, что оно было тогда не совершенно церковное или духовное училище: въ него принимали и дворянъ. Потому-то , когда Ректоръ согласился принять къ себѣ Ломоносова , онъ записалъ его дворяниномъ , и только не велѣлъ ему говорить объ этомъ съ товарищами.

Глава IV

Но чему я какъ учили тогда въ Заиконоспасской Академіи ?... И теперь любопытно заглянуть въ тѣ школы, гдѣ еще не оставлена привычка къ старому ; любопытно , потому что это противоположно съ нашими понятіями, какъ прошедшее съ настоящимъ, какъ жизнь и смерть.

Ломоносова учили весьма просто, или весьма мудрено, какъ будемъ глядѣть на это. Просто потому , что такъ учили всѣхъ, мудрено потому, что кто хочетъ извлечь изъ такого ученья сколько нибудь пользы, тому надобно употреблять всѣ силы ума.

Ломоносову было около семнадцати лѣтъ, когда посадили его за Латинскую азбуку. Тверди, будущій геній, дивные знаки и звуки ! Учителемъ его былъ на первый случай добрый Іеромонахъ Медость Ипполитовичъ. Онъ никакъ не могъ понять, что черезъ нѣсколько дней полудикій Михайло зналъ азбуку и прочитывалъ слова не хуже его. » Тверди, мой

другъ, тверди ! » говорилъ добрый монахъ.

— Да ужъ я знаю все это — отвѣчалъ Михайло.

« Тверди. »

Дайте мнѣ чтонибудь новое твердить.

« Тверди старое : Repetitio est mater studiorum. Понялъ-ли ты что сказалъ я?

— Нѣтъ-съ.

« Повтореніе матеръ ученія (такъ перевелъ Латинскую фразу Медостъ Ипполитовичъ).

И Ломоносовъ твердилъ, то есть повторялъ то что зналъ уже очень хорошо. Лѣнь другихъ радовалась такому повторенію, а онъ досадовалъ, то на учителя, то на себя, потому что приписывалъ своей тупости немилосердые школьные обычаи. Еще больше приводили его въ недоумѣніе товарищи своими насмѣшками. Правда, они были ему товарищи не по лѣтамъ, однакожь онъ думалъ, что и въ мальчишкахъ найдетъ радушныхъ совѣтниковъ и сотрудниковъ. Онъ обращался иногда къ нимъ съ вопросами о затрудненіяхъ своихъ въ азбукѣ, но вмѣсто отвѣта слышалъ одинъ язвительный смѣхъ.

Отскакивая отъ него, они кричали съ хохотомъ; « Экой болванъ ! лѣтъ въ двадцать пришелъ учиться Латини ! Мужикъ съ азбучкой возится ! »

Досада и грусть сжимали его сердце. Нѣсколько разъ случалось, что выведенный изъ терпѣнія шалунами-товарищами, онъ кидался бкть ихъ ; но толпа разлеталась дождемъ, и еще больше горькія насмѣшки осыпали его. «У, у ! И, и ! » кричали ему со всѣхъ сторонъ и передразнивали его тѣлодвиженіями. Ломоносовъ увидѣлъ, какъ глупо было положеніе его, и далъ себѣ неизмѣнное слово не обращать вниманія на толпу оборванныхъ, оципанныхъ шалуновъ, вооруженныхъ только дерзостью и шумною веселостью. Наружное безстрастіе къ нимъ сдѣлалось щитомъ его. Мальчики не унимались , но уже не такъ охотно преслѣдовали его, потому что и въ этомъ возрастѣ любятъ отличатся трудными подвигами , а легкое, доступное для всѣхъ, дѣлается пошлымъ, скучнымъ, ничтожнымъ.

Хотите-ли видѣть живое изображеніе товарищей Ломоносова? Подите когда нибудь, ча-

су въ первомъ по полудни, мимоскаго училища : въ это время высыпаетъ изъ него толпа мальчиковъ, запачканныхъ, оборванныхъ, шаловливыхъ. Они шумятъ , прыгаютъ , бѣснуются, увиваются около плута-разнощика, бранятся другъ съ другомъ.... вы подумаете, это цѣлый народъ маленькихъ сумасшедшихъ. Но таковъ всегда и вездѣ *радостный*

народъ. Можетъ-ли занимать ихъ ученье, когда

не занимаетъ ни что въ мірѣ? Они веселы, какъ птички, они не знаютъ для чего учать ихъ, и зная только , что это тяжкая необходимость , рады, рады когда избавляются отъ нея хоть на время. Не разъ приходило мнѣ на мысль, глядя на эту оборванную толпу школьниковъ. . . . скаго училища, что такъ-то нашъ Ломоносовъ началъ свое огромное поприще ! Правда, онъ былъ головою выше ихъ, а эти всѣ такъ ровны! Однако, кто знаетъ, что и въ этой запачканной толпѣ не кроется какой нибудь геній ? Можетъ быть !

Ломоносовъ вооружался терпѣніемъ про-

тивъ насмѣшекъ не равныхъ ему товарищей. Онъ прилежно корпѣлъ надъ азбукою, надъ тетрадками, и черезъ полгода, на экзаменѣ, удивилъ самого Ипполитовича своимъ знаніемъ. Онъ объяснялъ ему такіе предметы, которые, казалось, и не входили въ кругъ азбуки. Онъ касался даже вопросовъ Грамматическихъ, когда дѣло шло о складахъ ; онъ объяснялъ смыслъ, гдѣ дѣло шло о звукахъ ; онъ зналъ наизусть всѣ правила, и распространилъ ихъ далеко въ область грамматическую. Такой необыкновенный успѣхъ обрадовалъ почтенныхъ учителей его , и они единогласно рѣшили , что Ломоносовъ переводится въ *Грамматическій* классъ. Самъ Ректоръ изъявилъ ему свое удовольствіе и поручилъ его особенному вниманію новаго учителя, Іеромонаха Германа Канашевича.

Одною изъ главныхъ выгодъ этой побѣды для Ломоносова было усмиреніе его товарищей: большая часть ихъ, промучившись цѣлый годъ, остались въ классѣ азбучномъ ; переведенные вмѣстѣ съ нимъ не оказали такихъ большихъ успѣховъ , хотя приготовлялись къ нимъ годами. Вниманіе Ректора и

похвалы учителей были также великимъ дѣломъ для насмѣшниковъ, увидѣвшихъ слабость свою передъ пріѣзжимъ *мужиломъ*. Его перевели въ другое жильё, и хотя онъ все еще былъ старшій по лѣтамъ, но за то сталъ извѣстенъ и какъ старшій по успѣхамъ.

Грамматическій классъ сдѣлался новымъ мученьемъ для нетерпѣливаго Ломоносова. Онъ въ немного времени узналъ склоненія, спряженія и свойства другихъ частей рѣчи. Умъ его хотѣлъ перенестись дальше, но строгій Канашевичъ удерживалъ нетерпѣливца. «Не глупѣе тебя были великіе наставники юношества,» сказалъ онъ ему однажды, когда Ломоносовъ упрашивалъ его изъяснить что нибудь дальше Этимологіи. «Они опредѣлили, и опытность многихъ лѣтъ пріучила всѣхъ, заниматься Этимологіею цѣлый годъ. Какъ-же хочешь ты перепрыгнуть за предѣлы вѣковой мудрости? Удержись, юноша!»

Что-жь сдѣлалъ Ломоносовъ? Не оставляя Этимологіи, онъ началъ самъ изучать Синтаксисъ. Канашевичъ и не догадывался объ этомъ, когда на экзаменѣ въ 1731 году, Ломо-

носовъ, превосходно отвѣчая на всѣ вопросы изъ Этимологіи , сказалъ, что онъ знаетъ также и Синтаксисъ.

« Синтаксисъ ? » вскричали экзаменаторы въ одинъ голосъ. « Но ты не учился ему. »

— То есть меня не учили ему, хоть я и просилъ объ этомъ ; но я учился самъ, и знаю уже. ...

Ректоръ, Софроній Мегалевичъ, не за-долго поступившій на мѣсто Копцевича, остановилъ его мановеніемъ руки , и съ сердцемъ сказалъ Канашевичу, что онъ не смотритъ за своими учениками, что они учатъ не то чего требуютъ отъ нихъ, и *слѣдовательно* не знаютъ того, что нужно. .

Канашевичъ осмѣлился замѣтить, что Ломоносовъ оказался первымъ и въ Этимологическомъ классѣ.

« Знаю, и за успѣхи переведутъ его въ Синтаксическій классъ, а за гордыню, за нетерпѣливость и непослушаніе, я , какъ прavitель училища, приказываю посадить Михайлу Ломоносова въ *темную*, на двои сутки. Скромность и смиреніе первыя добродѣтели для юноши. »

Ломоносовъ дивился, почему-же его сядятъ въ темную за самое простительное нарушеніе правилъ училища, за *излишніе успѣхи*, а многихъ товарищей его оставляютъ въ покоѣ, когда они не оказываютъ ни какихъ успѣховъ, и притомъ дѣлаютъ порядочныя шалости? Юноша еще не зналъ различія между **обыкновеннымъ**, **слѣдовательно** необходимымъ, или по крайней мѣрѣ простительнымъ, и **необыкновеннымъ**, **слѣдовательно** нарушающимъ правила, принятыя всѣми. Покровителя, защитника его, отца Порфирія, уже не было въ монастырѣ, и онъ оставался безъ всякихъ дружескихъ совѣтовъ. Ломоносовъ сдѣлался осторожнѣе, и когда перевели его въ Синтаксическій классъ (это было въ 1731 году), сталъ умѣрять свою пылкость и ограничиваться только тѣмъ, что заставляли его выучивать. Правда, Грамматика, со всѣми своими каверзами, крючками, таяла передъ его умомъ какъ снѣгъ, какъ воскъ отъ пламени, однакожь онъ не показывалъ новому своему учителю, Тарасію Посникову, что этой умственной пищи мало ему, что онъ смотритъ

дальше, глубже изъясняемыхъ ему таинствъ. Онъ проникалъ въ тайны Просодіи, въ тайны языка вообще, а не одного Латинскаго, и скрывалъ это отъ всѣхъ : товарищи не поняли-бы его, а учителя, можетъ быть, опять вздумали-бы наказать.

Между тѣмъ, ученіе одной Латини давно перестало удовлетворять его. Уже слишкомъ два года находился онъ въ школѣ, а его не пускали дальше Латинской Грамматики, въ которой былъ онъ только что на половинѣ, по крайней мѣрѣ по наружности, а на самомъ дѣлѣ онъ уже сдѣлался довольно силенъ въ Латинскомъ языкѣ и понималъ авторовъ. Еще за годъ началъ онъ сочинять Латинскіе стихи, варварскіе, отъ которыхъ содрогался прахъ Горація и вянулъ миртъ надъ могилой Виргилія; однакожь это показываетъ быстрые его успѣхи. Греческій языкъ обрадовалъ его своимъ богатствомъ, своими трудностями; но для этого языка не было ни порядочныхъ учителей, ни порядочныхъ книгъ. Ломоносовъ замѣнялъ недостатки школы своею проницательностью, самъ составлялъ таблицы, системы и дѣлалъ выводы, которыхъ не

было ни въ книгахъ его , ни на устахъ его учителей. И за всѣмъ тѣмъ, у него еще оставалось много свободнаго времени. Естественно: онъ не шалилъ вмѣстѣ съ мальчишками-товарищами въ часы отдыха. Онъ выпросилъ себѣ позволеніе рыться въ библіотекѣ училища, и въ то время, когда товарищи его бѣгали, прыгали, ходили колесомъ, играли въ свайку или вертѣли кубарь, онъ спѣшилъ въ уединенное книгохранилище, разсматривалъ, пожиралъ тамъ все новое для

него, и въ опредѣленную минуту являлся опять въ классъ. Къ большому горю его, онъ мало находилъ въ библіотекѣ такихъ книгъ, которыя удовлетворяли-бы его разнообразныя требованія. Тутъ было много сочиненій богословскихъ , мало историческихъ , и почти совсѣмъ не было математическихъ и философическихъ. А ему страхъ какъ хотѣлось узнать таинства математики и философіи. За то нашелъ онъ въ библіотекѣ много книгъ церковныхъ, любимыхъ имъ съ малолѣтства. Языку церковному не учили тогда ни гдѣ; но достойная хвалы привычка , читать священные книги , рано познакомили благочестивыхъ

людей съ языкомъ ихъ. Ломоносовъ былъ превосходнымъ чтецомъ еще въ своей деревнѣ, любилъ пѣть духовныя пѣсни, и потому зналъ языкъ церковный, чувствовалъ всѣ тонкости его. Оживая въ просвѣщеніи ума, онъ началъ понимать всю силу этого языка, столь благозвучнаго, выразительнаго, богатаго. Это невольнымъ образомъ привело его къ мысли о языкѣ собственно-Русскомъ. « Учатъ здѣсь Латинскому и Греческому, а о Русскомъ не думаютъ,» размышлялъ онъ. « Неужели тотъ языкъ, которымъ мы говоримъ, на которомъ думаемъ и передаемъ всѣ ощущенія души, неужели этотъ языкъ не заслуживаетъ изслѣдованія, изученія самаго тщательнаго ? » Съ такимъ-то недоумѣніемъ обратился онъ къ ново-

му своему учителю, Тарасію Посникову. Этотъ человекъ еще не былъ монахомъ : онъ только приготовлялся къ монашескому чину, и потому называли его бѣльцомъ ; впрочемъ, занимая не важное мѣсто въ Академіи, онъ не искалъ ни у кого, ничего, и не пользовался большою милостью своихъ старшихъ.

« Ты говоритъ о Русскомъ языкѣ,» сказалъ

онъ Ломоносову. « Да, кто о немъ станетъ думать здѣсь? Ты видишь, что кромѣ меня тутъ все Малороссіяне : они и говорятъ по-Русски не чисто, и не могутъ понимать нашего языка во всемъ совершенствѣ, да и не любятъ его. А чего не любятъ, о томъ не думаютъ. Это все прїѣзжіе въ Москву, большею частію Кіевскіе Академисты и Профессоры. Они почитаютъ нашу Академію ниже своей, и прїѣзжаютъ сюда только похвастать ученостью.

— Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ у нихъ, въ Кіевѣ, больше учености нежели здѣсь ?

« Больше пособій, правда ; за то у нихъ Латинь съѣла все ; она прилѣпилась къ нимъ отъ Поляковъ , которые , долго владычествуя въ Кіевѣ, не успѣли засѣять благодатнаго поля своею Латинскою ересью, такъ засѣяли его Латинскою ученостью.

— Однакожь это любопытно — сказалъ Ломоносовъ — и я желалъ-бы поучиться въ Кіевѣ.

« Чему ? » спросилъ съ досадою Посниковъ.

« Аристотелевой мудрости или Польской Латини?

— И тому и другому, а больше всего хочет-

ся мнѣ порыться въ тамошней библіотекѣ : вы сами подтвердили , что она богаче нашей Московской.

« Книгъ у нихъ много, да въ людяхъ мало толку , » сказалъ Посниковъ. « Не совѣтую, братъ , Михайло , забиваться въ Кіевъ : раскаешься. И у насъ, нечего грѣха таить, много занимаютъ пустяками; а у нихъ ужъ только пустяками и занимаютъ : споры, диспуты, пустое головоломство !...

— Но вамъ извѣстно, что въ нашей библіотекѣ очень мало , слиткомъ мало книгъ философическихъ, физическихъ, математическихъ....

«Э, братъ, Михайло ! да неужели ты ужъ хочешь въ Философическій классъ ?

— Если-бъ я былъ достоинъ , то не отрекся-бы; но я хочу самъ учиться Философіи, Физикѣ. ...

Посниковъ расхохотался.

«Ты хочешь самъ сдѣлаться философомъ, Михайло ! Ну , такъ поѣзжай , братъ, въ Кіевъ : тамъ будешь ты какъ рыба въ водѣ.

Ломоносовъ отвѣчалъ, нѣсколько оскорбленный смѣхомъ своего учителя :

— Я не думалъ говорить неуютнаго вамъ, и если въ моихъ словахъ есть что нибудь необдуманное, то наставьте , просвѣтите меня.

« Да какъ-же, братецъ : хочешь ѣхать въ Кіевъ, за тѣмъ, что тамъ много книгъ, Господь вѣдаетъ о какихъ предметахъ ; а нашу Русь развѣ не надобно тебѣ узнавать больше всего другаго ? Ты самъ заговорилъ о Русскомъ языкѣ : научишься-ли ему тамъ ? Ты Рускій : знаешь-ли каковы были наши предка? знаешь-ли ты что нибудь про солнышко Владиміра Святославича ? про Мстислава Удалаго ? про Димитрія, побѣдителя Татаръ? знаешь-ли про Минина и Пожарскаго ?

Эта патріотическая выходка зажгла пылкую душу Ломоносова. Онъ сознался въ невѣдѣніи своемъ, и двѣ, три недѣли съ жаромъ читалъ лѣтописи Русскія, которыхъ было довольно въ монастырской библіотекѣ; хотѣлъ отчетистѣе, обдуманнѣе изучать свой языкъ, но не находилъ ни какихъ пособій, кромѣ давно извѣстной ему Грамматики Смотрицкаго. Это охладило его , и онъ не замѣтно погрузился опять въ Латинь, въ

Греческій языкъ. Таково было свойство нашего поэта : умъ его вдругъ хотѣлъ обнять цѣлый міръ; но воля и уму человека есть предѣлы; потому-то онъ естественно не могъ долго углубляться въ одинъ предметъ. Разумѣется, говоря это о гени; мы не разумѣемъ здѣсь поверхностности людей обик-

новенныхъ. Въ двѣ недѣли узнавалъ онъ то, на что другому потребны мѣсяцы; въ каждомъ предметѣ раскрывались ему новыя стороны; вся природа имѣла для него новый смыслъ, ускользящій отъ толпы. Но при этомъ свойствѣ, быстро схватывать главный характеръ и рѣзкія черты всего, онъ не имѣлъ терпѣнія, необходимаго для успѣховъ прочныхъ, вѣковыхъ. Главною, постоянною страстью его была страсть къ ученію, желаніе узнать и охватить умомъ цѣлый міръ.

Между тѣмъ, схоластическія формы уже начали овладѣвать литературнымъ его образованіемъ ; онъ привыкалъ вѣрить, что въ нихъ заключается вся задача учености ; однакожъ умъ, свѣжій, ясновидящій, не хотѣлъ быть побѣжденнымъ такъ легко. Ло-

моносовъ полюбилъ Науку Природы, хотѣлъ броситься въ глубину Метафизики; но тутъ встрѣтилъ онъ непреодолимое препятствіе : у него не было пособій для этихъ наукъ. Ариѳметика Магницкаго давно зажгла въ немъ страсть къ Математикѣ, но страсть эта гасла безъ пищи, и воскресала только по временамъ, при какихъ нибудь внезапныхъ задачахъ природы.

Тогда какъ умъ Ломоносова жаждаль знаній положительныхъ, точныхъ, его перевели въ высшій классъ, гдѣ Іеромонахъ Теофилактъ Квѣтницкій *наставлялъ въ Латинской и Россій-*

ской Поэзіи. Не понимая ни смысла, ни объема многозначительнаго слова: *Поэзія*, добрый монахъ просто сказывалъ своимъ слушателямъ то, что слыхалъ отъ своего учителя. Поэзія его заключалась въ Аристотелевскомъ подраздѣленіи страстей, какъ будто со временъ Аристотеля человекъ не жилъ, не открылъ новыхъ міровъ поэзіи , не кипѣлъ новыми страстями , не зналъ иныхъ вдохновеній, кромѣ Греческаго. Надобно прибавить, что и это преподаваніе относилось

только къ Латинскому языку и къ его стихотворству. Въ Россіи уже писали тогда Русскіе стихи Кантемиръ и Тредьяковскій, но публика, и тѣмъ болѣе Заиконоспасская Академія не знали о нихъ. Такимъ образомъ Ломоносовъ былъ окруженъ, стѣсненъ, задавленъ Латинью : она была для него языкомъ, поэзіею, ученостію, всѣмъ, по- тому что въ ней заключалось тогда все.

Въ такихъ обстоятельствахъ насталь для него экзамень 1732 года. Ломоносовъ замѣтилъ необыкновенное волненіе въ училищѣ: Префектъ, учителя и всѣ служащіе въ монастырѣ суетились, бѣгали, заботились о порядкѣ, и ласково обращаясь къ ученикамъ, просили ихъ быть скромными, вѣжливыми на торжественномъ экзаменѣ, а болѣе всего упрашивали приготовиться какъ можно лучше къ отвѣтамъ яснымъ, точнымъ, исправнымъ. « Высокопреосвя-

щеннѣйшій Теофанъ, Архіепископъ, обѣщаль посѣтитъ нашъ экзамень, » сказали наконецъ имъ.

« Не посрамите-же насъ предъ симъ многученымъ и великимъ мужемъ.

Имя Θεοφана гремѣло тогда въ Россіи. Этотъ знаменитый мужъ былъ любимцемъ четырехъ Монарховъ Россійскихъ. Кіевскій уроженецъ, сынъ простаго мѣщанина, онъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ отправился въ Литву, учиться : Кіевская ученость не удовлетворяла его. Имя Рускаго, и еще Греческаго исповѣданія, не было рекомендаціей у Поляковъ, до такой степени, что Θεοφанъ, называвшійся тогда еще *Елеазаромъ*, рѣшился выдать себя Уніятomъ, подружился съ Католическими монахами , и даже вступилъ въ братство Базиліанскаго монастыря. Онъ изумилъ Католиковъ своими успѣхами въ наукахъ, въ языкахъ , и очаровалъ ихъ своимъ гибкимъ умомъ, своимъ краснорѣчіемъ, такъ что они рѣшились послать его въ Римскую Академію. Три года жилъ Θεοφанъ въ Римѣ ; наконецъ, увидѣлъ великолѣпную пустоту чужеземцевъ и возвратился въ Россію. Тутъ-то началось его славное поприще. Орлиный взоръ Петра открылъ въ простомъ монахѣ Кіевскомъ будущаго государственнаго мужа. Постепенно приближалъ его къ себѣ Петръ , и постепенно раскрывались въ Θεοφанѣ новыя

способности , новыя средства къ великому по-
двигу преобра-

зованія, для котораго Петру были *нужны люди*. Почти во всѣхъ дѣлахъ церковныхъ участвовалъ Теофанъ, и по кончинѣ Петра не переставалъ имѣть большую силу при Дворѣ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые способствовали возведенію на Россійскій Престоль Императрицы Анны Іоанновны. Послѣ ея коро? нованія, Дворъ долго оставался въ Москвѣ, а Теофанъ еще долѣе. Въ это-то время случился экзамень въ Заиконоспасской Академіи. Архіепискупъ желалъ быть на немъ, и произвелъ страшное волненіе въ кругу преподавателей тамошнихъ , робкихъ передъ высокимъ саномъ и передъ славнымъ , проницательнымъ умомъ Теофана.

Въ назначенный день, съѣхались въ Академію многія знаменитыя духовныя особы ; явился и Теофанъ.

Странное впечатлѣніе потрясло душу Ломоносова, когда онъ увидѣлъ этого достопамятнаго сподвижника Петра. Незнакомый съ почестями и властями , онъ не понималъ значительности Архіепископа какъ государ-

ственного мужа : онъ видѣлъ въ немъ только человека, глубокаго ученостью и умомъ , испытаннаго трудами и пожертвованіями наукѣ) долго жившаго въ стѣнахъ Рима, и уже славнаго своими собственными сочиненіями. Онъ еще никогда не видывалъ людей знаменитыхъ, *историческихъ*,

и хотя былъ окруженъ нѣсколько лѣтъ но по какому-то невольному чувству составлялъ себѣ иной идеалъ ученаго мужа. Ему казалось, что онъ видитъ осуществленіе этого идеала въ Теофанѣ. Пылкая душа его и горячій умъ воспрянули: онъ, безъ всякаго честолюбія, изъ одной благородной ревности къ достоинству человека, рѣшился высказать всего себя. И надобно было удивляться этому богатому дарованіямъ юношѣ ! Онъ свободно изъяснялъ на Латинскомъ языкѣ самые отвлеченные предметы; ясно и краснорѣчиво говорилъ о языкѣ Славянскомъ (такъ называли тогда языкъ церковный) ; удивлялъ всѣхъ слушавшихъ знаніемъ безчисленнаго множества ученыхъ мѣлочей, которыя всегда придаютъ ,такой блескъ школьнымъ экзаменамъ. Греческіе классики были извѣстны ему мало,

однако языкъ ихъ онъ зналъ, и вообще явился первымъ по своимъ свѣдѣнїямъ, и еще болѣе по изящному дару слова , который блистательно помогъ ему показать прїобрѣтенныя имъ свѣдѣнїя.

Θеофанъ самъ дѣлалъ ему много вопросовъ, былъ , казалось , доволенъ имъ , но не хотѣлъ отличить его передъ другими учениками , для того чтобы не унижить ихъ. Онъ спросилъ только объ имени молодого человека , столь отличнаго своими дарованїями, и когда вошелъ въ комнаты Архимандрита , гдѣ былъ приго-

товленъ завтракъ, то, прежде всего, подробно освѣдомился о Михайлѣ Ломоносовѣ и велѣлъ позвать его.

Смиренно явился скромный ученикъ передъ славнымъ ученымъ. Пылкость, которая одушевляла его на экзаменѣ, прошла: онъ робѣлъ. Но благосклонный взоръ архипастыря ободрилъ его. Θеофанъ сидѣлъ на канапе , и велѣлъ Ломоносову подойти къ себѣ ; множество сановниковъ стояли въ почтительно-мъ отдаленїи. Поглядѣвъ нѣсколько секундъ на прекраснаго , полнаго жизни юношу ,

онъ сказалъ : « Этотъ молодой человекъ общаетъ много : надобно только чтобы онъ исполнилъ свои обѣщанія. » И прибавилъ , обративши рѣчь къ Ломоносову: «Для науки оставилъ ты отеческій домъ, и наука приняла тебя какъ избраннаго сына. Богъ да благословить тебя на подвигъ труда благаго !» Онъ осѣнилъ Ломоносова крестнымъ знаменіемъ.

Никакія награды въ мірѣ не были-бы для Ломоносова такъ драгоцѣнны , какъ это благословеніе архипастыря, къ которому съ перваго взгляда зародилось въ душѣ его благоговѣйное чувство. Онъ удерживалъ нѣсколько секундъ свое чувство , но наконецъ бросился на колѣни и искалъ благословляющей его руки.

Ееофанъ самъ былъ тронутъ. Онъ спросилъ, не можетъ-ли сдѣлать ему чего нибудь полез-

наго ; не имѣетъ-ли онъ какого-либо желанія, для будущихъ своихъ успѣховъ.

Въ такія торжественныя минуты Ломоносовъ бывалъ удивительно смѣль.

«Ваше Высокопреосвященство!» сказалъ онъ. « Будьте прежде всего моимъ заступни-

комъ. Я учусь здѣсь незаконно. ...

Всѣ учителя его, бывшіе тутъ , Префектъ , Архимандритъ , поблѣднѣли и чуть не ахнули отъ страха.

— Да , Ваше Высокопреосвященство ! Я мужикъ , и только по милости господъ наставниковъ моихъ принять въ здѣшнюю Академію, куда нѣтъ входа разночинцамъ. Я записанъ здѣсь дворяниномъ , и ежеминутно боюсь , что это когда нибудь можетъ причинить неудовольствіе моимъ благодѣтелямъ, и выгнать меня изъ убѣжища наукъ. »

Лицо Теофана, сначала омрачившееся, прояснилось.

« Если это называешь ты незаконнымъ, » сказалъ онъ улыбаясь , « то будь спокоенъ. Я защитникъ твой съ сей минуты.

Ломоносовъ низко поклонился ему.

« Да, » примолвилъ Архіепископъ. « Не бойся ничего ! хотя-бы со звономъ въ большой Московскій соборный колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ, я твой защитникъ. Но,

юноша! Будь-же и ты достоинъ милостей , оказываемыхъ тебѣ старшими. Продолжай

учиться, какъ ты началъ. Не ослѣпляйся первыми успѣхами своими.

— Я почитаю себя нижайшимъ изъ нижайшихъ — возразилъ Ломоносовъ. — Не только гордость, но и самодовольство еще не зараждалось въ душѣ моей. Признаюсь вамъ открыто : я не доволенъ собой, и эти успѣхи, какъ вы благоволили назвать усердные труды мои, кажутся мнѣ дѣтскими. Что это за успѣхи, когда я выучиваю по книжкамъ то, что можетъ выучить всякій, сколько нибудь прилежный мальчикъ ? Я желалъ-бы вдаться въ Математику, въ познаніе природы, въ Философію : тамъ искушеніе для ума человѣческаго.»

« Не все вдругъ, мой добрый юноша ! » сказалъ Теофанъ. « Сначала надобно узнать азбуку, чтобы послѣ читать книги ; сначала надобно усовершенствоваться въ наукахъ словесныхъ, чтобы потомъ перейти къ другимъ. »

Ломоносовъ едва не сказалъ, что въ ихъ Академіи нѣтъ другихъ наукъ, и что все ограничивается словопреніями. Онъ удержался; однакожь Теофанъ проникъ тайную мысль его и сказалъ :

«Ты можешь почерпнуть много и другихъ свѣдѣній, изъ книгъ, хранящихся въ академической библіотекѣ. »

— Библіотека наша бѣдна книгами по тѣмъ наукамъ, о которыхъ я упомянулъ, Ваше Высокопреосвященство. Говорятъ , Кіевская гораздо богаче.

« Да ! Кіевская ! правда. Кіевъ старинный разсадникъ наукъ. Я самъ возросталъ тамъ ; я возвратился туда изъ великолѣпныхъ книгохранилищъ Рима и Венеціи, и наша Кіевская библіотека не показалась мнѣ бѣдною. Что же?

ты можешь также съѣздить въ Кіевъ, поучиться и тамъ годъ, два. Почтенные наставники , вѣрно, дозволятъ тебѣ это, » прибавилъ онъ съ улыбкою , обращаясь къ властямъ Заиконобпасской Академіи.

Какъ тонкій политикъ во всѣхъ малѣйшихъ отношеніяхъ, Теофанъ не хотѣлъ поддерживать долѣе разговоръ съ ученикомъ, въ продолженіе котораго безмолвствовали его учителя. Онъ еще разъ благословилъ Ломоносова, и, сдѣлавъ ему нѣсколько пастырскихъ наставленій, отпустилъ юношу,

восхищеннаго умомъ и благодушіемъ знаменитаго мужа.

Оставшись въ своемъ кругу, гдѣ игралъ онъ первую роль, Теофанъ завелъ рѣчь о многихъ предметахъ, былъ отмѣнно милостивъ ко всѣмъ, и прощаясь съ братією, будто вспомнилъ опять о Ломоносовѣ и поручилъ его особенному покровительству Архимандрита и Префекта.

Дни пошли опять своею чередой ; только Ломоносовъ вскорѣ замѣтилъ , что начальники и и учителя стали требовательнѣе къ нему, начали изъяслять нѣкоторую холодность къ своему прежнему любимцу, и, не рѣдко, язвительными намеками напоминали ему, что онъ *фаворъ* у Высокопреосвященнаго. Это чувство такъ естественно въ сердцѣ человѣческомъ ! Въ самомъ дѣлѣ, какъ осмѣлился выскочка разглагольствовать прямо съ такою высокою особою, и заставилъ старшихъ своихъ быть только слушателями? Да и какъ не совѣстно Высокопреосвященному унижать себя разговоромъ съ простымъ школьникомъ, когда вокругъ него столько почетныхъ особъ. О, надобно-же доказать ни-

чтожному пришельцу, что онъ еще не вышелъ изъ подъ нашей ферулы ! надобно доказать.

Начались эти доказательства. Первое состояло въ томъ, что съ него стали строго взыскивать за малѣйшее недоразумѣніе, за самую мѣлкую ошибку. Второе , отъ него стали требовать не человѣческихъ успѣховъ; третье, ему начали отказывать во всѣхъ, самыхъ справедливыхъ просьбахъ ; четвертое... но возможно-ли исчислить все ? Этого не лѣзя даже ставить въ вину человѣку, если такое чувство маленькаго мщенія, какъ будто доказательство его силы, кроется въ душѣ почти каждаго, и

только строгій прѣсмотръ за нашимъ хранилищемъ всего прекраснаго, высокаго, благороднаго , только непрерывное наблюдение за собою , дѣлаютъ насъ чистыми, достойными высокаго нашего названія.

Однакожь , сколько мы ни отдаемъ справедливости сердцу человѣческому , а Ломоносову было отъ этого не легче. Онъ долго терпѣлъ нападенія непріязненныхъ (долго и одинъ день для того , кто терпитъ) ; наконецъ

ць рѣшился обьясниться съ самимъ отцомъ Архимандритомъ, и повергнуть передъ нимъ свою искреннюю, давнюю просьбу.

Явившись къ нему въ свободную минуту, онъ нашель его одного, что было очень кста-ти, и за смиреннымъ завтракомъ, что было еще больше кстати. Архимандритъ былъ истинно добродѣтельный, благочестивый человекъ; желалъ добра и дѣлалъ его всякому; но иногда увлекали его услужливые совѣтники. Онъ не разлюбилъ Ломоносова, и не смотря на черную тѣнь, которая легла между ними послѣ Теофанова посѣщенія, встрѣтилъ его благосклонно.

«Что скажешь, добрый Архангелогородецъ?» спросилъ Архимандритъ ласково.

— Ваше Высокопреподобіе! Вы мой благодѣтель: смѣло являюсь къ вамъ съ новою просьбою.

«А я радъ выслушать тебя.

— Отпустите меня въ Кіевъ, Ваше Высокопреподобіе.

«Въ Кіевъ? а зачѣмъ?»

— Одинъ годъ поучиться тамъ, посмотрѣть славнаго въ Исторіи нашей мѣста, и прочеть

нѣкоторыя книги.

« Въ Кіевѣ !... Не по приказу-ли Высокопреосвященнаго ?

— По собственному желанію и по благословенію этого великаго архипастыря. Остается только вамъ благословить меня.

« А если я не могу сдѣлать этого ? »

— Милость Вашего Высокопреподобія неизреченна.

« Оно такъ , » сказала Архимандрить смягчаясь, » но я не властенъ одинъ отпустить тебя

Ломоносовъ обратилъ на него глаза съ вопрошающимъ видомъ.

« Да, не властенъ ; для этого надобно согласіе всей Академіи, надобны особенныя причины; а между тѣмъ , того и жди, что ты опять станешь публично рассказывать о своемъ самозванствѣ.

— Ваше Высокопреподобіе! передъ архипастыремъ и въ вашемъ присутствіи изливая свою душу , я не думалъ , что оскорблю кого ни-

будь. Но если я виноватъ , простите меня и припишите моей неопытности поступокъ,

можетъ быть, слишкомъ дерзкій. Вамъ извѣстно, что я не былъ никогда доносчикомъ и сплетникомъ. Клянусь Богомъ, что гдѣ бы ни былъ я, мое глубокое почтеніе къ вамъ не изгладится въ моемъ сердцѣ. Вы можете вѣрить мнѣ, вами облагодѣтельствованному.

« Я и готовъ вѣрить , но сказалъ уже, что одинъ не могу отпустить тебя. Для этого надобно согласіе Академіи и особенныя побудительныя причины.

— Причина : страсть моя къ ученью.

« Да, я часто слышу объ этой страсти ; но слышу и о другихъ страстяхъ твоихъ ; ты не уживчивъ съ товарищами , не уважителенъ къ старшимъ, дерзокъ съ высшими.

— Въ первый разъ на меня это обвиненіе ! и оно тѣмъ прискорбнѣе, что узнаю о немъ изъ устъ Вашего Высокопреподобія.

« Да, любезный Михайло, я долженъ сказать, что все это говорятъ о тебѣ люди , достойные вѣры.

— Но сверстники мои до сихъ поръ были по большей части мальчики ; у меня съ ними не могло быть *t* согласія , когда я не игралъ съ

ними въ свайку. Учители, благодареніе Богу , не вписывали меня въ число нерадивыхъ или негодяевъ. Вашему Высокопреподобию извѣстно лучше всѣхъ, соблюдалъ-ли я уваженіе къ старшимъ и къ высшимъ.

« Все это правда, и я вѣрю , что ты малый добрый ; но съ нѣкотораго времени, я право не знаю.... тебя что-то всѣ не любятъ. У тебя все такія затѣи ; ты все хочешь дѣлать самъ, мимо другихъ !

— На кого-же надѣяться мнѣ, Ваше Высокопреподобіе ? Я сирѣ, хотя родитель мой здравствуетъ. — Онъ вздохнулъ. — Позвольте сказать вамъ откровенно : съѣздить въ Кіевъ было давнее мое желаніе ; но теперь къ этому побуждаетъ меня еще и то общее неудовольствіе , которое возбудилъ я противъ себя , не знаю чѣмъ. Не будетъ меня здѣсь , и буря пройдетъ. Останется память только о томъ , что было во мнѣ добраго. А черезъ годъ, если допуститъ Богъ возвратиться мнѣ сюда, я предстану съ новымъ смиреніемъ и съ новою опытностью къ умираннымъ временемъ сердцамъ.

« Витіевато , витіевато ! » сказалъ съ до-

вольнымъ видомъ Архимандритъ, которому понравилось нѣсколько семинарское краснорѣчіе Ломоносова.

« Хорошо, » прибавилъ онъ , « я предложу объ отпускѣ тебя въ Кіевскую Академію, и надѣюсь, что желаніе твое исполнится. Ступай съ Богомъ, Михайло. »

Архимандритъ началъ доканчивать свой завтракъ, а Ломоносовъ отправился къ товарищамъ въ ихъ камеры, и уже съ какимъ-то отчужденіемъ глядѣлъ на закоптѣлыя, мрачныя стѣны, среди которыхъ провелъ онъ нѣсколько лѣтъ. Мысль, зараждавшаяся въ его умѣ, обыкновенно тѣснила и гнала отъ него всѣ другія, не столь живыя впечатлѣнія. Кіевъ былъ теперь новою мѣтою его, и Москва, куда прежде стремились всѣ его желанія, потеряла прелесть свою для этого пылкаго ума, для этой ненасытимой новыми впечатлѣніями души. .

Прошло нѣсколько дней. Однажды Ломоносовъ сидѣлъ съ книгою, передъ окномъ, когда ему сказали, что какой-то пріѣзжій изъ Холмогоръ спрашиваетъ его. Сердце вздрогнуло въ немъ, и холодный потъ выступилъ

на челѣ, когда онъ вообразилъ, что, можетъ быть, это разгнѣванный отецъ требуетъ его передъ свои грозныя очи. Не радость, нѣтъ, не радость ощутилъ онъ при быстрой мысли о свиданіи съ родителемъ: трепеть проникъ въ его душу, когда онъ вообразилъ справедливо раздраженнаго бѣгствомъ его отца, власть отцовскую, разлуку съ убѣжищемъ наукъ, возвращеніе къ прежнему быту. . . Все это пролетѣло молніей въ умъ его. Наконецъ онъ собрался съ ду-

хомъ, тайно сотворилъ молитву къ неизреченному благостью Богу, и пошелъ къ пріѣзжему.

Онъ ошибся. То былъ не отецъ его, а старичекъ, мужикъ изъ одной съ нимъ деревни. Увидѣвши Ломоносова, онъ всплеснулъ руками и простодушно молвилъ :

« О, братъ Миша, да какой ты оборванный !

»

Никогда въ мысль не приходило Ломоносову, что, въ самомъ дѣлѣ, среди небогатыхъ товарищей былъ онъ самый убогій. Всѣмъ казеннымъ воспитанникамъ выдавались отъ училища рубахи и тиковые халаты, для пока-

за въ торжественныхъ случаяхъ , но въ другое время заставляли ихъ носить что у кого было. Изъ Особенной милости , а можетъ статья и потому, что это было уже необходимо, Ломоносову позволили наконецъ носить выданный за два года халать, который сдѣлался очень ветхъ. Но почти у всѣхъ товарищей его были родители или родственники, которые снабжали ихъ обувью и давали имъ иногда деньги на пищу , на бумагу и даже на лакомство ; а онъ долженъ былъ довольствоваться однимъ жалованьемъ , которое составляло всего *алтынъ въ день* ; изъ этого употреблялъ онъ денежку на хлѣбъ и денежку на квасъ, остальное на бумагу , на обувь и на всѣ другія нужды. Такая *несказанная бѣдность*, какъ послѣ выразился онъ

самъ, не была замѣтна для него. Онъ жилъ въ поэтическомъ мѣрѣ, и, неуклонно стремясь къ высокой цѣли , не обращалъ вниманія на свои не-поэтическіе лохмотья, на голодъ и нужду , которые часто принужденъ былъ терпѣть. Восклищаніе земляка вдругъ сняло покровъ съ глазъ его. Онъ какъ будто въ первый разъ взглянулъ на свою жалкую одеж-

ду ; однакожь , безъ всякаго смущенія , подкрѣпленный благородною гордостью , отвѣчалъ ему :

« Это буднишное платье : у насъ всѣ такъ ходятъ по буднямъ .

— Не ужь-то ? худо-же , братъ , житье-то ваше . А я принесъ тебѣ поклонъ отъ родителей , Василья Дороеича .

« Скажи мнѣ прежде всего : здоровъ-ли родитель мой ?

— Родитель ? слава те Господи , батюшко !

« Да какъ ты отыскалъ меня , Петровичъ ? » спросилъ Ломоносовъ .

— Какъ ? Да вѣдь ужь давно знаютъ въ нашей сторонѣ , куда улетѣлъ ты , кормилецъ .

« Зачѣмъ ты здѣсь ?

— Зачѣмъ ? какъ зачѣмъ ? съ товаромъ пріѣхалъ .

« Ну , скажи-же мнѣ , каково поживаетъ родитель мой ?

— Каково ? Да , слава ше Господи , батюшко ! Приказалъ мнѣ сказать тебѣ свое благословеніе , да помолиться , чтобы ты не оставилъ его на старости . Наградилъ-де меня Богъ всякимъ добромъ ; кровавымъ , дескать , потомъ

нажилъ я всякое довольство, а онъ не хочетъ утѣшить меня , не хочетъ послушать родительскаго совѣта и приказанія.

« Теперь ужь поздно ворочаться мнѣ домой, Петровичъ. Другую часть избралъ я себѣ, и богатство отца не воротитъ меня на родную сторону. Полюбилъ я книги, да ученье, а кто къ нимъ привяжется , тотъ не кормилецъ и не наслѣдникъ отцу.

Такъ говорилъ Ломоносовъ, стараясь быть вразумительнымъ для закоренѣлаго невѣжды, своего земляка. Какъ могъ онъ объяснить ему иначе свое отчужденіе отъ родительскаго дома?

Тотъ слушалъ его разинувъ ротъ, и по сѣверному обычаю началъ опять чѣмъ-то въ родѣ вопроса безъ отвѣта :

— Не кормилецъ ? А по что ?

« Да *по то*, что мнѣ здѣсь лучше и въ бѣдности , чѣмъ въ довольствѣ у отца.

г— Лучше ? А сколько добра всякаго у твоего родителя ! Подумай ты, Миша , что умретъ онъ, такъ все чужіе люди расхитятъ.

« Дай Богъ многолѣтія моему почтенному родителю ! О смерти , Петровичъ , говоритъ

нечего , когда еще мы живы и здоровы. Надѣюсь , что молитву мою о здравіи отца услышитъ Богъ. А. объ имѣніи его я и не думаю.

— Не думаешь? Да онъ велѣлъ сказать тебѣ, что для тебя-де наживаль онъ и трудился ; а ты не хочешь милости его принять.

« Не могу, хотя-бы и хотѣлъ. Я какъ монахъ, который обрекъ себя иному образу жизни, для мірскихъ, для семейныхъ прельщеній не возвращусь домой. Скажи это моему родителю ; скажи , что я горячо люблю его , всегда поминаю въ своихъ молитвахъ, земно кланяюсь ему.

— А домой не пойдешь ?

« Не пойду.

Старикъ не зналъ какъ лучше упрашивать ему земляка : все краснорѣчіе , всѣ доводы его истоцились. И надобно сказать , они были такого рода, что могли еще больше укрѣпить Ломоносова въ неизмѣнномъ его намѣреніи. Деньги! Довольство ! Нажитое отцомъ имѣніе ! Какъ все это смѣшно было для него , когда *вѣтнмъ* хотѣли уговорить его воротиться домой. Гораздо труднѣе было ему противиться

одному, драгоцѣнному слову : *отецъ*. Но уже такъ многое раздѣляло ихъ , что возвращеніе къ прежнему было невозможно. Онъ еще разъ приказалъ старику Петровичу изъяснить отцу все почтеніе , всю привязанность сына , и спѣшилъ разстаться съ нимъ.

Тяжело вздохнулъ Ломоносовъ , когда кончилъ объясненіе съ старикомъ. Любовь къ отцу и даже къ родинѣ воскресла въ немъ : надобно было задушить ее. Прошедши нѣсколько шаговъ къ своему жилищу (они разговаривали посреди широкаго двора Академіи) , Ломоносовъ невольно оглянулся , и затрепеталъ , смотря на безобразнаго земляка своего , который тихо удалялся , опираясь на костыль. « Не Асмодей-ли, въ видѣ этого челоуѣка , являлся ко мнѣ со своими обольщеніями ? » подумалъ онъ. « Чего хотѣлъ онъ отъ меня ? Оторвать отъ свѣта истины и снова повергнуть въ глубину тмы , невѣжества ? Для этого, сначала указалъ онъ на мою нищету. Да , я въ самомъ дѣлѣ нищъ. Питаюсь однимъ хлѣбомъ, ношу почти рубище, принужденъ отказывать себѣ во всемъ. Говорятъ, Москва веселый городъ ; въ немъ

такъ много людей богатыхъ, которые живутъ только для веселья и радости ; а я !... я даже не знаю что такое значить радость. Живу столько лѣтъ въ Москвѣ, и не видалъ въ ней ничего, кромѣ стѣнъ своей школы, кромѣ стѣнъ города. ... Михайло ! Михайло ! развѣ ты не видишь храмовъ Божіихъ ? Развѣ ты не бываешь у святыхъ угодниковъ Московскихъ ? Развѣ бѣдность твоя не сторицею награждается знаніями , какія уже пріобрѣлъ ты , обрeksi себя этой бѣдности ? Прочь , Асмодей , со своими

лукавыми обаяніями ! Онъ говорилъ мнѣ еще объ отцѣ моемъ ... добрый, почтенный отецъ! Я-ли виновать, что безъ твоего благословенія бросился я на тотъ путь , куда съ малыхъ лѣтъ увлекало меня все ? Мы не понимали другъ друга ; ты не зналъ того, что было такъ ясно, такъ убѣдительно для меня ; ты не зналъ сладости , не зналъ силы просвѣщенія... Ну, послѣднее убѣжденіе было ужь недостойно и Асмодея,» подумалъ онъ и невольно улыбнулся.—

« Онъ хотѣлъ обольстить меня деревенскимъ довольствомъ ! Какое счастье ! Ъсть жир-

ные пироги, жениться на какойнибудь глупой дѣвкѣ, да безпрестанно ссориться съ злою мачихой. Бѣдный отецъ мой все еще у нея подѣ наукой!»

Размышленія Ломоносова прояснились, покуда онъ дошелъ до своей камеры. Начало ихъ было такое торжественное, трагическое, а кончились они почти комически. Инаго и не могло произвести въ немъ появленіе Архангелогородскаго земляка. Сила воли его побѣдила многія искушенія, которыя теперь были-бы для него уже странны, если-бы къ нимъ не примѣшивалось священное имя отца.

Онъ опять забылъ о своей угнетающей бѣдности, опять обратился къ своимъ милымъ книгамъ, и совершенно утѣшилъ себя надеждою на лучшее въ будущемъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ рѣшенія Архимандрита. Наконецъ, въ одно утро, его позвали въ конференцію. Тамъ засѣдали Ректоръ-Архимандритъ, Префектъ и почти всѣ учителя его.

« Михайло Ломоносовъ ! » сказалъ торжественно Ректоръ. « Академія, внявъ

просьбѣ моей, изъявила согласіе на твое желаніе отправиться въ Кіевъ, для слушанія тамъ **Философіи, Физики** и Математики. Она остается въ надеждѣ, что извѣстное твое прилежаніе къ наукамъ оправдаетъ милостивое снисхожденіе ея къ тебѣ, а я увѣренъ, что годъ, который ты проведешь въ Кіевской Академіи, не будетъ для тебя тщетнымъ временемъ. Содержаніе, во время пути и пребыванія въ Кіевѣ, будешь ты получать такое-же, какое получаешь здѣсь, а случай къ отправленію представляется съ ѣдущимъ завтра-же въ Кіевъ братомъ Антоніемъ.

Обрадованный Ломоносовъ кланялся и благодарилъ своихъ начальниковъ. Они велѣли ему приготовляться къ отъѣзду.

Но велики-ли были приготовленія юноши, у котораго все имѣніе составляли нѣсколько книгъ, подаренныхъ ему отъ учителя, и двѣ безцѣнныя книги, вынесенныя имъ изъ отеческаго дома!

На другой день ему вручили письменный видъ, родъ рекомендательнаго письма къ Кіевскому начальству, да на издержки *три рубля пятьдесятъ копѣекъ*, и поручили его

смотренію отца Антонія , Кіевскаго монаха , Малороссіянина , который прїѣзжалъ по какимъ-то дѣламъ въ Москву и теперь возвращался домой. Тѣлега, запряженная въ одну лошадь, съ сидѣвшимъ напередѣ усатымъ, сердитымъ Малороссіяниномъ, выѣхала на средину двора. Антоній прощался съ друзьями и прїятелями , которые осыпали его добрыми напутствованіями; наконецъ, послѣ многихъ лобызаній, смиренная тѣлежка покатилаь.

Проѣзжая Московскими улицами, Ломоносовъ занималъ свое вниманіе разглядывая городъ, въ которомъ онъ жилъ и не зналъ почти ни одной изъ его достопамятностей, потому что строгость школы и собственное прилежаніе приковывали его къ стѣнамъ Заиконоспасской Академіи. Кремль проблестѣлъ передъ нимъ своими вѣчно-ясными главами ; наконецъ мелькнула застава; наконецъ скрылись и золотые верхи Москвы, на которые часто оглядывался онъ. Ему стало грустно.

Глава V.

Сопутникъ не могъ развеселить его. Это былъ , кто называется, человекъ добрый , но простой и почти безграмотный. Испытанной честности его довѣряли многія монастырскія дѣла; любили его за исправность въ порученіяхъ и за веселый характеръ. Но какая могла быть у него бесѣда съ Ломоносовымъ ? Одинъ зналъ то, о чемъ другой не имѣлъ понятія. Нѣсколько разъ пытался юноша заводить рѣчь о достопамятностяхъ Кіева, о бібліотекахъ тамошнихъ, объ ученыхъ людяхъ : сопутникъ его не вѣдалъ объ этомъ, и на оборотъ, когда тотъ начиналъ говорить о сѣнокосахъ, угодьяхъ монастырскихъ, о доходахъ и преимуществахъ разныхъ обителей, товарищъ не понималъ его. Однакожь они ѣхали мирно, весело, каждый думая о своемъ. Отецъ Антоній часто подшучивалъ надъ Малороссіяниномъ, который исправлялъ должность извозчика. Это въ самомъ дѣлѣ былъ прелюбопытный остатокъ

тѣхъ казаковъ, о которыхъ и нынѣ вздыхаютъ жители прежней Гетманщины. Для него каждый Малоросеянинъ былъ первое лицо въ мірѣ, а потому и самъ онъ почиталъ себя, въ качествѣ Малороссіянина, чѣмъ-то очень значительнымъ. Угрюмость, сродная всѣмъ кореннымъ Малороссіянамъ, изглаживалась въ немъ только доброю квартою вина, и тогда-то онъ дѣлался инымъ человѣкомъ, рассказывалъ о баснословныхъ подвигахъ своихъ любимыхъ героевъ, пѣлъ казацкія пѣсни, вздыхалъ, и часто даже плакалъ о старинѣ.

Сначала все это занимало сѣвернаго уроженца, который видѣлъ себя среди новой природы и новыхъ людей; но вскорѣ, невѣжество, окружавшее тогда весь южный край Россіи, сдѣлалось для него нестерпимо, а потомъ и природа, невинная няня тамошнихъ жителей, не понравилась ему.

« dm о ни зима, ни лѣто ! » думалъ онъ, глядя на пестрые дни весны. « То-ли дѣло въ нашемъ дальнемъ сѣверѣ : треть года пламенѣтъ лѣто, и потомъ выразительно настаеъ зима, не меньше лѣта мужественная. Переходы временъ года у насъ рѣзки; весна

кончится въ три недѣли, и сама представляеть дивную борьбу силъ природы : снѣга превращаются въ рѣки, и водопадами хлещутъ съ горъ ; рѣки и море раздвигаются съ громомъ, такъ-же какъ

громко и торжественно запирають ихъ осенью льды. »

Онъ ждалъ отдыха чувству при взглядѣ на города, но не умѣлъ отличить ихъ отъ деревень ; ждалъ по крайней мѣрѣ пріятнаго впечатлѣнія подъѣзжая къ Кіеву, и взоромъ искалъ величественныхъ громадъ , подобныхъ скольконибудь Москвѣ. Но, какъ нарочно, время было туманное, лошадь ихъ выбилась изъ силъ по пескамъ, и везла такъ тихо, что ночь застала путешественниковъ еще на дорогѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кіева : они въѣхали въ городъ поздно, въ темнотѣ, и не видали ничего, покуда тѣлега не остановилась передъ довольно огромнымъ зданіемъ.

Послѣ долгаго ожиданія, Ломоносова ввели въ какую-то обширную комнату, гдѣ храпѣло нѣсколько человекъ служителей. Ему указали скамью и посовѣтовали отдохнуть отъ дороги. .

« Неужели здѣсь опять начну я жизнь , такую-же какъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ?» подумаль онъ. Но дѣлать было нечего. «Не привыкать мнѣ спать на голой доскѣ, » прибавиль онъ мысленно, свернулся, , и заснулъ.

На утро его разбудиль говоръ и стукъ служителей, которые безъ церемоній принялись за свои занятія : одинъ мель комнату, другой носиль дрова, третій постукиваль, вколачивая

гвозди въ чоботы; остальные выходили и приходили. Спать было не лъзя. Ломоносовъ всталъ, помолился Богу, и вышелъ во дворъ. Тутъ увидѣль онъ почти то-же, что можно видѣть во всѣхъ монастыряхъ Русскихъ: подлѣ стѣнъ длинныя ряды жилыхъ покоевъ, посреди церковь , и вѣчный служба въ своей тѣсной кануркѣ подлѣ воротъ. Приѣзжій спросиль объ отцѣ Антоніи; ему отвѣчали, что онъ у Архимандрита.

Тоска запала въ душу Ломоносова. Бродя по двору, онъ думаль, какъ сходно это начало съ тѣмъ, что видѣль онъ въ Москвѣ. То-же сиротство, то-же одиночество среди людей ; хо-

лодность и невниманіе одинаковы. « Да гдѣ же люди, съ которыми была-бы у меня одна мысль, одно желаніе ? » подумаль онъ и остановился.

— Михайло ! Михайло ! — кричалъ ему знакомый голосъ. Это былъ монахъ Антоній. — Къ отцу Архимандриту ! — сказалъ онъ и движеніемъ руки велѣлъ ему слѣдовать за собой. ч

Дверь въ комнату Архимандрита растворилась: посреди комнаты стоялъ невысокій, худощавый человекъ. Проницательные глаза, умная физиогномія, живость во всѣхъ движеніяхъ отличали его. Онъ сказалъ отрывисто :

— Буди здравъ ! Ты изъ Москвы ?

« Точно такъ, Ваше Высокопреподобіе.

— Учиться къ намъ ? Покажи свидѣтельство.

Ломоносовъ подаль ему бумагу. Архимандритъ прочиталь ее.

— Ты желаешь вступить въ *Большую братію* ?

« Я желаю учиться здѣсь *Философіи*, *Физикѣ*, и *Математикѣ*

— Ну, да ! **Философія** и Богословіе принадлежатъ **Большому братству**. Развѣ ты не знаешь, что учащіеся раздѣляются у насъ на **Братію большаго и малаго собранія** , *Sociales majoris et minoris congregationis*. Въ Большое братство вписываются только тѣ , которые обучаются, Богословію и **Философіи**, а въ Меньшее учащіеся Риторикѣ, Поэзіи и разнымъ языкамъ. Искусень-ли ты въ этихъ послѣднихъ знаніяхъ ?

« Пять лѣтъ учился я, почти исключительно этимъ предметамъ.

— Слѣдовательно знаетъ ихъ?

« Знаю.

— Такъ испытанія не нужно: успѣхи могутъ оправдать твои слова. Черезъ недѣлю назначенъ диспутъ : явись туда, А между тѣмъ поди со своею бумагою къ Префекту Старшаго братства.

Ломоносовъ явился къ Префекту. Тотъ, вмѣстѣ съ **Ассистентами**, прочиталъ его бумагу,

передалъ ее **Секретарю**, и черезъ нѣсколько часовъ Ломоносовъ былъ помѣщенъ вмѣстѣ съ **Большою братією**.

Новые братья его были всё уже зрѣлые юноши; многіе даже болѣе нежели мужественныхъ лѣтъ. Смѣсь ихъ удивила прїѣзжаго сѣверянина : онъ нашель тутъ немногихъ чисто-Рускихъ, и множество Малороссіянъ, которые говорили своимъ особеннымъ нарѣчіемъ, смѣшаннымъ съ Польскими словами. Въ большемъ употребленіи у нихъ былъ языкъ Латинскій. Ломоносовъ свободно изъяснялся на немъ , и потому говорилъ съ ними больше по-Латини.

Вскорѣ общество этихъ людей не понравилось ему. Вмѣстѣ съ немногими благодѣтельными , умными людьми , онъ видѣлъ толпу лѣнивыхъ, беспечныхъ, буйныхъ юношей, и все что впослѣдствіи описалъ съ такою истинною Нарѣжный въ своемъ *Бурсакѣ*, было передъ глазами Ломоносова. Въ часы отдыха, и еще болѣе по ночамъ, они выходили на разныя проказы : опустошали огороды, пускались за городъ, пѣли тамъ пѣсни , декламировали — дѣлали многое и хуже. Рѣдко проходило имъ это безъ наказанія, и розги были необходимою принадлежностью ученья для проказливыхъ бурсаковъ.

Благонравный, чистый душою Ломоносовъ не только не вмѣшивался въ ихъ шалости, но и получилъ еще новое отвращеніе отъ безпут-

ства, которое являлось тутъ въ самомъ некрасивомъ видѣ.

За нѣсколько дней до диспута , всѣ , даже шалуны, прилежно занялись приготовленіями къ нему. Надобно сказать, что въ Кіевской Академіи искони было введено ученіе самое классическое , чтобы не сказать схоластическое. Тамъ тщательно учились языкамъ Латинскому и Греческому, а въ **Философіи** ограничивались искаженнымъ Аристотелемъ, и разбирали способности души человѣческой какъ механическую игрушку.

Ломоносовъ съ любопытствомъ ждалъ состязанія Кіевскихъ умовъ, и самъ думалъ вмѣшаться въ споры; впрочемъ, онъ помышлялъ объ этомъ съ робостью, потому что въ Москвѣ рѣдко бывали торжественные диспуты, да и не славились они такъ какъ Кіевскіе.

Собрано было все Большое братство ; тутъ присутствовали также : Ректоръ, Архимандритъ,

рить Амвросій Дубневичъ , Префектъ , Иеронимъ Миткевичъ, и всѣ учителя, въ числѣ которыхъ были извѣстные впослѣдствіи Сильвестръ Кулябка и Михаилъ Козачинскій. Диспутъ долженъ былъ происходить *о философическихъ матеріяхъ*. На средину собранія вышелъ одинъ изъ опытныхъ диспутантовъ, поклонился на всѣ стороны, и громко сказалъ :

« Я утверждаю, что блаженства жизни человѣческой ни какія мученія отнять не могутъ, и , какъ Перипатетики говорятъ ; ***блаженная жизнь можетъ войти съ человѣкомъ въ Фаларидова быка.*** »

Онъ поклонился еще разъ и ожидалъ оспориваній: они не замедлили.

Выступилъ длинноволосый, длиннолицый человѣкъ изъ толпы, и началъ :

«Сей быкъ былъ сдѣланъ изъ мѣди, внутри тощъ; Фаларидъ запиралъ въ него людей, и подложивъ огонь, безчеловѣчно ихъ мучилъ. Тѣло страдало при семъ ; но древняя мудрость говоритъ : *Mens sana in corpore sano*. Блаженство разумѣемъ конечно не одно тѣлесное , плотское, а толико-же и душевное; ***но лишь въ здоровомъ тѣлѣ здоровый, бываетъ умъ,*** а

въ Фаларидовомъ быкъ было худо уму, поелику тяжело было тѣлу, которое, страдая, лишаетъ и умъ здравія, каковое для ума и души называется блаженствомъ. »

— Это ясно! ясно! — сказали многіе. Предложившій тему отвѣчалъ :

« Tenue est mendacium ; perlucet, si vel minimùm diligenter inspexeris (*), говоритъ Сенека.

О Ложь увертлива ; но она видна насквозь, если разсмотримъ ее внимательно.

По моему мнѣнію, Перипатетики и древніе Академики пускай говорятъ свободно, не обинуясь, что блаженство жизни въ Фаларидова быка войти можетъ. Подлинно, что болѣзнь кажется быть жестокая добродѣтели непріятельница. Сія на оную пламень возжигаетъ; сія мужество, великодушіе и терпѣніе ослабитъ грозится. И такъ или уже побѣждена будетъ отъ ней добродѣтель? Никакъ, блаженная и постоянная жизнь премудраго мужа ей уступить? о Боже мой! Коль-бы скаречно сіе было.

— *Приступъ и парафразисъ хороши* — сказалъ Префектъ.

« *Парафразисъ съ причиною,* » поправиль его Ректоръ Дубневичъ. »

« Нужны-ли примѣры ? » продолжалъ диспутантъ. « Спартанскія малыя дѣти бичами жестоко терзаемы, болѣзнь сносятъ безъ стенанія. Взрослыхъ юношей множество видѣлъ въ Лакедемоніи самъ Цицеронъ, какъ между собою съ невѣроятною перетужностью бьются кулаками , пятами , ногтями, зубами, и лучше хотятъ быть до смерти убиты, нежели сказать, что ихъ одолѣли. Кое варварство есть грубѣе и дичае Индіи ? Но во всемъ народѣ , которые премудрыми называются, вѣкъ живутъ наги; Кавказскіе снѣги и зимніе пути безъ бо

лѣзни сносятъ, и прикоснувшись пламени, безъ стенанія ожигаются. Женщины въ Индіи, когда ихъ мужъ умретъ, спорятъ между Юбою, которую онъ любилъ больше, ибо одинъ мужъ много женъ имѣетъ ; которая въ спорѣ побѣдитъ, та въ провожаніи своихъ сродниковъ съ веселіемъ на костеръ восходитъ, и съ мужемъ своимъ сожигается ; побѣжденная отходитъ печальна. Натуры никогда-бы обыкновеніе не преодолѣло, ибо она

всегда есть непобѣдима ; но мы тѣнью мнимаго добра , роскошью , походнымъ житіемъ , слабостью и лѣнивствомъ духъ свой заразили. Обыкновенія Египтянъ кто не знаетъ ? которые имѣя собственными заблужденіями наполненную голову, всякое мученіе прежде понести могутъ , нежели цаплѣ , или змѣѣ , или кошкѣ , или собакѣ , или крокодилу учинять какое поврежденіе , и ежели что имъ не Нарочно сдѣлають , однако ни отъ какого за то наказанія не отрекутся. Но сіе говоримъ о людяхъ. Что-же несмысленныя животныя? Не претерпѣвають-ли стужи и голоду? не сносятъ-ли по лѣсамъ и по горамъ труднаго странствованія ? не защищаютъ-ли своихъ дѣтей , принимая раны, никакихъ стремленій , никакихъ ударовъ не ужасаясь ? Не упоминаю koliko сносятъ и koliko терпятъ кичливые для чести, любящіе похвалу для славы, возженные любовію для сласти. »

Въ кругу учителей замѣтно было неодобрительное движеніе при послѣднихъ словахъ.

Диспутантъ продолжалъ :

« Жизнь человѣческая полна такихъ

примѣровъ. Дастъ, истинно дастъ себя на мученіе блаженная жизнь, и послѣдую правосудію, воздержанію, а паче всѣхъ мужеству, великодушію и терпѣнію, не остановится возрѣвъ на лицо мучителево. И когда всѣ добродѣтели съ нею на мученіе пойдутъ, не устрашится, и передъ темничными дверьми не останется ; ибо что скареднѣе быть можетъ , и что безобразнѣе , ежели она одна оставлена, и отъ сего толикаго сообщества отлучена? Но никоимъ образомъ сіе статься не можетъ, ибо ни добродѣтели безъ блаженнаго житія, ни блаженной жизни безъ добродѣтелей быть невозможно.

«И такъ, оной отъ себя не отпустятъ, но повлекутъ съ собою, къ какой-бы онѣ болѣзни и, мученію приведены ни были. Ибо свойственно есть премудрымъ ничего не дѣлать, о чемъ-бы они послѣ каялись; ничего въ неволю, но все прехвально, постоянно, важно и честно ; ничего такъ не ожидать , какъ необходимо быть имѣющаго, и все что случается, тому не удивляться, какъ нечаянному и новому. »

— Убѣдительно и сильно ! — воскликнулъ

Префектъ.

« И какая полная хрїя ! — примолвилъ учитель Риторики. — Замѣтили-ль, святой отецъ, какъ искусно расположены были: *Приступъ, парафразисъ съ причиною, примѣры, противное и заключеніе?*

— Недостааетъ, кажется, только части *свидѣтельства*. Но похвально, похвально — сказалъ Префектъ.

Новый противникъ выступилъ прошивъ диспутанта и началъ такъ :

— Несомнѣнно есть, какъ тому быть надлежитъ, что блаженство не искореняется ниже огнемъ, мученіями, ниже страданіемъ каковымъ либо. Но Фаларидовъ быкъ , примѣръ и тема первые, не согласуются съ послѣдующими, или, яснѣе, тема и приступъ не совмѣстны съ заключеніемъ, поелику ввергнутый въ мѣдянаго Фаларидова быка мгновенно испускалъ духъ, исжаривался и превращался въ нѣчто такое натуральное, которое ни силъ душевныхъ, ниже добродѣтелей имѣть не могло. А страданіе единое не есть еще добродѣтель. *Nemo de miserâ vitâ gloriari potest.*

« Adsuesce et dicere verum et audire! » ⁽¹⁾ съ жаромъ воскликнулъ диспутантъ. « Не объ умершвлломъ чловѣкѣ, но о живомъ представ-

ляемъ себѣ. Таковый сочувствуетъ блаженству въ Фаларидовомъ быкѣ, примѣрѣ, издавна приводимомъ знаменитѣйшими писателями Древности.

— Въ историческихъ сказаніяхъ находимъ извѣстіе о семъ безчеловѣчномъ мучителѣ — сказалъ оспоривающей. — Но ораторы Древности не приводили въ примѣръ сего пагубнаго тиранства.

«Ораторы Древности приводили его не разъ въ примѣръ, » возразилъ диспутантъ.

— Сіе невозможно есть — сказалъ оспоривающей. — Примѣръ историческій не всегда есть доказательство философическое.

« Мы не встрѣчали сего примѣра, » прибавили двое другихъ.

— Можетъ быть онъ и встрѣчается, но не въ великихъ наставникахъ Древности.

« Напротивъ ! » рѣзко сказалъ диспутантъ. и Нужно-ли доказательство вамъ ?

— Несомнѣнно необходимо , ибо какъ ина-

че оцѣнимъ примѣръ ? — отвѣчали нѣсколько голосовъ.

« Мы теперь въ области не Краснорѣчія, а Философіи,» сказалъ диспутантъ. «*Fac ut principiiis consentiant exitus* (2).

— Подражаніе законъ всѣхъ наукъ и художествъ — возразилъ длиннолицый. — Подражаніе авторамъ, въ расположеніи и изобрѣтеніи мыслей, едва-ли не больше нужно, нежели самыя лучшія правила.

« Умолкните-же и не осуждайте сами себя! » возгласилъ диспутантъ, « Не хочу присвоивать себѣ чужаго. *Homo justus nihil cuiquam, quod in se transferat, detrahit* (3). Всѣ распространенныя мною въ видѣ хриіи доказательства, находятся буквально въ Тускуланскихъ **Запросахъ** Цицерона, въ книгѣ 5-й.

Общее одобреніе слѣдовало за этимъ неожиданнымъ доказательствомъ. Споръ еще продолжился было о томъ, для чего защищавшій перевелъ свои доказательства изъ Цицерона ; но такое **подражаніе** считалось истиннымъ совершенствомъ (самъ Ломоносовъ послѣ дѣлывалъ это), и противники диспутанта вскорѣ умолкли, внутренно при-

стыженные тѣмъ, что не знали автора, надъ которымъ корпѣли столько лѣтъ. — Да, тогда изучали авторовъ Латинскихъ, какъ послѣ изучали у насъ Французскихъ стихотворцевъ, и совершенствомъ образованности почиталось знать наизусть всѣхъ ораторовъ, какъ послѣ у насъ знали Французскихъ стихотворцевъ великаго вѣка. Привычка къ заимствованіямъ господствовала тогда для Латинцевъ, какъ послѣ для Французовъ.

. Ломоносовъ не спорилъ на этомъ диспутѣ; не спорилъ и на другихъ, потому что здравый умъ его былъ не доволенъ такимъ философствованіемъ, гдѣ все дѣло заключалось въ словахъ. За то онъ прилежно посѣщалъ лекціи преподавателей **Философіи**, и, къ удивленію своему, также не былъ доволенъ ими. И тамъ **Философія** походила на то, что слышалъ онъ во время диспута. Онъ хотѣлъ прилежнѣе заняться Математикой и Физикой, но ихъ не преподавали въ Кіевской Академіи. Послѣ этого, удостовѣрившись, что поѣздка его въ Кіевъ была неудачною попыткою, онъ ходилъ на лекціи только для вида, и большую часть времени посвящалъ "чтенію

книгъ церковныхъ , Греческихъ и Латинскихъ. Особенное вниманіе его обратили на себя Русскія лѣтописи, которыхъ нашель онъ въ Кіевской библіотекѣ много списковъ. Пылкая голова его всегда искала познаній, истины, но по временамъ-была занята однимъ каіАімъ нибудъ предметомъ : теперь пришла очередь Русской Исторіи, которая уже и въ Москвѣ приковала его къ себѣ на нѣсколько времени.

Это естественно привело его къ изслѣдованію мѣстностей Кіева, гдѣ совершались главныя событія нашей старой Исторіи. Бродя по берегу Днѣпра, онъ вспоминаль , онъ воображалъ то время , когда Великій Владиміръ торжественно приняль Христіанскую вѣру и въ благодатныхъ струяхъ Днѣпра омыль Рускихъ отъ язычества. Онъ представляль себѣ свирѣпаго Святополка , мужественнаго Ярослава, и долгую распрю Князей, раздѣлившую наконецъ Русь. И вотъ, померкла жизнь старой Руси! невѣдомые пришлецы овладѣли обширными землями ея, истребили жителей; Русь оставалась въ немногихъ уцѣлѣвшихъ. Прошли столѣтія, и

древнее величіе Кіева исчезло. Русь цвѣтетъ повою жизнію, но уже не на берегахъ Днѣпра сердце ея: оно подлѣ смиренныхъ водъ Москвы, оно у величавыхъ береговъ Невскихъ. Сколько событій совершилось для такого измѣненія Россіи! И Ломоносовъ тщательно старался вникнуть въ Исторію своего отечества. Но бѣдность источниковъ ея и пылкость собственнаго характера мѣшали ему. Критика Русской Исторіи еще не зараждалась тогда, а его умъ не былъ предназначенъ создать ее.

Въ Кіевѣ былъ во время Ломоносова истинный покровитель просвѣщенія, Архіепископъ тамошній, Рафаиль Заборовскій. Труды его только еще начинались : онъ перестраивалъ

Академическія зданія, учреждалъ новые классы, распространялъ ученіе прежнихъ, ходатайствовалъ о поощреніи учащихся и учащихся. Сотрудникомъ его былъ Ректоръ Академіи, Амвросій Дубневичъ , который получилъ первый въ этрмъ званіи санъ Архимандрита. По могъ-ли Ломоносовъ, бѣдный пришлецъ , имѣть доступъ къ этимъ особамъ ? Онъ былъ далекъ отъ нихъ. Ближе узналъ

онъ Сильвестра Кулябку , одного изъ преподавателей, который почитался философомъ. Но этотъ достопамятный проповѣдникъ и ученый челоѡкъ былъ всегда столько занятъ, трудами въ настоящемъ И планами въ будущемъ, что не цогъ обращать особеннаго вниманія на Ломоносова, хотя и отличады его за умъ и свѣдѣнїя.

При такомъ отчужденїи людей , Ломоносовъ съ радостью замѣтилъ одного юношу , тоже учившагося въ Академіи, но еще въ *Маломъ братствѣ*. Это былъ знаменитый впослѣдствїи Георгій Конискій, а тогда молодой дворянинъ, Нѣжинскій урожденець, исполненный дарованїй, высокїхъ чувствъ и ума. Онъ съ особеннымъ прилежанїемъ занимался Пїитикою и самъ писалъ стихи. Назначая себя къ духовному званїю, онъ отличался нравственностью самою строгою, посвящаль всѣ досуги чтенїю въ библіотекѣ, и шутъ-то сблизился съ Ломоносовымъ. Однажды завязался у нихъ разговоръ.

>oglc

— Послушай, Конискій — сказалъ Ломоносовъ.— Неужели ши хочешь кончить здѣсь

свое ученіе ?

« Надѣюсь, если поможетъ Богъ.

— Мнѣ много наговорили о здѣшной Академіи ; да я и не раскаиваюсь : все-таки я увидѣлъ Кіевъ , узналъ здѣшнее ученье. Но я не останусь здѣсь долго.

« Почему-же ?

— Потому что я отпущенъ только на годъ ; да сверхъ того, я пріѣхалъ сюда учиться Математикѣ , Физикѣ , **Философіи** , и не нашелъ здѣсь этого. **Философія** у васъ—пустыя словопренія ; Математикой и Физикой почти вовсе не занимаются.

«Вотъ, видишь-ли, какое у насъ разное направленіе ! Ты любишь точныя науки, а я люблю легкокрылую Поэзію, сладкогласное Краснорѣчіе; для этого здѣсь пособій много.

—А развѣ ты думаешь, что я не люблю Поэзіи ? Но я желалъ-бы писать стихи *по-Русски*, говорить рѣчи *по-Русски*. Возможно-ли это ? У насъ нѣтъ ни языка, ни правилъ для Стихотворства и Краснорѣчія.

« Говаривалъ-ли ты объ этомъ съ нашимъ Козачинскимъ ?

— Что мнѣ говорить съ нимъ ! Да и неуже-

ли ты считаешь его великимъ челоукомъ ?

— Не великимъ , а умнымъ, краснорѣчивымъ. Я имѣлъ случай прочесть его *Теорію панегириковъ*: хорошо! Только не понимаю, какъ хочетъ онъ, чтобы говорить рѣчь по наукѣ? Я думаю, для этого надобно что нибудь другое.

« Нѣтъ , любезный Конискій ! ты еще слишкомъ молодъ и потому говоришь такъ. Подражаніе, подражаніе древнимъ ораторамъ—вотъ единое средство Краснорѣчію. Если мнѣ случится говорить когда нибудь рѣчь, я стану всячески подражать Цицерону.

— А я нѣтъ ! я хочу самъ быть Цицерономъ! — пылко воскликнулъ Конискій.

Они оба засмѣялись и Ломоносовъ сказалъ :

« Какъ далеко залетѣли мы ! Я хочу подражать Цицерону , а ты и самъ быть Цицерономъ.

— Шутки въ ст эрону. Скажу тебѣ тайну души моей. Я стараюсь всевозможно изоощрить свой умъ науками, изучить правила Краснорѣчія и самому научиться произносить ораторскія рѣчи, для того чтобы

дѣйствовать на умы , ко благу Церкви и нашей православной Императрицы. Говорятъ, что въ наше время Краснорѣчію тѣсное поприще. Но посмотри

что дѣлается съ нашими братьями въ Польшѣ: Уніаты, Католики притѣсняютъ, оскорбляютъ ихъ. Я хочу защищать ихъ *словомъ* , потому что не могу гремѣть оружіемъ противъ гонителей нашей Церкви. Въ устахъ оратора, истиннаго оратора , слово такъ-же сильно и страшно, какъ мечъ въ десницѣ воина. Ломоносовъ смѣялся надъ Конискимъ, почитая его пылкимъ мечтателемъ. Онъ еще не зналъ, какіе громы будутъ летать нѣкогда изъ устъ этого защитника православныхъ! Онъ не зналъ, что изъ пылкаго юноши образуется краснорѣчивѣйшій Русскій ораторъ, который будетъ трогать и услаждать Царей.

Между тѣмъ, вскорѣ Ломоносовъ рѣшительно сталъ скучать въ Кіевѣ и проситься назадъ въ Москву. « Что мнѣ тутъ дѣлать ? » думалъ онъ. « За тѣмъ-ли я пріѣхалъ сюда, чтобы слушать ихъ словопренія? Нечему научиться мнѣ у нихъ, если и здѣсь не вижу я своей любимой науки

о природѣ. Поѣду назадъ, въ Москву. Тамъ скоро долженъ кончиться курсъ моего ученія. А послѣ него увидимъ. »

Съ такими мыслями, онъ изъявилъ желаніе возвратиться въ Московскую Академію. Его не удерживали. Нашлись какіе-то спутники и онъ отправился съ ними, по той-же дорогѣ, по которой ѣхалъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Такимъ образомъ , въ Кіевѣ Ломоносовъ не про-

былъ и году. Онъ совершенно разочаровался тамъ отъ всѣхъ надеждъ, съ какими ѣхалъ впередъ , и оставилъ безъ сожалѣнія Кіевскій разсадникъ наукъ. Только добраго , пылкаго Конискаго жаль было ему оставить , можетъ быть для того чтобы уже болѣе не свидѣться съ нимъ. Пути этихъ двухъ необыкновенныхъ человѣкъ были различны.

Глава VI.

Ломоносовъ возвратился въ Москву съ нѣкоторою робостью : онъ боялся встрѣтить прежнія недовольныя лица своихъ наставниковъ , не охотно отпустившихъ его въ Кіевъ. Друзей-товарищей у него не было ; а безъ нихъ кому встрѣтить и успокоить прїѣзжаго ? Однакожь онъ тотчасъ увидѣлъ , что опасенія его были напрасны. Въ это время , и Ректоръ и Префектъ были новые, очень хорошо расположенные къ нему, потому что имя Ломоносова уже славилось въ Академіи, такъ, что когда онъ явился къ новому Префекту, Антонію Кувичинскому, этотъ почтенный человѣкъ встрѣтилъ его съ радушнымъ видомъ, и началъ говорить какъ съ старымъ знакомымъ.

— А! Г. Ломоносовъ ! здравствуй, любезный Другъ, здравствуй ! Скоро , братъ, возвратился ты.

«И жалю, что не послушалъ тѣхъ, которые не совѣтовали мнѣ ѣздить въ Кіевъ.

— А что ? развѣ тебя дурно приняли тамъ ?

«Нѣтъ, я благодаренъ наставникамъ и властямъ Кіевской Академіи; но я имъ, а они мнѣ были чужды.

— Отъ чего-же такъ ?

« Философическій кругъ ихъ ученія не былъ для меня удовлетворителенъ, а наукамъ словеснымъ я не учился тамъ, потому что проходилъ ихъ здѣсь. Я ѣхалъ особенно для Математики и Физики, а именно этихъ наукъ нѣтъ въ Кіевской Академіи.

— Чѣмъ-же ты занимался тамъ ?

« Ходилъ на философическія лекціи, на диспуты; а больше всего читалъ книги въ Академической библіотекѣ.

Префектъ началъ спрашивать его ; Ломосовъ отвѣчалъ , хваля многое , умалчивая о многомъ, и особенно превозносилъ попеченія Преосвященнаго Рафаила о наукахъ , просвѣщеніи, и благочиніи. Довольный его разказами, Префектъ сказалъ наконецъ :

— И такъ, ты поступаешь теперь въ Риторическій классъ, къ отцу Порфирію Крайскому. Надѣюсь, что будешь учиться по прежнему, то есть хорошо.

« Постараюсь удвоить силы, чтобы оправдать милостивое вниманіе ваше.

— А былъ-ли ты у Архимандрита ?

« Нѣтъ еще.

— Иди-же, съ Богомъ, къ нему.

Явившись къ Архимандриту , Ректору Стефану Калиновскому, Ломоносовъ нашель у него пріемъ столько-же радушный какъ и у Префекта. Ректоръ далъ ему нѣсколько наставленій пастырскихъ, и благословиль на новые труды.

И вотъ Ломоносовъ опять въ Москвѣ, въ прежнемъ жилищѣ, какъ будто не ъздивши въ Кіевъ !

Въ это время онъ узналъ одного замѣчательнаго человѣка, Даніила Съченова, который училъ въ Академіи Латинскому слогу, и еще не былъ постриженъ. Даніиль отличался открытымъ умомъ , ученостью и рѣзкимъ краснорѣчіемъ. Для усовершенствованія себя бѣ Латинскомъ слогѣ, Ломоносовъ сталъ учиться у него, и тутъ-то понялъ глубокую душу этого человѣка, котораго онъ прежде зналъ поверхностно. Показывая наружное презрѣніе къ по-

честямъ , Данииль былъ гордъ собственнымъ достоинствомъ. Въ разговорахъ съ Ломоносовымъ , онъ изъявлялъ высокія надежды на будущее.

«Трудъ и добро не останутся безъ награды!» говариваль онъ. «Я тружусь теперь; награда будетъ послѣ. Можетъ быть мы встрѣтимся съ тобой, Михайло , на иномъ поприщѣ и въ

иныхъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ , трудись, другъ мой.»

Ломоносовъ усердно слѣдовалъ этому совѣту, трудился, и оказываль такіе успѣхи, которые не могли быть не отличены. Вскорѣ начали его ставить въ примѣръ другимъ, и не только за одні знанія, но и за поведеніе, чистое, безупречное, смиренное и вмѣстѣ благородное.

Но таково сердце чловѣка, рожденнаго съ пламенными страстями : Ломоносовъ скучалъ однообразіемъ жизни и занятій своихъ! Часто, среди самыхъ пылкихъ изученій , онъ невольнo покидалъ книгу и сѣтоваль на неудовлетворительность своего направленія. Дѣлиться думами было ему не съ кѣмъ ; онъ

разсуждалъ самъ съ собой.

« Когда-же кончится эта монастырская , за-творническая жизнь ? Скоро-ли найду я пищу всѣмъ способностямъ ума, и волю для своихъ занятій ? Добры, благодѣтельны мои наставники ; но я начинаю видѣть односторонность въ ихъ учености и въ ихъ направленіи. Они отреклись отъ міра , а я хочу дѣйствовать въ немъ ; они идутъ къ своей цѣли , а я (кто знаетъ?), можетъ быть удаляюсь отъ моей! Пора, пора оставить мнѣ этотъ монастырскій міръ и быть въ кругу людей, ученыхъ не для кельи. Неужели нѣтъ учености свѣтской?

Столько лѣтъ ищу я средствъ для занятій науками математическими , и не нахожу ихъ. Право , если-бъ у меня были крылья, полетѣлъ-бы куда нибудь за моря : можетъ быть тамъ есть училища, о которыхъ вздыхаю теперь въ стѣнахъ монастыря.»

Но онъ вскорѣ одумывался , находилъ свои мысли дерзкими , раскаявался въ нихъ, и принимался за прежнее ученье.

Зимою 1734 года, неожиданно посѣтилъ его старый пріятель и невольный благодѣтель Пимень Никитичъ. Ломоносовъ

съ удовольствіемъ увидѣлъ челоѡка, которъй зналъ отца его, и былъ для него самого хотя мгновеннымъ путеводемъ на поприщѣ жизни ; но неприятное чувство пробудилъ онъ въ душѣ Ломоносова, когда началъ слѣдующее нападеніе:

— Такъ-то , братъ, Михайло, такъ-то ; живемъ, живемъ, дай свидимся; только жаль, что дѣлишки-то твои все плохи. Не наскучила-ли тебѣ эта горькая жизнь?

«Почему-же, Пимень Никитичъ, вы называете ее горькою?

—Да какъ-же, братецъ! посмотри ты на себя.

«Слава Богу, я здоровъ.

—Здоровъ, да въ лохмотьяхъ, да питаешься хлѣбомъ съ водицей.

« Здѣсь не Куроостровская волость ; море нѣтъ , а въ Москвѣ рѣкѣ рыбы мало,» сказалъ усмѣхаясь Ломоносовъ.

—То-то, братъ, то-то. Эхе, хе! . . сберишь-ка ты съ умомъ, да воротись домой, къ отцу.

« Зачѣмъ ? Чтобы слышать брань злой ма-чихи ?... Бить-то себя теперь я ужъ не позволю !

— Да и она не станетъ бить, какъ у тебя будетъ молодая жена. А какую красавицу я . высваталъ-бы тебѣ!

« Благодарю васъ за дружбу, Пименъ Никитичъ! Но гдѣ мнѣ, бѣдняку, думать о женитьбѣ!

— Бѣденъ ты, да отецъ твой богатъ ; онъ-то и велѣлъ мнѣ , еще поговорить тебѣ объ этомъ. Право, братъ, чьихъ-же и совѣтовъ, слушать какъ не отцовскихъ.

«Я уже слышу это предложеніе не отъ первыхъ васъ, Пименъ Никитичъ , но сказалъ начисто, что не ворочусь въ свою деревню и не хочу жениться.

— Не хочешь, такъ Господь съ тобой ! мое дѣло сторона. А богатую-бы дѣвку отдали за тебя.

Чувство досады волновало юношу, уже высоко стоявшаго надъ этимъ міромъ, въ которомъ безвыходно жидъ Пименъ Никитичъ. .

— Вы издѣваетесь надо мной, Пименъ Никитичъ. Жениться, и на богатой, уговаривали меня, когда я былъ еще въ своей деревнѣ : я бѣжалъ оттуда ; а теперь, когда я столько лѣтъ просидѣлъ надъ книгами , это ужъ вовсе

мнѣ не подѣ статью.

«Да вѣдь, право, братъ, лучше жить съ женой, чѣмъ съ сумой.

—Во-первыхъ, я не нищій, и съ сумой, благодаря Бога, еще не хаживаль....

«Экой, братецъ, да вѣдь это такъ говорится только.

—Во-вторыхъ, всякой живетъ на свой лады. И безъ меня много охотниковъ жениться. А въ-третьихъ и въ послѣднихъ, прошу васъ не говорить мнѣ объ этомъ.

«Да почему, братецъ, не говорить? дѣло ясное....

— Не для всѣхъ. Я понимаю, что вашъ совѣтъ не годится мнѣ, а вы не поймете, когда я скажу вамъ, что ни за какія деньги не соглашусь оставить своей бѣдности: она мила мнѣ, пуще всѣхъ богатыхъ невѣсть въ мѣрѣ.

«Трудненько и понять это, братъ, Михайло! Не худо, какъ побольше денегъ: такъ я разумѣю своимъ глупымъ умишкомъ» — сказалъ съ увѣренностью Пименъ Никитичъ.

— Эти деньги были-бы для меня углегорящіе!...

«Да какіе уголья! Что-ты, что-ты!

— Полноте, Пименъ Никитичъ ! мнѣ пора въ классъ. ...

«Въ какой классъ ?... Да ты, кажется, ужъ начинаешь сердиться.»

Онъ ушелъ, сказавши еще нѣсколько своихъ поговорокъ.

— Вотъ человѣкъ ! — вскричалъ невольно Ломоносовъ , оставшись одинъ , и потомъ съ горестью подумалъ : « И съ такими-то людьми былъ я осужденъ прожить вѣкъ ! И они-то хотятъ воротить меня къ себѣ ! Нѣтъ, я докажу имъ, что можетъ сдѣлать смѣлая мысль , зародившаяся въ головѣ мальчика. . . . они увидятъ наконецъ свое невѣжество. . . . Но когда будетъ это ?

Онъ задумался.

Наступилъ Январь 1735 года. Надобно было получать жалованье. Сколько, думаете вы, получилъ Ломоносовъ, за всю треть ? *Три рубля пятьдесятъ копѣекъ !* Но и то казалось ему богатствомъ , при наступленіи каждой новой трети , потому что къ концу прежней онъ часто забиралъ въ долгъ квасъ и хлѣбъ.

Около этого-то времени, то есть въ началѣ 1735 года, изъ Петербургской Академіи

Наука, не за-долго основанной по мысли Петра, получено было въ Московской Заиконоспасской Академіи требованіе , самое благопріятное для Ломоносова. Требовали нѣсколько человекъ семинаристовъ, которые уже разумѣли-бы по-Лашински, для обученія ихъ Физикъ и Математикъ у Петербургскихъ Профессоровъ.

Извѣстіе объ этомъ тотчасъ разнеслось по Московской Академіи , и общій голосъ товарищей обрекалъ Ломоносова , вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, на отправленіе въ Петербургъ. Многіе, боясь *Нѣмцевъ* , радовались, что ихъ не пошлютъ изъ родимой Москвы. А онъ?

Онъ съ восторгомъ услышалъ радостную для него вѣсть, и, боясь какого нибудь неожиданнаго препятствія , даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы судьба такъ благосклонно выполнила давнее его желаніе. Просить своихъ начальниковъ онъ не смѣлъ ; но они сами вспомнили о немъ.

Призывъ къ Ректору заставилъ его содрогнуться отъ нетерпѣнія и неизвѣстности. Съ безпокойствомъ явился онъ ; но веселый

видъ Архимандрита оживиль его.

— Вотъ, братецъ — сказалъ Ректоръ — какъ чудны пути Провидѣнія! Ты давно желалъ учиться Математикѣ и Физикѣ ?

« Это извѣстно Вашему Высокопреподобію.

— Желаніе твое можетъ теперь исполниться. Академія Наукъ требуетъ отъ насъ хорошихъ семинаристовъ, именно для обученія Физикѣ и Математикѣ. Надѣешься-ли ты на себя и желаешь-ли ѣхать въ Петербургъ ?

« Молю Ваше Высокопреподобіе объ этомъ ! Способности мои вамъ извѣстны , и вы лучше можете судить, достоинъ-ли я вашей великой милости.

— Да дѣло, братецъ, въ томъ, что я едва-ли могу тебя отправить. ...

Ломоносовъ перемѣнился въ лицѣ отъ внутренняго движенія.

— И все потому, что ты собственно не принадлежишь къ нашей Академіи ! Ты не семинаристъ , а отъ насъ требуютъ именно семинаристовъ. Ты здѣсь Богъ знаетъ какъ : *по милости* ! А дѣло новое, щекотливое. Право, я опасаюсь. ...

Ломоносовъ не имѣлъ силъ говорить.

— Я зналъ, что это огорчить тебя, и призывалъ къ себѣ распросить еще кое о чемъ. Хочешь-ли, я отправлю тебя какъ семинариста ?

«Готовъ исполнить все , что прикажете.

—Но вѣдь разъ записавшись въ семинаристы, ты будешь долженъ исполнять всѣ ихъ обязанности. Какъ воспитаннаго на иждивеніи Духовнаго Начальства, тебя могутъ опредѣлить въ духовное званіе.

« Признаюсь , Ваше Высокопреподобіе , і не чувствую никакой склонности къ этому званію.

—Ну, вотъ видишь-ли! А одно есть слѣдствіе другаго.

«Я не умѣю ничего совѣтовать вамъ, и только молю о заступленіи.

— Да я, братецъ, радъ, но какъ поступить, ума не приложу ! Твои успѣхи въ наукахъ и доброе поведеніе столь похвальны , что я желалъ-бы оказать тебѣ всякое пособіе, но не знаю подъ какимъ *типломъ* отправить тебя въ Петербургъ.

« Отправьте меня, Ваше Высокопреподобіе, просто какъ Михайлу Ломоносова, и повѣрьте, что я не постыжусь Академіи нашей,

гдѣ столько лѣтъ просвѣщаль свой разумъ.

Архимандритъ усмѣхнулся. — Да этого не лѣзя сдѣлать : съ именемъ надобно еще званіе. Что я значу какъ Стефапъ Калиновскій ? но Ректоръ и Архимандритъ имѣють нѣкоторое значеніе.

Одушевленный Ломоносовъ воскликнулъ:

« Кто знаетъ, Ваше Высокопреподобіе, что я, можетъ быть , и просто какъ Михайло Ломоносовъ, буду значить чтонибудь !

—Если не гордость говорить это въ тебѣ, то созчаніе собственныхъ силъ похвально. Я желаю тебѣ прославить свое имя , но теперь надобно думать не о томъ.

«Неужели-жъ для меня погибнетъ случай, можетъ быть единственный?»

¹—Нѣтъ, я постараюсь чтобы этого не было. Но такъ какъ ты не хочешь вступить въ званіе семинариста, то я долженъ придумать чтонибудь другое. Ступай съ Богомъ.

Съ горестію вышелъ Отъ него Ломоносовъ. Лестная надежда его , близкая къ исполненію, улетала, вырывалась изъ рукъ. Онъ почти плакалъ, думая объ этомъ, и обратился къ единому защитнику сирыхъ, Богу.

Теплая молитва его вскорѣ была услышана.

Черезъ три дни послѣ разговора съ Ректоромъ, Ломоносова опять позвали къ нему. Онъ пошелъ, ожидая почти вѣрнаго не успѣха, но Архимандритъ лишь только увидѣлъ его, какъ воскликнулъ:

—Ты ѣдешь въ Петербургъ! препятствія всѣ устранены.

Ломоносовъ кинулся цѣловать его руку, но Архимандритъ поцѣловаль его самъ, и спѣшилъ сказать :

—Не меня, не меня благодарить долженъ ты, а милосердную благосклонность Высокопреосвященнаго Теофана.

«Какъ?» воскликнулъ изумленный Ломоносовъ.

— Онъ самъ удостоилъ писать въ Академію нашу, и просилъ отправить извѣстнаго ему

своими успѣхами въ наукахъ , студента Михайлу Ломоносова. Его слово могущественно, тѣмъ болѣе, что онъ беретъ тебя подъ свое высокое покровительство и обѣщаетъ непременно помѣстить въ число студентовъ Петербургской Академіи. .

« Неужели Высокопреосвященный вспомнил обо мнѣ? » радостно спросил Ломоносовъ.

— Какъ видишь самъ ! И не только вспомнилъ , но особенно ходатайствовалъ о тебѣ, объщая и впредь свое покровительство.

« Какъ возблагодарю я Высокопреосвященнаго?..

— Новымъ прилежаніемъ , новыми успѣхами.

Богъ одарилъ тебя способностями ; не угадай ихъ, Михайло, но постарайся употребить всѣ во благо. .

« Это голосъ души моей ! Вате Высокопреподобіе говорите то , что давно есть мой первый обѣтъ.

— Безъ предстагаельства Высокопреосвященнаго, мы не могли-бы отправить тебя, не смотря на все желаніе тебѣ добра. Я и отецъ Префектъ хотѣли даже испрашивать на это особеннаго разрѣшенія. Но письмо Архіепископа окончило все ; при такомъ заступникѣ , ты можешь ѣхать смѣло.

Восторгъ Ломоносова былъ невыразимъ. Онъ съ торжествомъ возвратился въ свою ка-

меру,
9*

и съ гордостью глядѣль на все окружавшее его, понимая, кто только личныя достоинства проложили ему путь къ новымъ успѣхамъ. Поступокъ Теофана также запечатлѣль въ душѣ его глубокую признательность къ этому великому архипастырю. Можетъ быть, онъ прежде всѣхъ отдалъ Истинную справедливость дарованіямъ Холмогорскаго бѣглеца, тогда замѣчательнаго только одною страстью къ ученію, и успѣхами въ наукахъ, необходимымъ слѣдствіемъ этой благородной страсти.

Ломоносову нечего было долго собираться къ отъѣзду ; но другіе выбранные изъ Академіи студенты собирались не такъ скоро. Почти у каждаго изъ нихъ были родственники, а у нѣкоторыхъ и родители ; они отпускали ихъ въ Петербургъ какъ на край свѣта , приходили плакать вмѣстѣ съ ними, шили для нихъ новое платье, снаряжали ихъ какъ на свадебный пиръ. Многіе избранные даже отказались отъ поѣздки , и умѣли отдѣлаться разными пустыми предлогами : у одного было слабо здоровье, у другаго нашлась

престарѣлая бабушка, и такъ далѣе.

Бодрѣе всѣхъ, радостнѣе всѣхъ былъ Михайло Ломоносовъ, который не зналъ крова , не имѣлъ пристанища, ни родныхъ , и подвигался ближе къ своей цѣли отправляясь въ Петербургъ. Какія картины рисовало передъ нимъ

воображеніе ! Тѣсный міръ, въ которомъ жилъ онъ до сихъ поръ , давно сдѣлался скучнымъ, тяжкимъ для него ; самые окружающіе , почти исключительно духовные , наскучили ему. Онъ хотѣлъ новаго, желалъ быть въ свѣтѣ, а не въ монастырѣ; онъ надѣялся, что свѣтскіе ученые, какъ истинные его братья, примутъ молодаго ученаго въ свое общество, и раскроютъ передъ нимъ всѣ тайнства науки. Какія тайнства ? это представлялось ему чѣмъ-то не яснымъ , однако чрезвычайно обольстительнымъ. Даже имя *Академіи Наукъ* такъ хорошо звучало въ ушахъ его! А самый Петербургъ, этотъ городъ, возникшій по мановенію генія, еще не такъ блестящій тогда какъ теперъ , но уже славный, какъ средоточіе Правительства, какъ сборище ученыхъ, вызванныхъ попечительными Царями

Русскими изъ западной Европы, какъ мѣсто многихъ, дотолѣ невѣдомыхъ заведеній? Петербургъ увлекалъ теперь Ломоносова , гдѣ надѣялся онъ вступить на истинное поприще для дѣятельнаго ума.

Въ назначенный для отъѣзда день, приказано было всѣмъ отправлявшимся явиться къ Архимандриту и къ Префекту, для благословенія. Они совершили молитву и сначала пришли къ Архимандриту. Этотъ человекъ , благодѣтель и попечитель ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, разстался съ ними съ чувствомъ , осо-

бенно обратилъ рѣчь къ Ломоносову, къ вѣкоторымъ другимъ, и наконецъ пожелалъ всѣмъ успѣховъ и счастья. Префектъ сдѣлалъ имъ кромѣ того нѣсколько наставленій, и также напутствовалъ добрыми желаніями.

Во Дворѣ монастырскомъ ожидала, ихъ иная сцена. Тутъ собралось множество старухъ, мальчишекъ , и всякаго народа. Начались обниманья, цѣлованья, слезы, почти крикъ и вопли. Монахъ, отправлявшійся въ видѣ дядьки съ молодыми людьми , уговаривалъ всѣхъ тише изъявлять свою горестъ , но

это не помогало. Между тѣмъ въ тѣлеги погрузили множество мѣшечковъ , сверточковъ со всякой всячиной ; кульки съ пирогами и калачами слѣдовали тудаже; наконецъ посадили и господъ студентовъ. Не извѣстно кто были они ; извѣстенъ одинъ изъ нихъ : Михайло Ломоносовъ. Онъ бодро вскочилъ на тѣлегу , и только пожалѣлъ, что много мѣста отняли всякими запасами , такъ что и сидѣть стало нѣгдѣ.

Проѣхавши заставу , куда провожали родственники своихъ милыхъ ребятъ, поѣздъ остановился. Сошли съ тѣлеги, начали молиться на Московскія церкви , и опять рыдать , плакать, цѣловаться. Одна изъ старушекъ, по видимому сохранявшая болѣе другихъ терпѣнія , сказала своему сыну:

— Смотри-же ты, Гаврюша, будь уменъ.

Нескладный паренъ отвѣчалъ ей комически-печально:

« Буду, матушка,

—Учись хорошенько, а пуще всего, помнишь, берегись трехъ искушеній : чарки , табаку, да зерни.

«Буду, матушка.

— Не забывай своихъ родителей.

«Не забуду, матушка.

—Ходи въ церковь Божию , уважай священство. ...

Тутъ раздался громкій голосъ провожатаго монаха :

—Пора! пора! что за слезы, друзья мои. Садитесь, съ Богомъ.

Всхлипыванія, жалобы, плачь удвоились, а мужественная старушка продолжала :

—Смотри-же, Гаврюша, помни родительскія наставленія.

«Буду помнить, матушка.

—Боюсь я, дитятко мой, чтобы ты къ чаркѣ-то не прилъпился. Въ ней-то и кроется Сатана !

« Не бось, матушка, не стану пить.

—Будешь ты тамъ съ Нѣмцами , не учись у нихъ табачище-то курить. Это вѣдь смертный грѣхъ....

«Буду помнить, матушка.

— А пуще того, стануть тебя Нѣмцы соблазнять пить кофей : не пей ; знай, что онъ изъ Іудина чрева выросъ.

Невольню улыбнулся Ломоносовъ, слыша эти родительскія наставленія. Онъ думалъ: «Въ три минуты хочеть она выучить своего сына всему, что почитаетъ добрымъ! Возможно-ли это, и къ чему это, если въ сердцѣ его прежде не посѣяны сѣмена добродѣтелей?»

Но какъ ни странны казались ему слова старухи, а невольная грусть запала въ его сердце, когда онъ сообразилъ, что въ этихъ простодушныхъ наставленіяхъ кроется любовь материнская; что не умѣя выразить чувствъ своихъ, старушка превосходно выражаетъ одно: неизмѣримую любовь свою къ сыну; она страшится всего: гнусныхъ пороковъ и мѣлкихъ предрасудковъ, и страшится потому именно, что горячо заботится о своемъ сынѣ. Да и вся эта, можетъ быть безобразная сцена разставанья, что выражала она какъ не горячность родныхъ, пугающихся неизвѣстнаго будущаго? Зачѣмъ смотрѣть только на обманчивое наружное? Подъ этими бѣдными одеждами, подъ этими несносными слезами и смѣшными наставленіями, вы видите людей, которые еще не вовсе утратили нѣжность чувствованій. А ты, пришле-

цѣ, самовольный изгнанникъ изъ родительскаго дома, кто позаботится о тебѣ?

Ты самъ разорвалъ всѣ узы родства, у бросился въ міръ, тебѣ неизвѣстный; ты вымаливаешь у людей состраданія, участія, и они холодны къ тебѣ, они безъ великодушія даютъ тебѣ кусокъ хлѣба и уголь, но не могутъ дать того, чего нѣтъ у нихъ для тебя— любви родственной! Для другихъ, она неистребима въ сердцѣ, связанномъ съ ними священными узами; она всегда готова на пожертвованія, на услуги, на вольныя изъявленія дружбы и невольныя слезы; а для тебя?... Страшишься утратить чувство къ этой святой любви, и не смѣйся надъ тѣмъ, чего нѣтъ для тебя въ мірѣ. Ты одинокъ посреди людей, и долженъ все покупать у нихъ услугою, трудомъ, превосходствомъ (Гилы).

Такъ думалъ Ломоносовъ, и грустно было сердцу его. Онъ одиноко помолился, въ послѣдній разъ, святымъ Московскимъ угодникамъ, и сѣлъ опять въ тѣлегу, уже вмѣстѣ съ провожатымъ монахомъ, который избралъ его себѣ спутникомъ, собесѣдникомъ, и помощникомъ. Монахъ слышалъ о хоро-

шей славѣ, объ отличныхъ дарованіяхъ при-
шлеца Холмогорскаго, и хотѣль на него сва-
лить половину своихъ занятій, потому что,
можетъ быть, не надѣялся одинъ управиться
съ толпою подчиненныхъ ему юношей. Онъ
велѣль Ломоносову крѣпко смотрѣть за ними
, не позволять имъ отлучаться, не позволять
ссориться другъ съ

другомъ, «Бѣда мнѣ, коли въ дорогѣ слу-
чится чтонибудь, не доброе для славы нашей
Академіи!» воскликнулъ онъ. «Тамъ воспита-
ваются не ученые , а забіяки, скажутъ въ Пе-
тербургѣ. »

Но опасенія добраго монаха были напрас-
ны. Отправленные съ нимъ семинаристы бы-
ли смиренные ребята, и во всю дорогу они
очень скромно пили, ѣли, спали , и забавля-
лись только пѣніемъ псалмовъ. Монахъ бы-
лъ очень доволенъ этимъ и приписывалъ
успѣхъ своего путешествія Ломоносову, кото-
рый однакожь мало занимался своими това-
рищами, потому что весь занятъ былъ соб-
ственно своею судьбою.

« Наконецъ буду я подѣ руководствомъ ис-
тинныхъ ученыхъ !» думалъ онъ. «Я изучалъ

до сихъ поръ только словесныя науки ; но теперь-то начнется истинная, основная наука. Природа, со всѣми своими таинствами, раскроется передъ моими глазами ; земля и небо краснорѣчивѣе заговорятъ уму ; сердце не будетъ сжиматься отъ неудовлетворяемаго любопытства.

Увидимъ , сбудутся-ли надежды и предположенія юноши; не разочаруетъ-ли его и третій городъ, какъ разочаровали два первые. Сначала Москва была единственною цѣлю его , для которой оставилъ онъ родину, и бѣжалъ черезъ снѣга всей сѣверной Руси; но Москва уже дав-

но перестала удовлетворять его жажду - къ познаніямъ, его нетерпѣливый, испытательный духъ ; онъ искалъ высшаго просвѣщенія въ Кіевѣ , и слишкомъ скоро увидѣлъ свою ошибку. Теперь, какъ будто сама судьба увлекала его на берега Невы , въ юный городъ, основанный волею Петра. Все это: Петръ, осѣняющій свое созданіе ; новая ученость людей свѣтскихъ , и сами они, эти люди , новые для Ломоносова ; Теофанъ, уже два раза двигавшій его впередъ, на трудномъ пути

жизни; перемѣна жребія, даже близость къ
милому сѣверу , все являлось въ его
воображеніи , все занимало его почти непре-
рывно. Онъ едва замѣчалъ какъ проходили
дни, какъ исчезало разстояніе подъ лѣнц-
выми ногами коней, которые по видимому
не торопились въ Петербургъ. Наконецъ
Великій Новгородъ мелькнулъ передъ гла-
зами путешественниковъ , и Ломоносовъ
успѣлъ зайти только помолиться Святой
Софіи, въ знаменитомъ Новгородскомъ со-
борѣ.

Глава VII.

« Не воображайте первобытнаго Рима та-
кимъ, каковъ былъ онъ во время свое-
го величія,» сказалъ Монтескъё. Не будемъ во-
ображать, что и Петербургъ, черезъ тридцать
два года послѣ своего основанія, былъ уже го-
родъ великолѣпный. Напротивъ, это были
кой-гдѣ расбросанные дома и лачуги, посре-
ди которыхъ возвышались немногія обшир-
ныя зданія. Даже расположеніе его было
совсѣмъ не похоже на нынѣшнее. Адмирал-
тейская сторона , гдѣ красуются теперь
лучшія зданія, гдѣ видимъ истинное
средоточіе города, тогда была самою ненасе-
ленною частью Петербурга. Дикіе лѣса, тунд-
ры и болота почти примыкали къ Невѣ на
тѣхъ мѣстахъ , гдѣ нынѣ красивая Литейная,
великолѣпные каналы и единственный
Невскій проспектъ. Только напротивъ
крѣпости, внизъ по лѣвому берегу рѣки, про-
стирались зданія довольно видныя, между
прочимъ домъ бывшій Меншикова, и Адми-

ралтейство; но во-

обще эта часть города была населена флотскими Офицерами , матросами и разными рабочими людьми. Слѣды Петра еще были живы черезъ десять лѣтъ послѣ его кончины, когда пріѣхаль туда Ломоносовъ.

На берегу Невы , съ жадностью глядѣль онъ на эти исполинскіе слѣды : они были видимы въ начатыхъ и частію оконченныхъ строеніяхъ, въ твердынѣ, которая возвышалась на противоположномъ берегу, и всего болѣе въ огромной мысли, вознесши столицу *Русской части свѣта* на болотахъ Ингерманландіи. Жизнь и дѣятельность кипѣли по обоимъ берегамъ Невы, и показывали, что мысль Петра благословляетъ Небо, что она довершится его наслѣдниками, и сдѣлается долговѣчнымъ его памятникомъ , передъ которымъ ничтожны кажутся всѣ памятники міра. Въ самомъ дѣлѣ, Петербургъ, живая мысль Петра, увѣковѣченная въ гранитѣ, и непрерывно одушевляемая новыми поколѣніями, составляетъ такой оригинальный, чудный, единственный памятникъ этого генія, что передъ нимъ жалки мертвыя гро-

мады Египетскихъ пирамидъ. Вся Россія была поприщемъ его безсмертныхъ подвиговъ ; она вся носитъ печать его трудовъ, его заботливости о нашемъ благѣ ; но только Петербургъ выражаетъ вполнѣ этого генія , Петербургъ , любимое дитя его, которое началъ онъ лелѣять своими руками. .

Тутъ, на пространствѣ немногихъ верствъ, вы можете изучить Петра, лучше нежели во всякомъ другомъ мѣствѣ обширнаго его владѣнія ; тутъ Петръ во всемъ своемъ величїи, со всею смѣлостью, упорствомъ, и даже съ нѣкоторыми слабостями генія, благодѣтельнаго для Россїи.

Путешественники переправились черезъ Неву въ лодкахъ и вышли на Васильевскїй островъ, къ зданію Академіи. Ломоносовъ искалъ глазами тѣхъ необыкновенныхъ людей, съ которыми готовился теперь жить. Это всегда естественно въ молодомъ человѣкѣ , робко вступающемъ въ тотъ городъ , гдѣ живетъ много людей, извѣстныхъ ему своими дарованїями, ученостью, славою. Въ каждомъ встрѣчающемся думаетъ онъ видѣть ихъ, или по крайней мѣрѣ достойныхъ жить близко

нихъ. Его не столько занимаетъ новость самыхъ блестящихъ предметовъ, сколько мысль о близости, о присутствіи этихъ важныхъ для него лицъ. Тутъ все кажется значительнымъ , потому что все это близко къ нимъ. Мысль о такихъ людяхъ переживаетъ ихъ, и приводитъ въ благоговѣйный трепетъ вступающаго въ замокъ Валленштейна , въ келью Лютера, въ кабинетъ Ньютона.

Ломоносовъ не зналъ даже именъ тѣхъ великихъ мужей, къ которымъ пріѣхалъ учиться; однако онъ воображалъ ихъ чѣмъ-то удивительнымъ,

не похожимъ на то, что видѣлъ до сихъ поръ. Съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ остановился онъ, вмѣстѣ съ другими, подлѣ дома Академіи, и между тѣмъ какъ провожатый ихъ . пошелъ узнавать, куда и какъ помѣстить пріѣхавшихъ съ нимъ студентовъ , онъ ждалъ необыкновенной встрѣчи , привѣтливыхъ вопросовъ, и перебиралъ въ умѣ всю свою ученость, приготовляясь отвѣчать.

Прошло съ полчаса.

Монахъ возвратился и сказалъ, что имъ

вельно идти въ Гимназію, состоящую подъ вѣдомствомъ Академіи.

— А не въ Академію?—спросилъ Ломоносовъ.

«Нѣтъ, въ Гимназію.

Голова поникла у нетерпѣливаго Ломоносова. Онъ не зналъ, что въ Академіи не было классовъ , и что это высшее ученое мѣсто предоставлено для занятій не ученическихъ.

Ни одного знаменитаго человѣка не видалъ онъ: его и товарищей его. приняли безъ всякой встрѣчи, размѣстили по классамъ Гимназіи , и велѣли имъ являться вмѣстѣ съ другими учениками къ слушанію лекцій.

Такъ разрушились мечты Ломоносова ; однакожь существенность утѣшила его: онъ началъ учиться Физикѣ, Математикѣ , и забывалъ всѣ рѣшманы своего воображенія, быстро шагая отъ

успѣха къ успѣху въ наукахъ. Онъ имѣлъ рѣшительную склонность къ Естествознанію, къ наукамъ точнымъ; онъ давно жаждалъ извѣдать въ нихъ свой умъ, и принялся за исчисленія, за неясную въ его время науку о силахъ природы. Въ самомъ дѣлѣ, Физика то-

гда незаконно присвоивала себѣ цѣлыя области другихъ наукъ; но этого не могъ замѣтить самый проницательный умъ, потому что не его вѣку было предоставлено опредѣленіе границъ Физики: надобны были труды и успѣхи болѣе нежели полустолѣтія, чтобы науки вошли каждая въ свои границы. Сверхъ того, отличительною чертою Ломоносова была собственно неутолимая жажда ко всѣмъ познаніямъ, а при этомъ ему недосугъ было дѣлать открытія, особенно при началѣ своего ученаго поприща. Онъ необходимо впадалъ въ *рутину* обыкновенныхъ ученыхъ, и только по временамъ блестѣлъ геній его, освѣщавшій иногда темныя стороны наукъ и искусствъ. .

Ровно сто лѣтъ прошло теперь, послѣ вступленія его въ Академическую Гимназію. Можно вообразить, какова тогда была метода ученія, если и теперь, послѣ столькихъ опытовъ, не удовлетворяетъ она ума человѣческаго, безпрерывно стремящагося къ совершенству. Однакожъ и при этой методѣ, Ломоносовъ не шелъ на ряду со своими сверстниками, а опе

режалъ ихъ во всемъ. Это обращало на него вниманіе учителей, начальниковъ, и еще болѣе соучениковъ, большею частію избранныхъ молодыхъ людей, отличавшихся хорошимъ поведеніемъ, познаніями и любовью къ ученью. Изъ числа ихъ одинъ, Виноградовъ, особенно полюбилъ Ломоносова, и скоро сдѣлался другомъ его.

Однажды Виноградовъ замѣтилъ своего любимаго товарища не за учебными тетрадами, а за листкомъ бумаги, на которомъ писалъ онъ *стихи—Русскіе стихи.*

«Что это, Михайло? ты пишешь. ... боюсь ошибиться! . . .

—Стихи!—отвѣчалъ съ веселымъ видомъ Ломоносовъ.

«Русскіе стихи?»

—Да, братецъ; это уже не новость на нашемъ языкѣ. Стихи пишутъ у насъ теперь многіе, Пѣтика Русская образуется.

Виноградовъ засмѣялся.

—О чемъ-же смѣешься ты?— съ нѣкоторымъ огорченіемъ спросилъ Ломоносовъ.

«Помилуй!» сказалъ Виноградовъ. «Писать

стихи можно на Латинскомъ , на Греческомъ, на Французскомъ, но, воля твоя, Русскіе стихи едва-ли не всегда будутъ чѣмъ-то дикимъ для слуха.

— Я самъ испытываю, что нашъ языкъ упрямится и не поддается никакому размѣру стихотворному; однакожь искусные люди, напримѣръ Тредьяковскій , Кантемиръ , и прежде ихъ нѣкоторые духовные отцы, сочиняли стихи преизрядно. Я уже давно упражняюсь въ стихотворствѣ , но еще недавно увидѣлъ образцы названныхъ мною авторовъ , и теперь хочу подражать имъ.

«Во-первыхъ , братецъ , надобно имѣть и дарованія этихъ людей, а во-вторыхъ , признаться тебѣ, я исподтишка смѣюсь надъ всѣми стихами въ мірѣ.

— Смѣешься ? .

«Да, потому что считаю ихъ пустымъ препровожденіемъ времени; какая польза отъ нихъ?

— Образованіе языка.

«Пустое! въ стихахъ только ломаютъ языкъ. Посмотри что дѣлаетъ съ языкомъ самъ Тредьяковскій, и даже Кантемиръ.

— Правда , языкъ и у нихъ тяжеловатъ , но питическія прикрасы есть всѣ , какъ и у великихъ образцовъ. Потрудимся , постараемся улучшить языкъ.

« Не стоитъ труда эта головоломная работа. Особенно дивлюсь что ты, который больше меня привязанъ къ ученію Физики и Математики, ты занимаешься этими пустяками.

— Неужели-жь ты въ самомъ дѣлѣ считаешь стихотворство пустымъ занятіемъ ?

« Безъ сомнѣнія.

Ломоносовъ взялъ свой листъ бумаги и разорвалъ его на нѣсколько частей.

«Что ты это, что ты ?» вскричалъ Виноградовъ.

— Да , братецъ : ты оравъ ! стихи мои не стоили труда, который я приложилъ на нихъ.

«Не даль и прочитать !» прибавилъ съ сожалѣніемъ Виноградовъ.

—И слава Богу! ты пристыдилъ-бы меня еще больше. Но что-же дѣлать, когда страхъ какъ хочется мнѣ образовать Русское стихотворство !

«Послушай, Михайло! Ты будешь первый во всемъ , чѣмъ ни станешь заниматься : пол-

года ученья вмѣстѣ доказали это не мнѣ одному. Чего-же хочешь ты, когда передъ тобою необозримое поприще Математики, Физики, Химіи ?

— Эхъ, братецъ, Виноградовъ ! Тяжко мнѣ, а долженъ признаться : - не того ждалъ я отъ этихъ наукъ. Ты знаешь какъ я люблю ихъ ? Повѣрь-же, иногда меня грусть беретъ , когда занимаюсь ими , и вотъ въ эти-то часы отдаюсь я бѣсу стихотворства.

« Но чѣмъ-же ты не доволенъ въ этихъ наукахъ ? »

— Мнѣ кажется, что насъ не такъ и не тому учать.

« Съ чего ты взялъ это ? »

— Самъ не знаю , а чувствую , что это неудовлетворительно.

« Намъ показываютъ всѣ возможные эксперименты.

— Да, эксперименты, а больше ничего.

« А чего-жъ бы тебѣ хотѣлось.

— По чѣмъ я знаю ! Если-бъ зналъ, такъ и дѣлалъ-бы иначе.

« Ну, право, мнѣ кажется, ты хочешь проказничать.

— Говорю искренно: мнѣ мало этого ученья.

Виноградовъ задумался , и черезъ нѣсколько

секундъ сказалъ:

« Можетъ быть ты и правъ ; но , я думаю, наше ученье и не кончится этимъ ; только въ наукахъ не лъзя прыгать черезъ ступеньку.

Ломоносовъ началъ дальше развивать ему свои идеи , свои сомнѣнія ; говорилъ, что онъ недоволенъ и своимъ ученьемъ *Словесныхъ Наукъ*; изъяснялъ догадки, предположенія, мечты свои. Увлеченный краснорѣчіемъ и умомъ его , Виноградовъ вскричалъ наконецъ :

« Михайло ! Я горько ошибаюсь, или ты рожденъ быть великимъ человекомъ. Скажи мнѣ: какъ Богъ вселилъ тебѣ эти быстрыя понятія,

эти глубокія догадки о таинствахъ природы? Откуда взялся ты со своимъ умомъ ?

Ломоносовъ отвѣчалъ, улыбнувшись:

— Развѣ ты не знаешь, что я мужикъ, бѣглець Холмогорскій !

«Знаю, слышалъ, и почти не вѣрю.

— Да, Виноградовъ. Я точно мужикъ , то есть сынъ мужика ; родился и провелъ первые годы свои среди самаго глубокаго невѣжества; наконецъ бѣжалъ изъ своей родины въ Москву.... да это долгая исторія!

«Но ты никогда не рассказывалъ мнѣ ея подробно. .

— И не хочу рассказывать.

« Почему-же ?

— Потому что грустно.... да, грустно вспомнить мнѣ о первыхъ годахъ юности ! Сколько могъ-бы я уже сдѣлать до сихъ поръ, если-бы началъ учиться во время !...

«Боюсь докучать тебѣ своей просьбою, а желалъ-бы узнать подробнѣе , какъ провелъ ты эти грустные годы ? Примѣръ твой былъ-бы полезенъ и мнѣ. Я не вѣдалъ никакихъ великихъ препятствій въ жизни, и самымъ обыкновеннымъ образомъ перешелъ изъ родительскаго дома въ училище.

— А я долженъ былъ для этого подвергнуть опасности свою жизнь. Слушай.

«Я родился на острову, не далеко отъ Холмогоръ, въ деревнѣ , которая называется Денисовскою: это въ Двинскомъ уѣздѣ, въ Куро-

островской волости. Теперь мнѣ двадцать четьре года , слѣдовательно 1711-й годъ былъ годомъ моего рожденія.

« Надобно сказать тебѣ о моемъ отцѣ, что это человекъ въ своемъ родѣ необыкновенный. Не знаю для чего спряталъ онъ свой умъ отъ людей, которые видятъ въ немъ простаго рыбака: я вижу въ немъ что-то гораздо больше. Правда , онъ рыбакъ промысломъ , но умъ его глядитъ не на однѣхъ рыбъ. Представь себѣ только, что онъ первый изъ жителей нашего края вздумалъ построить и построилъ галіотъ: это родъ небольшого корабля, оснащенный по корабельному, съ парусами , и съ удобствами для рыбнаго промысла и для груза. Кой-какъ сбился онъ деньгами для этого суденышка, но построивши его наживалъ порядочные доходы. Онъ перевозилъ на немъ запасы , казенные и частные , отъ города Архангельскаго въ Пустозерскъ , въ Соловецкій монастырь, Колу, Кильдинъ , плавалъ около береговъ Лапландіи, въ рѣку Мезень , къ Самоѣдамъ. Но главнымъ занятіемъ его была рыбная ловля, для которой плавалъ онъ каждое лѣто и каждую осень въ Бѣлое и

Съверное моря.

«Мнѣ было Десять лѣтъ, когда оцъ въ первый

разъ взялъ меня съ собой. Я какъ ребенокъ радовался этому, и пособлялъ, отцу въ чемъ могъ; онъ сталъ брать меня съ собою каждое лѣто. Мы плавали далеко на сѣверъ, въ Океанъ, и достигали иногда 70-ти градусовъ широты. Тутъ-то наглядѣлся я на чудеса природы, какихъ вѣрно не увижу больше. Одно море, не здѣшняя финская лужа, а необозримое. Сѣверное море, представляетъ уже такое дивное зрѣлище, на которое не лъзя нарадоваться. Прекрасна тихая гладь его; но я всего больше любилъ глядѣть на него въ бурю, когда волны перелетаютъ черезъ корабль, и кидаютъ его по хребтамъ своимъ какъ щепку. Мнѣ казалось тогда, что въ морѣ есть страсти, что оно сердится, что оно хочетъ наказать дерзость людей, которые осмѣлились ходить по свѣтлому зеркалу его. Кипѣніе волнъ, свистъ вѣтра, всплески встрѣчающихся валовъ, говорили, казалось мнѣ, что-то странное, непостижимое для ума, но понятное душѣ. Я прислушивался къ этому говору, и радъ бы-

валь, когда постепенно стихало море : мнѣ думалось , что оно мирится съ нами , что оно шепчетъ что-то намъ своимъ непонятнымъ языкомъ. Оно стихло ; оно опять гладко , свѣтло какъ стекло. Новое , чудное , величественное зрѣлище ! Не валы ходятъ по морю, не вѣтеръ подымаетъ цѣлыя рѣки воды , но что-то живое , что-то

близкое, сродное морю колеблется громадой по немъ. Подплываемъ ближе : это исполинъ-рыба, это китъ роскошествуетъ, отдыхаетъ, нѣжится на влажной его поверхности. Мы въ мирѣ съ моремъ; но покуда оно спитъ тихимъ сномъ, навивается смертельный бой съ исполиномъ, обитателемъ его. Ловкая, привычная рука вонзаетъ въ него острое желѣзо : китъ взмахнулъ тяжкимъ хвостомъ своимъ, и легкое суденышко наше едва не хлебнуло воды, едва не опрокинулось; онъ пустилъ фонтанъ воды и едва не затопилъ насъ этимъ страшнымъ ливнемъ ; кинулся въ бездонную глубь моря, и веревка, привязанная къ острогѣ, задымилась отъ скорости движенія ; въ нѣсколько секундъ онъ вывертѣлъ ее всю, и боченокъ , къ которому

была она привязана другимъ концемъ, но летѣлъ въ море. Скрылось все; но китъ не ушелъ отъ своихъ непріятелей; они стерегутъ его; а ему тяжело подъ водой ; ѣдкая соленая вода разѣдаетъ его тѣло, и вотъ боченокъ явился на поверхности; за нимъ выплылъ и китъ. Новый ударъ, новая опасность для насъ, и, по третьему удару, гибель мощному сопернику. Я часто бывалъ свидѣтелемъ ловли китовъ , и никогда не могъ привыкнуть къ этому зрѣлищу: инѣ бывало страшно за своихъ, и жаль благороднаго непріятели.

«Иногда мы оставались въ морѣ до поздней

осени, и тогда-то видѣли всю игру страстей его. Оно какъ будто гнало насъ съ лона своего ужасными, свирѣпыми бурями, и наконецъ высылало прошивъ непослушныхъ . громады льдовъ. Эти непріатели поопаснѣе кита. Они грозили разбить наше утлое построеніе, требовали всего искусства мореходнаго, и будто изъ милости позволяли намъ убѣгать къ берегамъ.

«И какъ пріятно бывало ступить на берегъ послѣ такихъ опасностей ! Отецъ мой вводи-

ль въ заливъ свою *Чайку* (такъ называлъ онъ свой галіотъ) и начиналъ торговлю наловленной рыбой, или считалъ деньги, заработанныя перевозкой чужихъ тяжестей. У насъ была теплая изба, и въ ней оставались мы почти все зимнее время. Извѣстно какая у насъ зима : она продолжается восемь мѣсяцевъ, изъ которыхъ шесть царствуетъ ночь. Во все это время почти нѣтъ солнца, и мы бродили-бы полгода въ потемкахъ ; ежели-бы предусмотрительная природа не зажигала въ небѣ пожара, который называется сѣвернымъ сіяніемъ. Ты видалъ его и въ Петербургѣ, но что здѣшнее сѣверное сіяніе передъ нашимъ ! Представь себѣ, что полгоризонша объято пламенемъ, и такимъ яркимъ , такимъ блистательнымъ , такихъ чудныхъ цвѣтовъ, что, право , развѣ дуракъ не придетъ отъ него въ восхищеніе.

«И не былъ равнодушенъ къ этому чудному явленію, такъ-же какъ не былъ равнодушенъ къ чудесамъ моря , льдовъ , полугодовой ночи , и къ нашимъ лѣсамъ , въ которыхъ есть такія мѣста , гдѣ не бывала еще стопа челоѣка. Я старался объяснить себѣ, моло-

дымъ умишкомъ своимъ , отъ чего происходитъ то, отъ чего другое ? Для чего наконецъ все это ? И вотъ еще тогда-то запала мнѣ въ умъ страсть къ изученію природы , которое называемъ мы теперь и Физикой и Натуральной Исторіей , и Богъ знаетъ какъ еще !

« Въ то-же время , не одна природа привлекала меня изучать себя. Я сталъ учиться Русской грамотѣ, и учитель мой , приходскій дьячекъ, удивлялся, что вскорѣ я сталъ читать и писать порядочно. Черезъ два года я былъ уже точно лучшимъ чтецомъ въ церкви, и живши по зимамъ всегда дома , не пропускалъ ни одной службы безъ того, чтобы не читать на клиросѣ или за амвономъ. Другіе ученики нашего дьячка вскорѣ стали бранить меня, и даже бить за то, что а читалъ лучше ихъ. Многіе были гораздо старше меня, учились гораздо больше, а не умѣли читать внятно; дьячекъ хвалилъ меня за *ломкость* и *Пріятность голоса*, какъ называлъ онъ это , и навязалъ мнѣ тѣмъ цѣлую кучу гонителей.

«Я былъ принужденъ читать больше дома ;
но шутъ ожидала меня еще страшнѣйшая

гроза. Надобно сказать тебѣ, что мать моя умерла прежде нежели я могъ помнить себя; я остался единственное дитя у отца моего, потому что хотя онъ и женился въ другой разъ, но дѣтей у него- больше не было. Вторая жена его, моя мачиха, самое злое твореніе, какое только можно вообразить. Она была самою ужасною моею гонительницею, ненавидѣла меня и увѣряла моего отца, что я никуда негодный мальчишка, лѣнтяй, который вѣчно сидитъ на пустому за книгами. Старикъ иногда отмалчивался, потому что любилъ меня, но иногда и самъ приходилъ въ гнѣвъ. Наконецъ она успѣла довести его до того, что онъ сталъ запрещать мнѣ читать книги. . . . Можешь повѣрить, какъ это было мнѣ горько; но я уходилъ въ уединенныя мѣста, въ дремучій лѣсъ, и тамъ читалъ и учился чему было можно; терпѣлъ холодъ и голодъ, но отстать отъ ученья не имѣлъ силъ.

Разсказывая тебѣ всю жизнь свою, не могу умолчать объ одномъ обстоятельстве, которое до сихъ поръ тяготитъ мою душу. Мнѣ было тринадцать лѣтъ, когда я подружился съ

нѣсколькими раскольниками изъ ближней деревни. Они держались секты, называемой *Безпоповщина*. Я льстилъ имъ , и не безъ корыстныхъ видовъ: я зналъ, что у нихъ есть доволь-

но книгъ, а мнѣ совсѣмъ нечего было читать. Я попросилъ у нихъ книгъ ; они дали мнѣ ихъ, начали толковать догматы религіи по своему, и наконецъ привлекли меня въ свою секту. Между ними были говоруны, которые изъяснялись такъ Красно, съ такимъ убѣжденіемъ !... Два года держался я нелѣпыхъ мнѣній раскола, но наконецъ самъ увидѣлъ свое заблужденіе. Удаляясь постепенно отъ враговъ души моей, я наконецъ совсѣмъ отсталъ отъ нихъ. ... Благодарю всемогущаго Бога, что онъ освѣтилъ младую душу мою свѣтомъ истиннымъ ! Но самъ себѣ не могу простить этого грѣха. Раскольники не преслѣдовали меня, потому что надъ ними носились громы Петровы; о заблужденіи моемъ не зналъ никто ; но этотъ случай былъ важенъ своими послѣдствіями.

«Разставшись съ раскольниками , я сталъ съ омерзѣніемъ смотрѣть на ихъ книги. Меж-

ду тѣмъ умственная жажда томила меня. Всѣ духовныя книги , которыя были въ нашей приходской церкви, прочиталь я давно. Я сталъ просить у моего учителя какихъ нибудь другихъ, свѣтскихъ книгъ ; но онъ отвѣчалъ, что нѣтъ ихъ у него , да нѣтъ вовсе и на Русскомъ языкѣ ; что если я хочу учиться и читать книги всякія , то для этого необходимо знать Латинскій языкъ. Что такое Латинскій языкъ?— Да языкъ, на которомъ есть вся-

кія книги ; а научиться ему можно въ Москвѣ, Кіевѣ, и Петербургѣ, гдѣ учреждены для этого особенныя школы.

«Тогда-то въ первый разъ вспаломнѣ наумъ идти въ Москву. Но какъ сдѣлать это? Я проронилъ нѣсколько словъ о своемъ намѣреніи, желая вывѣдать , согласится-ли отецъ отпустить меня. Когда онъ понялъ о чемъ идетъ дѣло, то поднялъ такую грозу, что я не зналъ чѣмъ успокоить его. Мачиха моя присоединилась къ нему , начала жалѣть, что у мужа ея такой безпутный сынъ, начала плакать, выть.... Старикъ разсердился еще больше и хотѣлъ выгнать меня изъ дому. Окончи-

лось тѣмъ, что меня хорошо поколотили и велѣли гнать изъ головы дурь.

«Но судьба какъ будто нарочно поджигала страсть мою къ ученю. Случайно, въ домѣ одного зажиточнаго человѣка, Христофора Дудина , увидѣлъ я наконецъ не духовныя книги. Помню, что я пришелъ въ совершенный восторгъ , и перевертывая листы, пожиралъ ихъ глазами. Ты спросишь : какія были это книги ? Старинная Славянская Грамматика , и Ариѳметика , напечатанная въ Петербургѣ, въ царствованіе Петра Великаго, для навигацкихъ учениковъ. Н предметы этихъ книгъ , и языкъ ихъ , и изложеніе были для меня совершенною новостью. Я сталъ неотступно просить ста-

рика Дудина , чтобы онъ позволилъ мнѣ прочесть драгоцѣнныя его книги ; онъ не соглашался. Не разъ возобновлялъ я эту просьбу, и всегда понапрасну : Дудинъ не хотѣлъ дать мнѣ своихъ книгъ даже на нѣсколько дней. Я рѣшился употребить хитрость : началъ угождать сыновьямъ его , дѣлалъ и дарилъ имъ игрушки, выдумывалъ игры , рассказывалъ сказки, и довелъ ихъ до того , что

они полюбили меня и были готовы сдѣлать все для пріятеля. Я сталъ просить у нихъ почитать книгъ отцовскихъ; сначала не соглашались, но по усиленной просьбѣ выдали ихъ мнѣ. Этого было довольно: книгъ уже я не отдалъ назадъ, не разставался съ ними, читалъ ихъ всякой день, во всякой свободной часъ, и наконецъ выучилъ наизусть. Такимъ образомъ узналъ я Ариѳметику, хотя въ книгѣ Магницкаго, автора моей Ариѳметики, она изложена очень дурно, многоглаголиво и безтолково; узналъ отчасти и Грамматику. Эти двѣ книги были *вратами учености* моей!

«Между тѣмъ, въ умѣ моемъ созрѣвала мысль о побѣгѣ въ одинъ изъ названныхъ учителемъ моимъ городовъ. Бѣжать изъ родительскаго дома! Страшно и выговорить эти слова. Но посуди о моемъ положеніи неугасимая страсть къ ученюю жгла мою душу, тревожила меня днемъ и ночью, лишала покоя; а надѣяться,

чтобы отецъ согласился отпустить меня и благословилъ на просвѣщеніе ума наукою, было невозможно; оверхъ того жить, при безпрестанныхъ нападкахъ и терзаніяхъ отъ

мачихи, стало мнѣ совершенно несносно. Я рѣшился убѣжать.

« Но какъ исполнить эту дерзкую мысль ? Я придумывалъ разные планы, искалъ случая, спрашивалъ ѣдущихъ въ дальніе города ; но средства не представлялось никакого. Наступилъ 17-й годъ моей жизни. Изъ нашей деревни отправлялись иногда обозы съ рыбою ; я узналъ , что и въ этотъ годъ отправляется одинъ въ Москву. Сердце мое затрепетало. Я рѣшился непременно уйдти съ обозомъ.

«Никому не открывалъ я своего намѣренія; не говорилъ ничего съ мужиками, которые нагружали рыбу на возы , и боялся даже какъ-бы по глазамъ моимъ не узнали , что таится въ душѣ моей. Рѣшимость придавала мнѣ твердости. Наконецъ, утромъ одного дня, зашевели-, лось , заскрыпѣло на улицѣ : обозъ отправлялся въ дальній путь. Я выскочилъ на улицу вмѣстѣ съ другими , и будто изъ пустого любопытства смотрѣлъ какъ скользили возы, какъ снимали шапки и крестились извозчики. Я сдѣлалъ это для того , чтобы лучше скрыть свое намѣреніе , а уйдти хотѣлъ ночью и догнать

обозъ на дорогъ. Неопышность моя не предвидѣла никакихъ препятствій.

« День случился праздничный. Отецъ мой, не занятой ни какою работою , оставался дома, и былъ необыкновенно весель и ласковъ ко мнѣ. За ужиномъ, какъ нарочно, онъ разговорился о своихъ надеждахъ, въ простотѣ сердца высказывалъ смиренные свои планы, и оканчивалъ все тѣмъ , что я вѣрная подпора у него, что я на старости буду его кормильцемъ. «Руки приложить , слава Богу, есть къ чему ; только ты будь добръ и послушивъ.» Это были , я думаю, послѣднія слова его ко мнѣ. Признаюсь, я готовъ былъ броситься къ ногамъ отца, испросить прощеніе въ страшномъ непослушаніи, которое скоро хотѣлъ сдѣлать, и остаться навѣкъ добрымъ мужикомъ, на утѣшеніе старику. Но мачиха моя вдругъ взбѣсилась за что-то, и тотчасъ выгнала изъ сердца моего всю чувствительность. Такимъ образомъ, она невольно толкнула меня къ развязкѣ. Я легъ іспать. Не помню, спалъ-ли я ; но знаю , что кровъ волновалась во мнѣ , что я былъ какъ въ лихорадкѣ, и когда наступила давно желанная минута, я долженъ былъ

призвать на помощь всю бодрость свою.

« Послушай , Биноградовъ ! Не доказываютъ-ли чистоты намѣренія моего даже то, что я не думалъ о средствахъ дороги, не запасся ни

одною копѣйкою, ничѣмъ? Пускаясь въ далекій, безвѣстный путь, одинъ, пѣшкомъ, я не воображалъ, что могу умереть съ голоду или замерзнуть на дорогѣ. Я хотѣлъ бѣжать, только бѣжать, къ неясной, единственной для меня цѣли.

« Боязливо поднялся я съ постели своей ; но въ домѣ всѣ спали крѣпкимъ сномъ. Я отыскалъ ощупью свое чистое бѣлье , надѣлъ двѣ рубашки, и на нихъ овчинный тулупъ свой, который носилъ каждый день; завязалъ въ узелъ вѣрныя свои книги, Ариѳметику и Грамматику; взялъ еще кусокъ чернаго хлѣба, оставшійся на столѣ отъ ужина, и началъ потихоньку выходить. У порога я остановился невольно и прислушивался къ дыханію спящихъ (ты знаешь, что въ деревенскихъ избахъ всѣ спятъ въ одной комнатѣ). Какъ мнѣ хотѣлось взглянуть еще разъ на отца ! Я представлялъ себѣ его то грознымъ, то умоляющимъ

мъ ; темнота придавала особенную игру воображенію.... Наконецъ , боясь измѣнить себѣ и разбудить кого нибудь , я поспѣшно отперъ дверь, вышелъ во дворъ . . . надобно было еще отпирать ворота. Мнѣ уже казалось, что въ избѣ сдѣлался шумъ.,. Торопливо выскочилъ я на улицу и пустился бѣжать.

« Ночь была темная, но къ счастью не очень холодная. Я бѣжалъ не оглядываясь ; напослѣ-

докъ выбился изъ силъ и принужденъ былъ присѣсть на сугробъ снѣгу. Тутъ-то пришло мнѣ въ голову , какъ отчаянно было предпріятіе , которое затѣялъ я. Покуда я былъ среди людей, въ теплой комнатѣ, мнѣ казалось, что пройти до Москвы — игрушка : всталъ да пошелъ ! Но отбѣжавши нѣсколько верстъ отъ родительскаго дома, ночью, въ пустынѣ снѣговъ , я почувствовалъ совсѣмъ иное. Взошла луна и освѣтила передо мною неизмѣримое пространство , одѣтое въ бѣлый саванъ : я, человекъ , уничтожался на этомъ страшномъ лонѣ природы. Слезы брызнули изъ глазъ моихъ, когда я не только вообрази-

ль, но и увидѣлъ свое одиночество. Оглядываясь къ родной сторонѣ , я плакалъ пуще. «Ты одинъ, безпомощенъ теперь! » сказалъ я самъ себѣ. «Ты самъ вырвался изъ родныхъ объятій!... Но ворочаться поздно! » подумалъ я. «Дома ждутъ меня теперь побои, долгій гнѣвъ отца, и—мачиха , со всею злостью своею. А впереди мое счастіе , цѣль давнихъ желаній моихъ. Пойдемъ-же въ міръ , бороться съ нимъ !... »

« Бодро сталъ я на ноги и скорымъ шагомъ пустился по дорогѣ. Всю остальную ночь и весь слѣдующій день , я то шель , то бѣжалъ , не останавливаясь почти нигдѣ. Наконецъ усталость принудила меня остановиться въ какой-то деревнѣ, уже поздно вечеромъ. Я сталъ

распрашивать, давно-ли проходилъ тутъ обозъ съ рыбою ; мнѣ сказали, что передъ самымъ вечеромъ, и что онъ вѣрно остановился въ ближней деревнѣ. Я бросился на лавку и спалъ часа два мертвымъ сномъ ; пробудившись , тотчасъ отправился впередъ, и на разсвѣтъ, часу въ десятомъ дня, догналъ обозъ, уже въ семидесяти верстахъ отъ нашего

селенія.. .. Остальнаг? , досказывать нечего. »

Виноградовъ слушалъ своего товарища съ такимъ вниманіемъ, что Даже не прервалъ его ни разу. Когда Ломоносовъ пересталъ говорить, онъ все еще напрягалъ слухъ , и наконецъ сказалъ :

— Знаешь-ли, Михайло , что я уважаю тебя еще больше, когда знаю исторію твоей жизни.

«Мнѣ кажется, въ этой жизни всего больше горестнаго.

— И высокаго , превосходнаго ! Обыкновенный человѣкъ, на твоёмъ мѣстѣ, не рѣшился-бы уйдти въ одномъ тулупѣ, безъ копейки денегъ ꙗ нѣтъ, онъ все собиралъ-бы средства , жаловался-бы во всю жизнь на судьбу, и остался-бы грамотнымъ мужикомъ, не болѣе.

« Правда , рѣшимости надобно было много ! Но много и счастья, потому что я зависѣлъ отъ перваго встрѣчнаго.

44?

— Богъ всегда награждаетъ такую благородную смѣлость , какова была твоя.

« Но онъ-же испытываетъ такихъ бурныхъ

людей , какъ я, и страстями тяжкими. Неужели, ты думаешь , мнѣ легко пробивать грудью препятствія судьбы , и что мнѣ даромъ достаются мои ничтожные успѣхи ? Нѣтъ, мнѣ труднѣе нежели комунибудь ! Голова моя горитъ и сердце какъ будто хочетъ выпрыгнуть отъ этихъ сильныхъ ощущеній, которыя увлекаютъ меня, не знаю куда. А я такъ-же человекъ, какъ и другіе ! Не умѣю назвать страсти моей къ ученю , но уже много претерпѣлъ я для нея. Ты видѣлъ, какихъ препятствій стоило мнѣ добратъся до Москвы. Но тутъ ожидали меня испытанія новыя. Я вытерпѣлъ все униженіе отъ людей, пока добился въ Спасскую школу. Всякій дуракъ величался передо мной , душилъ мое самолюбіе , напоминалъ о нищетѣ моей. . . А эта ужасная фурія, которую называютъ нищетой ! Она не перестаетъ терзать меня до сей поры, и кажется не перестанетъ еще долго. Грудь ломится, когда вспомнишь о прошедшемъ и будущемъ!...

— Но главное теперь уже сдѣлано ; въ будущемъ остаются для тебя одни успѣхи.

« Успѣхи? Да знаешь-ли ты, что значать

для меня успѣхи ?

— Это слово имѣетъ общій смыслъ для всѣхъ.

«Для всѣхъ, но не для меня. Успѣхъ-ли, что я въ пять лѣтъ выучилъ Латинь, съ прибавкою кой-чего, и такъ-же начинаю теперь учиться Естествознанію ? Пожалуй , меня и теперь можно сдѣлать Профессоромъ въ этихъ предметахъ ; это и называютъ обыкновенно успѣхами. Нѣтъ , надобно узнать науку , и потомъ самому сдѣлать въ ней шагъ, распространить ея предѣлы. Мнѣ извѣстны теперь двадцать предметовъ, въ которыхъ я обязанъ совершить такіе успѣхи. Иначе, что я такое ? Школьникъ!

—Ну , мнѣ кажется, ты понимаешь это ужь слишкомъ свысока. Довольно и того , что мы поравняемся съ другими. Да и можно-ли братья за все ?

« А какъ-же иначе ? Пожалуй, довольствуйся тѣмъ , что скажутъ или покажутъ тебѣ учителя, такъ ты и будешь ученый невѣжда. Вѣкъ и наука не ждутъ насъ, и своимъ чередомъ идутъ впередъ. Мнѣ хочется не только до гнать, но и перегнать ихъ. Иначе я

не сталь-бы и учиться. Что-же говоришь ты, будто не лъзя браться за все, то для насъ Рускихъ это правило покуда еще не умѣстно. У насъ такъ мало дѣлателей, что они обязаны браться за все. Иначе, осуди нашего Великаго Петра,

4 66

который не хотѣлъ быть только хорошимъ Генераломъ или хорошимъ кораблестроителемъ: Онъ былъ все. Русскій ученый долженъ обрабатывать свой языкъ , изобрѣтать правила для Стихотворства и Краснорѣчя, переводить образцы. ... А Науки Математическія ?... Да что и говорить!. . Не возражай , что я забавляюсь мечтой: когда прекратится жизнь моя, тогда только буду я не доступенъ всему окружающему. А теперь, когда сердце бьется во мнѣ съ такою силой , я хочу захватить себѣ цѣлый міръ.

Виноградовъ улыбнулся.

« Не мучь меня этою равнодушною усмѣшкой! » вскричалъ Ломоносовъ. «Вы, благоразумные люди , не сдѣлаете ничего безъ насъ , полу-сумасшедшихъ, Наши-же труды станете вы приводить въ порядокъ.

— Но, скажи мнѣ, откуда взялъ ты всѣ эти мысли ? Я ничего подобнаго не слыхивалъ , и хоть не совсѣмъ согласенъ съ тобой , но не могу сказать, чтобы не нравились мнѣ твои слова.

« Да отъ кого-же могъ-бы ты слышать ихъ , когда я самъ придумалъ все это ,» отвѣчалъ развеселясь Ломоносовъ. « Глупаго празднаго времени остается много ; я стараюсь наполнить его своими размышленіями. И ты можешь дѣлать то же.

— Да у меня недостаетъ времени на ученье !

« Что тутъ учить ? Снова признаюсь тебѣ : я не совсѣмъ доволенъ здѣшнимъ ученьемъ. Все это мало, поверхностно, неудовлетворительно.

— Какъ неудовлетворительно ? Мы слушаемъ лучшихъ Профессоровъ.

« Тѣмъ досаднѣе, что они какъ будто скрываютъ отъ насъ что-то. Право , Виноградовъ , я недоволенъ ихъ ученостью. -

Глава VIII

Въ послѣднихъ словахъ Ломоносова заключалась истина, непонятная для него . самого. Онъ точно былъ *недоволенъ* своими Профессорами, и потому именно, что удовольствовать пламенную страсть его къ ученью не могло ни что. Ознакомляясь съ предметомъ какой либо науки или искусства, онъ хотѣлъ объять его во всей обширности, изслѣдовать всею изыскательностью своего ума, и, еще болѣе, своего поэтическаго чувства. Робкая ученость не любитъ этого, потому что ей надобны успѣхи извѣстнаго размѣра, постоянные и постепенные. Раздвигаютъ науку не въ школахъ. Но Ломоносовъ не подозрѣвалъ этого, и съ жаромъ принявшись за Естествознаніе, вскорѣ пришелъ въ такое-же недоумѣніе, какое мучило его при изученіи Словесности: онъ думалъ, что это не вся наука, что это лишь начала ея, и потому-то въ часы досады восклицалъ, что
учители скрываютъ отъ него истинную

глубину знанія.

А между тѣмъ, учителя не нарадовались его успѣхами. И кто-же были это ? Знаменитые въ ученомъ мѣрѣ Бильфингеръ , Байеръ , Эйлеръ ! Они удивлялись рѣдкимъ дарованіямъ молодаго Рускаго и оказывали ему большія поощренія. Онъ прилежнѣе всего занимался Физикою , Химіею, Металлургіею, и сдѣлалъ быстрые успѣхи въ Математикѣ. Эйлеръ, этотъ родоначальникъ всѣхъ математиковъ въ Россіи , тогда еще юный, полный силъ, предсказывалъ , что изъ Ломоносова образуется отличный математикъ и натуралистъ.

Въ самомъ дѣлѣ , проницательность ума, соединенная съ любовью къ Математикѣ и Естествознанію, обѣщала многое ; но природная нетерпѣливость , и стремленіе къ всеобъемлемости, признакъ всѣхъ преобразователей и великихъ двигателей въ наукахъ, мѣшали многому. Иногда какой нибудь предметъ обращалъ на себя особенное вниманіе Ломоносова , и онъ посвящалъ ему дни и ночи, оставляя всѣ другія занятія. Иногда, неудовлетворяемый ничѣмъ, онъ покидалъ все ,

для того чтобы снова приняться за все съ новымъ жаромъ.

Учасъ въ Академической Гимназіи, онъ имѣлъ болѣе свободы нежели въ Заиконоспасской Ака

деміи , гдѣ его держали пошли взаперти. Онъ знакомился съ самимъ Петербургомъ, наблюдалъ огромные начатки Петра., и непрерывно больше влюблялся въ этого великаго человѣка, безсмертнаго на всѣхъ путяхъ человѣческаго общества. Давно хотѣлъ Ломоносовъ посѣтить и славнаго сподвижника его, а своего благодѣтеля Теофана, Это было однакожъ довольно трудно, Теофанъ, отягченный болѣзненными припадками, не могъ принимать .многихъ. Бѣдный студентъ не постигалъ, что были и другія причины труднаго доступа къ знаменитому сановнику. Теофанъ охотно оказывалъ ему покровительство , но обремененный дѣлами и отношеніями инаго рода, не могъ или не хотѣлъ принять его. Онъ видѣлъ въ Ломоносовѣ умнаго , любящаго науки бѣдняка, съ которымъ не было у нихъ ничего общаго.

Однажды , въ свободный часъ , онъ при-

шель въ переднюю Θεофана : опять не лъзя было видѣть Архіепископа.

« Доложите Его Высокопреосвященству, что извѣстный ему студентъ Михайло Ломоносовъ приходилъ засвидѣтельствовать свое почтеніе.

— Не премину — отвѣчалъ служитель.

« Не лъзя-ли доложить и о томъ, что я прихожу не въ первый уже разъ, но до сихъ поръ не имѣлъ счастья лично изъяснить Его Высокопреосвященству мою душевную благодарность за всѣ его ко мнѣ благодѣянія.

— Докладывать Его Высокопреосвященству о всѣхъ приходящихъ, и входить въ объясненія о нихъ, не мое дѣло. Мало-ли сколько народу приходитъ сюда!

Это задѣло самолюбіе молодаго человѣка. Можетъ быть еще въ первый разъ философствуя въ передней, онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Онъ хотѣлъ сказать что-то , но стоявшій вблизи, какой-то старичекъ въ свѣтскомъ платьѣ , предупредилъ его словами :

— Не по пути-ли идти намъ? Пойдемте.— И сдѣлавъ привѣтливый знакъ рукою , онъ

пошелъ.

Удивленный Ломоносовъ невольно послѣдовалъ за нимъ.

Вышедши на улицу, незнакомецъ сказалъ пріятнымъ голосомъ :

— Вы конечно недавно въ Петербургъ ?

« Съ годъ,» отвѣчалъ Ломоносовъ. «И въ годъ не могу добиться увидѣть моего благодѣтеля !

— Не удивительно : Архіепископъ всегда занятъ ; а теперь еще онъ и боленъ, очень опасно.

« Опасно боленъ ?

— Да, медики опасаются за жизнь его. Впрочемъ , хотя у него застарѣлая и неизлечимая

болѣзнь, но не такая, отъ которой умираютъ мгновенно. Архіепископъ располагается ѣхать въ Новгородъ.

«Боже мой! И такъ можетъ служиться, что я не увижу Высокопреосвященнаго !...

— Пріятно встрѣтить такую признательность къ человѣку, котораго называете вы своимъ благодѣтелемъ.

« Онъ истинный мой благодѣтель. Болѣе

всѣхъ ему обязанъ я тѣмъ, что продолжаю
ученіе въ здѣшней Академической Гимназіи.

— А вы учитесь здѣсь, въ Академической
Гимназіи! Радуюсь за васъ: Профессоръ! ваши
люди Европейской учености.

« Да, и все Нѣмцы.

— Но развѣ Нѣмецъ, каковъ Эйлеръ, не
украшеніе своего новаго отечества ?
Рекомендація Бернулли и ученые трактаты,
имъ сочиненные, ручаются за него. Всѣ
другіе Академики также люди отличныхъ
дарованій.

Этотъ разговоръ начиналъ занимать Ло-
моносова. Онъ съ любопытствомъ спросилъ :

— Конечно вы знаете ихъ всѣхъ ?

« Какъ-же и не знать такихъ людей ! Это
цвѣтъ учености въ Европѣ.

— Но позвольте спросить : съ кѣмъ имѣю
честь разговаривать ?

« Я Адамъ. Бурхардъ Селлій, учитель Алек-
сандро-Невской Семинаріи.

— Селлій ? Но вы такъ хорошо говорите по-
Русски, что я не подозрѣвалъ-бы въ васъ ино-
странца.

, « Много чести ! Впрочемъ, я давно въ

Россіи,

люблю новое отечество мое , обожаю религію вату , и почель первымъ долгомъ выучиться сколько можно Русскому языку.

— Вы сказали : *нашу* религію ; слѣдовательно вы не принадлежите къ нашему исповѣданію ?

« Я Лютеранинь.

- — Но какъ-же обучаете вы юношество въ Семинаріи , будучи иновѣрцемъ ?

« Предметъ мой не касается религіи : я учу Латинскому, языку , и еще прежде занималь эту должность въ школѣ , заведенной Высокопреосвященнымъ Теофаномъ на Карповскомъ Новгородскомъ подворьѣ.

— Такъ вы близки и къ Высокопреосвященному ?

« Три года занимался я въ школѣ подъ его покровительствомъ. Извините, что я такъ много сказываю вамъ о себѣ ; но я хочу чтобы вы знали меня , потому что давно знаю васъ. Архіепископъ описывалъ мнѣ вашу необыкновенную жизнь, вашу любовь къ наукамъ, и успѣхи

въ нихъ. Когда вы назвали себя, я порадо-

вался случаю познакомиться съ вами. Жалѣю, что не зналъ васъ въ Москвѣ.

— А вы были и въ Москвѣ.

« Какъ-же ! я былъ и тамъ учителемъ въ Гимназіи.

Ломоносовъ еще въ первый разъ встрѣтилъ такого привѣтливаго ученаго. Онъ жалѣлъ, что должно было прекратить разговоръ съ Селліемъ (имъ приходилось идти въ разныя стороны), и обрадовался, когда умный Датчанинъ пригласилъ его къ себѣ.

Въ его ученой кельѣ Ломоносовъ пришелъ въ восторгъ , когда увидѣлъ себя посреди множества книгъ , рукописей, и всѣхъ пособій учености. Показывая ему свои разные труды , Селлій сказалъ между прочимъ :

— Вотъ это выписки для Академика Байера.

«Для нашего Байера?»

— Да. Онъ приглашаетъ меня иногда раздѣлять труды свои, потому что вовсе не знаетъ Русскаго языка. Вотъ рукопись, которую приготавливаю къ печати : это Schediasma litterarium de scriptoribus , qui Historiam PoliticoEcclesiasticam Rossiae scriptis

Illustrarunt.

« Я вижу у васъ удивительное богатство матеріаловъ для Церковной Россійской Исторіи.

— Это любимый предметъ мой, и я надѣюсь сдѣлать кой-что для будущихъ историковъ Россійской Церкви.

« Но какъ можетъ занимать этотъ предметъ васъ... Лютеранина ?

— Молодой человекъ ! Я Рускій душою , которая благоговѣнно прилѣплена къ Православной Церкви. Только обстоятельства мѣшаютъ мнѣ до сихъ поръ принять святое муропомазаніе. Надѣюсь однакожь, что хоть при концѣ жизни Господь удостоитъ меня этого счастья.

Съ изумленіемъ глядѣлъ Ломоносовъ на почтеннаго старика Селлія. Онъ видѣлъ въ немъ человека, посвятившаго всю жизнь изысканію истины, и скромно спросилъ : какія-же причины удерживаютъ его отъ вступленія въ Православную Церковь ?

— Миръ! — отвѣчалъ Селлій выразительно.— Миръ приковалъ меня къ себѣ заботами мятежной жизни, и я не могу оторваться отъ

него. Мое желаніе : совершенно оставить житейское море и скрыться отъ людей подъ чернымъ крепомъ монаха.

« Не понимаю,» возразилъ Ломоносовъ, «какъ съ такими правами на жизнь, при такой обширной умственной дѣятельности, вы хотите обречь себя смерти ?

— Да, и трудно понять это человѣку , который лишь хочетъ вступать въ міръ ! Но я уже испытанный боець : я усталъ, и душа моя требуетъ успокоенія. Впрочемъ , кто знаетъ, скоро-ли я найду его ? Можетъ быть, порывъ обстоятельствъ опять увлечетъ меня въ бурю свѣта !...

Разговоръ перешель къ путешествіямъ , которыя Селлій совершилъ по Европѣ. Этотъ замѣчательный человѣкъ родился въ Тондернѣ , въ Шлезвигскомъ Герцогствѣ , учился въ разныхъ иностранныхъ Университетахъ , и особенно занимался Медициною. Въ Іенѣ, слушая лекціи славнаго Доктора Богословія Буддея , онъ въ первый разъ обратилъ вниманіе на богословскія истины , и вскорѣ это сдѣлалось лю

бимымъ его занятіемъ. Съ сомнѣніемъ въ

душѣ и съ обширными познаніями въ **Философіи**, Словесности , Медицинѣ и особенно Богословіи , онѣ пріѣхаль въ Россію около 1722 года. .

Ломоносовъ распрашиваль его объ ученіи въ Европейскихъ Университетахъ, и выразиль сильное желаніе побывать и поучиться тамъ.

— Конечно.— сказалъ , Селлій — это не можетъ быть бесполезно ; только надобно прежде всего надѣяться на себя. Никакіе Профессоры не внушатъ намъ любви къ наукѣ , если нѣтъ ея въ насъ самихъ; а кто любитъ науку, тотъ можетъ многое узнать и въ своемъ отечествѣ.

«Но у насъ такъ мало пособій ученыхъ.

— Не спорю, и думаю даже, что для усовершенствованія себя надобно извѣдать разные способы и методы ученія, а для этого необходимо путешествовать ; но, не воображай , молодой человекъ, что на Западѣ увидишь ты истинный свѣтъ учености. Всякій человекъ ложь, или, просто сказать: человекъ.

« Однакожъ въ Россію призвали ученыхъ

оттуда. ...

— Потому что у васъ совсѣмъ не было этого рода учености, которую можно назвать свѣтскою. Вы, первые воспитанники Академіи, должны образовать поколѣніе Русскихъ ученыхъ.

Это замѣчаніе воспламенило Русскую душу Ломоносова. Онъ съ жаромъ началъ высказывать свои надежды, свои планы, свое неудовлетворяемое ничѣмъ любопытство. Селлій ободрялъ его, поправлялъ, старался пояснить его недоразумѣнія. Такъ продолжался разговоръ ихъ нѣсколько часовъ. Они разстались; но Ломоносовъ испросилъ напередъ у новаго знакомаго своего позволеніе приходитъ къ нему.

Вскорѣ Ломоносовъ услышалъ, что Теофанъ скончался въ Новгородѣ, куда уѣхалъ онъ уже больной. Эта вѣсть поразила его. Онъ никакъ не воображалъ, чтобы только разъ въ жизни

случилось ему видѣть и слышать человека, бывшаго украшеніемъ Россійскаго Духовенства. « Просвѣщенный, ученый

благодѣтель мой не существуетъ болѣ!» вскричалъ онъ. «Но и при концѣ жизни своей, онъ какъ будто завѣщалъ мнѣ благосклонность человека, столь-же достойнаго уваженія въ своемъ родѣ. Я приходилъ къ нему въ послѣдній разъ только для того, чтобы узнать Адама Селлія. »

Знакомство его съ этимъ ученымъ мужемъ поддерживалось , и Ломоносовъ часто посвящалъ досуги свои бесѣдамъ съ нимъ. Вскорѣ однакожь обстоятельства развели новыхъ знакомцевъ.

Академія рѣшилась послать въ Германію двухъ студентовъ Академической Гимназіи, для усовершенствованія ихъ въ Химіи и Горномъ дѣлѣ. Ломоносовъ началъ прилагать особенное стараніе объ изученіи этихъ наукъ. Съ его рѣдкою способностью узнать многое въ немного времени, трудно-ли было ему отличиться передъ всѣми своими товарищами ? Дѣйствительно , когда надобно было наконецъ сдѣлать назначеніе объ отправкѣ именно какихъ лицъ, назначили Ломоносова, и — къ радости и удивленію его — Виноградова.

— Любезный другъ и товарищъ! — вскри-

чалъ онъ. — Не нужно увѣрять тебя , что я радъ отличію , которое оказала мнѣ Академія. Но

повѣришь-ли ? Меня еще больше радуешь то, что мы поѣдемъ вмѣстѣ.

« Спасибо, Михайло ! А мнѣ съ тобой будетъ такъ легко и весело.

— Но скажи, ради Бога ! какъ это сдѣлалось?

Ты, правда , всегда былъ отличный ученикъ, только не въ тѣхъ предметахъ, которые требуются отъ назначенныхъ въ Германію. Какимъ чудомъ назначили тебя ?

«На все, братецъ, есть средства, есть *манера*, какъ взяться за что.

— Какая-же это манера, какія средства ?

«Ты взялъ грудью, по своему обычаю, *высидѣлъ* награду, какъ говорится у насъ въ училищѣ ; а для меня сыскались добрые люди, которыхъ отличіе постараюсь я оправдать.

— Какъ ?.. Я не понимаю этого.

« Это очень понятно. Мои родные знакомы съ Академиками ; они просили ихъ обратить вниманіе на мои успѣхи—то есть, если

успѣхи есть — и вотъ Академики назначили меня.

Ломоносовъ поморщился, когда понялъ это по своему.

— Зачѣмъ-же не просто хотѣлъ ты заслужить отличіе ?

« Какъ просто ?

— Трудомъ.

« Это хорошо, да не всегда вѣрно.

— А то вѣрно, да не хорошо.

« Что-же тутъ худаго ?

— То , что я не хотѣлъ-бы видѣть Виноградова , сгибающаго спину.

« Ломоносовъ ! ты обижаешь меня. Я не сгибался ни передъ кѣмъ, не былъ ни у кого въ передней ; за меня только сказали нѣсколько словъ. Повѣрь, мой другъ, безъ этихъ маленькихъ хитростей не лзя жить на свѣтѣ.

— Не лзя, такъ и не живи.

«Ну, вотъ, видишь-ли куда приводитъ твоя логика: *ad absurdum*.

Ломоносовъ могъ-бы доказать справедливость свою, въ которой былъ онъ убѣжденъ. Но онъ искренно любилъ Виногра-

дова за умъ и доброе сердце, и потому охотно остановился въ дальнѣйшихъ убѣжденіяхъ. Такъ любимъ мы всегда прощать маленькія слабости въ челоѡкѣ, близкомъ сердцу , извиняя поступки его необходимостью , неопытностью , невѣдѣніемъ.

Сборы къ отъѣзду нѣсколько времени занимали друзей. Имъ дали обширную инструкцію, въ которой было сказано , что Академія, отличая необыкновенныя способности и прилежаніе студентовъ Ломоносова и Виноградова, отправляетъ ихъ , для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ Математическихъ, въ

Физикѣ , Химіи и Металлургіи, къ славному въ ученомъ мірѣ Философу и Математику Христіану Вольфу ; что они отправляются на иждивеніи Академіи, на первый случай въ Марбургъ, мѣстопробываніе упомянутаго ученаго ; что послѣ *изряднаго* обученія у Христіана Вольфа, *имѣютъ они* ѣхать, по его совѣту , въ другія мѣста Германіи.

За этимъ слѣдовали наставленія нравственныя и экономическія : вести себя порядочно ; въ проѣздѣ черезъ Россію и чуже-

странныя Государства оказывать повиновение властямъ ; соблюдать уставы религіи и благонравія ; всемѣрно заботиться и пещись о наукѣ ; наконецъ, не издерживать болѣе назначенной имъ на расходы суммы, и такъ далѣе.

Въ торжественномъ засѣданіи Академіи вручили имъ инструкцію , деньги , письмо къ Христіану Вольфу , и въ заключеніе всего сказали еще маленькое увѣщаніе, о исполненіи обязанностей. Молодымъ ученымъ назначено было отправиться въ путь на другой день.

Ломоносовъ улучилъ минуту забѣжать къ Селлію. Старикъ обрадовался, что юный другъ

его ѣдетъ въ средоточіе просвѣщенія, что теперь отъ него самого зависитъ довершить

начатое такъ счастливо.

«А я увѣренъ, что какъ скоро зависитъ это отъ Ломоносова, онъ не обманетъ на

деждъ Академіи. Какъ знать, мой другъ, что, можетъ быть, тебѣ предназначено быть первымъ Русскимъ ученымъ ; можетъ быть ,

ты призванъ судьбою показать, къ чему способенъ въ наукахъ знаменитый Русскій народъ. »

Такое торжественное, лестное поощреніе изъ устъ опытнаго ученаго, было усладительно душѣ Ломоносова. Онъ съ жаромъ поцѣловаль его руку, благодариль за участіе къ судьбѣ своей, и почти со слезами на глазахъ вышелъ отъ Селлія.

Чѣмъ ближе становилась минута отъѣзда, тѣмъ болѣе тревожилась душа Ломоносова. Мысль, что онъ долженъ разстаться съ отечествомъ , въ первый разъ сдѣлалась для него чувствительна. Все родное заключалось у него въ словѣ : *Россія*, потому что онъ уже давно разлучился съ отцомъ, который одинъ составляль для него семейство. Онъ привыкъ жить одинокимъ, безроднымъ среди людей ; но еще у него оставалось отечество. Теперь, надобно было покинуть и его, покинуть родной воздухъ , родной языкъ, родную землю.

« О, есть многое , чего не цѣнимъ мы по достоинству, и что узнаемъ только тогда, когда лишаемся его ! » сказалъ онъ самъ себѣ , кидаюсь на постель вечеромъ , накануне отъѣзда.

Можно представить себѣ, спокойно-ли провель Ломоносовъ ночь. Онъ всталъ рано утромъ , и торопилъ Виноградова ѣхать.

Но Виноградовъ, окруженный своими родными , не могъ быть такъ бодръ какъ товарищъ его. Наконецъ и онъ кинулся въ повозку, провожаемый слезами и благословеніями. Ломоносовъ старался ободрить друга , описывалъ ему счастливую Германію, чудеса Европы, и собственное ихъ будущее , которое улыбалось очень привѣтливо.

— Вообрази прежде всего — сказалъ онъ — что мы наконецъ свободны въ _своихъ_ поступкахъ , можемъ дѣйствовать какъ граждане міра, а не какъ школьники.

« Поздравляю тебя ; но, я думаю, это потруднѣе нежели сидѣть спокойно за книгою. Не знаю почему, только я не радуюсь своей воль. Мнѣ почти жаль, что ѣду изъ Россіи.

— Жаль и мнѣ оставить ее, можетъ быть на

долго. Но за то, какъ весело будетъ воротиться намъ, обогащеннымъ новыми познаніями, опытностью, и можетъ быть какими нибудь заслугами !

« Дай Богъ, чтобы сбылись твои слова.

Подумавъ немного , Ломоносовъ сказалъ :

— Во всякомъ случаѣ , школьническая жизнь наша кончилась ; пора дѣйствовать на поприщѣ свѣта.

Глава IX.

Какое чувство тѣснилось въ груди Ломоносова , когда онъ оставилъ за собою границу Россіи ?... Радость, что онъ вступилъ въ Государства , славныя своею образованностью, тоска разлуки съ отечествомъ , и неизвѣстность будущаго, которое всегда грознѣе представляется намъ въ подобныхъ случаяхъ: вотъ что испытывалъ путешественникъ, пылкій во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Вѣроятно , не разъ подумалъ онъ и о томъ: съ какими чувствами встрѣчу я опять тебя, моя родина ? Какъ представишься тогда мнѣ ты, и каковъ буду я самъ, возвращаясь на твою священную землю ? Достойнаго-ли сына увидишь ты во мнѣ, или человѣка, утратившаго счастье, миръ души и средства быть полезнымъ отечеству?

Но задумчивость обоихъ путешественниковъ прошла, когда они въѣхали на равнины Саксоніи.

« Наконецъ мы въ Германіи, » сказалъ съ

нѣкоторою торжественностью Ломоносовъ своему сопушнику. » Посмотри какія богатя, обработанныя поля, какіе красивые перелѣски, какія тучныя пажити ! Послѣ песчаной Бранденбургіи они кажутся еще прелестнѣе. И что за миловидные домики ! что за хорошенькія личики выглядываютъ изъ этихъ домиковъ !

— Все это хорошо—отвѣчалъ Виноградовъ— но мнѣ , право, жаль , что мы уже проѣхали пески Бранденбургіи.

« Жаль ? не того-ли , что мы не будемъ тащиться на ряду съ обозными тѣлегами, по одной милѣ въ пять часовъ ?

-Ну, везуть-то и насъ не слишкомъ бойко: не какъ въ Россіи ! А жаль, что мы все дальше и дальше отъ родимой стороны.

« Что-жь дѣлать , Виноградовъ ! Надобно и тутъ пожертвованіе.

— Грустно !

« Нѣтъ, я не хочу грустить. Я хочу наслаждаться мыслью , что мы теперь среди обработаннаго народа. Не грустить, а учиться у него пріѣхали мы.

— Ужь вѣрно у этихъ мужиковъ научиться

нечему. Иное дѣло Нѣмецкіе Профессоры. ...

« Мнѣ нравятся и мужики здѣшніе. Какъ они опрятны , заняты своимъ дѣломъ , веселы !

— Все не то , что у насъ.

« Теперь намъ, еще рано судить объ этомъ : поживемъ у Нѣмцевъ, тогда увидимъ. На взглядъ у нихъ славно !

— Скучно.

« Да полно-же , Виноградовъ , тосковать ! Этакъ не лѣзя ничѣмъ быть довольнымъ. Углубляйся въ науки , а не въ тоску. И какъ не радоваться, глядя на эти веселыя мѣста !

— Мы не дѣти.

« Нѣтъ, я всегда останусь дитя, когда мнѣ весело. Философствуй какъ хочешь ; теперь я не товарищъ тебѣ.

И онъ вдыхалъ въ себя воздухъ Саксоніи , давалъ полную волю глазамъ, и точно радовался всѣмъ , что видѣлъ и чувствовалъ.

Понятно это чувство въ молодомъ, двадцати-шести лѣтнемъ человѣкѣ, воспитанномъ среди снѣговъ Сѣвера и долго прожившемъ въ стѣнахъ школы. Какъ вольная птичка, выпущенная изъ клѣтки, онъ радуется приро-

дой , И каждый предмет имѣеть для него несравненную цѣну, удвоиваемую свѣжестью чувствъ.

Но Ломоносовъ не долго могъ наслаждаться природою Германіи : онъ и товарищъ его скоро достигли мѣста своего назначенія, Марбурга.

Этотъ городъ не имѣлъ тогда славы, какою пользовался онъ нѣкогда. Послѣ Цвингли и Лю-

шера, которые совѣщались въ немъ объ истинахъ и догматахъ новой своей религіи , Марбургъ процвѣталъ много лѣтъ, и Университетъ его сдѣлался славенъ своими учеными и необыкновеннымъ стеченіемъ учащихся. Но разновѣріе , учрежденіе Протестантскаго Университета въ Гиссенъ, многія народныя бѣдствія, язва , Тридцати-лѣтняя война и другія слѣдовавшія за нею войны, скоро заставили мирныхъ Музъ удалиться изъ этого убѣжища. Только переселеніе Христіана Вольфа въ Марбургъ начало опять привлекать туда молодыхъ ученыхъ, и напомнило прежнюю славу Марбургскаго Университета.

Христіанъ **Вольфъ** не былъ тогда еще ни

Барономъ, ни богатѣйшимъ изъ ученыхъ людей, но уже обращалъ на себя вниманіе Европы. Во время профессорства своего въ Галле, онъ прославился Философическими лекціями. И дѣйствительно, **Философія** его дала новое движеніе умамъ. Онъ былъ пояснитель, исправитель системы Лейбница, и оказалъ великую услугу наукъ своею строгою, математическою методою изслѣдованій. Онъ привлекъ къ себѣ жаркихъ послѣдователей, не защитился отъ педантовъ, которые принимая методу его только вредили ей, и наконецъ былъ гонимъ за свою **Философію**. Однимъ изъ самыхъ отчаянныхъ враговъ его былъ со-
членъ по Универси-

шесу, Галльскій Профессоръ Ланге, энтузіастъ и піетистъ, который находилъ въ **Вольфовой Философіи** гибель для умовъ и даже для религіи. Онъ привлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, и соединенными силами они достигли того, что повелѣніемъ Короля Фридриха Вильгельма 1-го, **Вольфъ** былъ изгнанъ изъ Прусскихъ владѣній. Ему приказали подъ смертною казнію оставить Галле въ 24 часа. Оскорблен-

ный философъ удалился въ Марбургъ , гдѣ былъ принятъ съ отличіемъ и занялъ мѣсто при тамошнемъ Университетѣ. Между тѣмъ слава его распространялась болѣе и болѣе ; многіе Университеты предлагали ему самыя выгодныя мѣста ; но онъ отклонялъ всѣ предложенія, и уже не хотѣлъ возвратиться въ Галле, когда особо учрежденное собраніе ученыхъ въ Берлинѣ оправдало его отъ всѣхъ нарѣканій, и Король снова призывалъ его въ свои владѣнія.

Ломоносовъ зналъ славу своего будущаго учителя , и по приѣздѣ въ Марбургъ хотѣлъ какъ можно скорѣй явиться къ нему. Онъ съ товарищемъ своимъ занялъ маленькую квартиру, въ отдаленной части города, и на другой-же день пошли они къ Вольфу.

Все казалось Ломоносову преображеннымъ, когда наконецъ онъ былъ въ зданіяхъ Универ-

ситета, и робко постучался въ дверь знаменитаго ученаго.

Въ самомъ дѣлѣ, какое странное сближеніе событій ! Человѣкъ , рожденный по видимому провести -свою жизнь на берегахъ Бѣлаго

моря, съ неводомъ, вырывается изъ непостижимой глубины невѣжества, и трудомъ, ученіемъ пролагаетъ себѣ путь къ кабинету перваго изъ современныхъ ученыхъ и **философовъ**. Онъ былъ какъ будто представителемъ Сѣвера, требующаго просвѣщенія у Запада. Въ видѣ Ломоносова , Россія стучалась въ двери Вольфа, съ жаждою науки и знанія.

Слуга отворилъ дверь , и на вопросъ путешественниковъ , можно-ли видѣть Профессора , отвѣчалъ :

« Пожалуйте. »

Они вошли въ прекрасныя , хорошо убранныя комнаты. Имъ велѣли безъ доклада отворить дверь кабинета Вольфова. Нѣсколько секундъ Ломоносовъ сбиралъ силы сдѣлать это, и наконецъ отворилъ дверь.

Вольфъ сидѣлъ посреди кабинета , за большимъ столомъ , заваленнымъ книгами и бумагами. Онъ поднялъ утомленные работою глаза свои , и видя незнакомыхъ , всталъ.

Ломоносовъ подалъ ему письмо Академіи и прибавилъ по-Латински :

« Петербургская Академія , въ лицѣ вашего , свидѣтельствуемъ глубокое уваженіе свое

Христіану Вольфу. Она прислала сюда насъ, подателей этого письма , учиться истинамъ , которыми просвѣщаете вы людей.

Вольфу пріятно было это неожиданное привѣтствіе , и онъ отвѣчалъ съ самою радужною улыбкою :

« Благодарю васъ , благодарю Петербургскую Академію за вниманіе къ трудамъ моимъ , конечно не важнымъ,- по крайней мѣрѣ усерднымъ. Прошу васъ, господа , садиться. Вы рѣдкіе гости у меня , и, кажется , даже я не имѣлъ удовольствія видѣть у себя Рускихъ.

— Нашъ Императоръ , Петръ Великій , былъ первый Рускій , который пріѣзжалъ на западъ Европы учишься просвѣщенію. Мы идемъ только по направленію, какое далъ онъ своему народу.

« Да, Петръ былъ не только Великій, но и величайшій изъ Государей. Жалѣю, что я не могъ пріѣхать , по приглашенію его , въ вашу Академію. Мы не поняли другъ друга; сверхъ того, и Академія тогда еще не была, открыта. Впрочемъ , другъ мой Бильфингеръ тамъ, и я спокоенъ объ участи **Философіи** въ Россіи.

— **Академикъ Бильфингеръ** всегда назы-

ваетъ себя ученикомъ вашимъ , и по его-то особенному желанію отправлены мы къ вамъ.

« Онъ раздѣляетъ моя философическія идеи , это правда , но такой ученикъ можетъ быть достойнѣе своего учителя. Лейбницъ : вотъ общій нать путеводитель. Не называю его своимъ учителемъ , потому что не вполнѣ раздѣляю идеи его.. . . Но, позвольте мнѣ прочесть письмо. »

Вольфъ распечаталъ письмо Академіи, началъ читать его, и далъ время посѣтителямъ обглядѣть все , окружавшее ихъ. Съ какою жадностію смотрѣлъ Ломоносовъ на все это : каждая книга на столѣ Вольфа казалась ему чѣмъ-то избраннымъ, достойнымъ вниманія мудреца; каждый исписанный листъ представлялъ онъ себѣ символомъ богатыхъ мыслей, и, можетъ быть, какой нибудь счетъ хлѣбника воображалъ глубокимъ математическимъ исчисленіемъ. Кабинетъ Вольфа , впрочемъ , не представлялъ никакихъ ученыхъ принадлежностей, кромѣ книгъ, и больше отличался богатствомъ вещей обыкновенныхъ.

Прочитавъ письмо , **Вольфъ** сказалъ :

« Академія Петербургская поручаетъ васъ , молодые люди, моему руководству. Съ радостью принимаю на себя эту обязанность и почту за особенную честь содѣйствовать благородному ея намѣренію. Вы имѣли такихъ отличныхъ наставниковъ , послѣ которыхъ мнѣ остается не много труда. Мысль Петра, освѣщенная глубокомысленнымъ Лейбницемъ , долж- . на принеши обильные плоды. Сколько лѣтъ учились вы въ Академической Гимназіи ?

— Два года — отвѣчалъ Ломоносовъ. ,

« Послѣ приговорительнаго ученія , это достаточно. Теперь, какъ я вижу изъ письма, васъ предназначаютъ къ особенному изученію **Философіи** , Химіи и Металлургіи. »

Онъ всталъ, началъ ходить по комнатѣ , и какъ-бы размышлялъ вслухъ :

« Два, три года надобно посвятить ученію въ Университетѣ ; для Химіи и Металлургіи необходимо сдѣлать нѣсколько путешествій, побывать въ рудникахъ, практически заниматься тамъ, и наконецъ сдѣлать репетицію всѣхъ пріобрѣтенныхъ познаній. Дай Богъ,

чтобы все это исполнилось !... Какую часть **Философіи** преподавалъ вамъ Бильфингеръ ?
» сказалъ онъ, обращаясь къ молодымъ людямъ.

— Послѣ общаго введенія — отвѣчалъ Ломоносовъ — онъ изъяснялъ Картезіеву и Лейбницеvu системы, опровергалъ ученіе о монадахъ и предуставленной гармоніи ; наконецъ обратился къ вашей системѣ.

« Слѣдственно занимался новѣйшею Философіею. Не говорилъ-ли онъ чего либо о моихъ противникахъ ?

— Онъ упоминалъ о нихъ, прибавляя что они не стоятъ опроверженія.

« Напрасно. Въ **Философіи** терпимость дороже нежели во всѣхъ другихъ наукахъ. Умъ человѣческой способенъ заблуждаться; но каждое заблужденіе есть опытъ, которымъ должно воспользоваться. Противники мои смѣшиваютъ **Философію** съ Религіею, и называютъ ученіе мое безбожнымъ. Но истина не боится ни какихъ нарѣканій. Время оправдаетъ меня.

— Оно уже и оправдало васъ, ученый мужъ! — сказалъ съ жаромъ Ломоносовъ. —

Вѣнценосцы удостоиваютъ васъ своею довѣренностью.

« А ученые гонятъ меня со свѣта 1 Да, я много претерпѣлъ за **Философію**, и примѣръ мой послужить новымъ урокомъ для будущихъ **философовъ**. Никогда и ни что не претерпѣвало такихъ гоненій, какъ **Философія**. Сократъ выпилъ за нее цикуту; Джіордано Бруно, этотъ добрый мечтатель, былъ сожженъ на кострѣ; Картезіій бѣжалъ изъ своего отечества. За что? за нѣсколько идей, которыя не нравились другимъ людямъ.

— Общее уваженіе было всегда наградой великихъ трудовъ.

« Но въ самомъ трудѣ, въ самомъ подвигѣ лучшая награда его. Не себялюбіе говоритъ это: нѣтъ, я вполнѣ чувствую, на примѣръ, лестное отличіе, которое сдѣлала мнѣ Петербургская Академія, пославши сюда васъ, молодые люди. Но никакая награда, никакое отличіе не могли быть цѣлю моей жизни. Вступая на трудное поприще учености, и особенно **Философіи**, вы должны знать, что васъ ожидаетъ, прежде всего, борьба съ самими

собою и съ жизнію. Чувствуете-ли вы доволь-
но мужества для такой борьбы ?

— Да ! — отвѣчали въ одинъ голосъ моло-
дые люди.

« Это необходимо. Если какія нибудь
постороннія причины увлекаютъ человѣка
на ученое поприще, онъ лучше сдѣлаетъ, ес-
ли обратится къ чему нибудь другому. Только
душевная твердость и страсть къ самой наукѣ
подкрѣпляютъ ученаго. Болѣе нѣтъ для него
никакихъ обольщеній.

Ломоносовъ думалъ слышать въ этихъ
словахъ свою собственную исторію. Онъ не
смѣлъ проронить ни одного слова изъ
сужденій Вольфа.

— Впрочемъ, не пугайтесь строгихъ
предвѣщаній моихъ. Я хочу только, чтобы вы
съ самага начали знали, къ какому велико-
му труду предназначило васъ отечество.
Увѣренъ также, что Академія избрала достой-
ныхъ изъ учениковъ своихъ. Небольшой раз-
говоръ нашъ дока-

зываетъ , что я разсуждаю съ вами какъ
старый вашъ другъ. Прошу и мнѣ платить та-
кою-же искренностью.

Молодые путешественники не знали какъ благодарить Вольфа за его привѣтливость. Они сказали нѣсколько вѣжливыхъ фразъ, и спросили , когда позволить онъ имъ посѣщать Университетъ.

— Чѣмъ скорѣе , тѣмъ лучше. Завтра , если можно , приходите въ мою аудиторію. Послѣ лекціи я представлю васъ другимъ Профессорамъ.

Такъ окончился этотъ разговоръ , достопамятный для Ломоносова Онъ былъ совершенно очарованъ **Вольфомъ** , хотя еще не услышалъ отъ него ничего необыкновеннаго. Но уже одна мысль , что онъ бесѣдовалъ съ такимъ знаменитымъ мужемъ , приводила его въ восторгъ.

— Ну ? что скажешь ты о **Вольфѣ** ? — спрашивалъ онъ у Виноградова, и сердился что тотъ не раздѣлялъ сильныхъ его впечатлѣній. Виноградовъ хотѣлъ сначала *осмотреться,*
по

думать , *посудить.* Обыкновенныя изрѣченія мудрости для домашняго обихода !

На лекціи Вольфа нашли они многочисленное собраніе слушателей. Тутъ были моло-

дые люди изъ всѣхъ странъ Германіи, изъ Нидерландовъ, даже изъ Англій и Франціи. Съ благоговѣйнымъ

вниманіемъ слушали они своего Профессора ; самые опытные требовали у него иногда поясненій , доказательствъ , и онъ съ удивительнымъ присутствіемъ ума удовлетворялъ каждаго. Ломоносовъ почелъ себя перенесеннымъ въ Академію Платона, или, еще больше, въ какой-то очарованный міръ. Онъ съ невыразимымъ счастіемъ слушалъ слова Профессора и глядѣлъ на все окружающее его. Это собраніе цвѣтущихъ юношей , пришедшихъ изъ разныхъ странъ учиться мудрости, казалось ему такимъ величественнымъ зрѣлищемъ, которое находилъ онъ выше всего , что когда нибудь видѣлъ и воображалъ.

Вольфъ не забылъ своего слова. Послѣ лекціи, онъ отыскалъ пріѣзжихъ изъ Россіи, повелъ ихъ въ Университетскіе Кабинеты , представилъ многимъ изъ своихъ товарищей-Профессоровъ, и просилъ почитать Ломоносова и Виноградова людьми, особенно ему порученными. Рекомендація такого значительнаго челоуѣка открыла имъ входъ

всюду. Они стали свободно посѣщать Университетъ , Профессоровъ, и скоро сблизились съ многими изъ своихъ соучениковъ.

Ломоносовъ увидѣлъ необходимость выучиться Нѣмецкому языку. Латинскій былъ достаточенъ для слушанія лекцій и даже для разговоровъ съ Профессорами и соучениками. Но и

аши не всѣ говорили свободно на языкѣ Римлянъ; да, сверхъ того, при одномъ Латинскомъ, часто надобно было оставаться нѣмымъ съ туземцами ; а это скучно и неудобно.

Съ обыкновенною силою рѣшимости своей, Ломоносовъ началъ учиться Нѣмецкому языку, изъ книгъ и изъ обращенія. Знакомые студенты изъясняли ему Грамматику, исправляли произношеніе его, и говорили съ нимъ, часто для того только , чтобы говорить. Виноградовъ участвовалъ въ этомъ ученѣ, можетъ быть не съ такимъ усердіемъ какъ товарищъ его , однакъ съ успѣхомъ. Прошло три, четыре мѣсяца и Ломоносовъ уже довольно свободно говорилъ по-Нѣмецки. Это еще больше прида-

ла ему охоты ; онъ сталъ чаще видаться съ своими соучениками , иногда проводилъ съ ними цѣлые дни, и незамѣтно привыкалъ къ Нѣмецкой жизни.

Славная была эта жизнь ! мирная , опрятная, безъ затѣйливыхъ страстей , и со всѣми прикрасами спокойствія и тишины. Ломоносовъ отдыхалъ отъ умственныхъ трудовъ своихъ въ кругу добрыхъ горожанъ , судилъ съ ними о хозяйствѣ, рассказывалъ имъ чудеса о своемъ отечествѣ , и часто удивлялъ своими рассказами. Его полюбили старики и старушки за веселый характеръ, за острый умъ , которымъ оживлялъ онъ ихъ разговоры, а нсего больше

за желаніе узнать ихъ нравы и примѣниться къ нимъ. Но если Ломоносова полюбили степенные люди, то еще больше привязались къ нему люди молодые, у которыхъ такъ-же кипѣла кровь какъ и у новаго товарища ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Нѣмцѣ надобно различать двухъ человѣкъ: молодаго и стараго. Первый, почти всегда, проводитъ свои годы въ самомъ живомъ весельѣ, поддается пылкимъ страстямъ , и не знаетъ грани-

ць юношеской дѣятельности своей. Онъ влюбляется, сумасбродствуетъ отъ любви, и для одного слова добраго товарища готовъ стрѣляться, идти въ огонь и въ воду. Дружба, любовь, наслажденія — вотъ для чего живетъ молодой Нѣмецъ. Но проходятъ годы юности, настаетъ возрастъ мужества, степенства, и лобъ огненнаго Нѣмца покрывается морщинами, взглядъ, поступь его принимаютъ какую-то важность, и черезъ десять лѣтъ вы не узнаете прежняго челоука. Онъ безстрастенъ : онъ хладнокровно глядитъ на свѣтъ, на летящія мимо его событія, и думаетъ только о мирномъ уголкѣ своемъ, не думая болѣе о страстяхъ. Изъ Донъ-Кихота молодости, онъ дѣлается Санчо-Пансою пожилыхъ лѣтъ. Бываетъ то-же во всѣхъ народахъ; но ни у одного, кромѣ Нѣмцевъ, нѣтъ такого единообразія въ переходахъ жизни, такой рѣзкой перемѣны въ направленіи ума. Нѣмецъ бѣсится

до двадцати пяти лѣтъ, и благоразумно проводитъ, всю остальную жизнь. Исключеній мало, да и въ тѣхъ всегда есть слѣдъ общаго направленія.

Однажды, двое добрыхъ пріятелей студентовъ пригласили Ломоносова къ себѣ на вечеръ. Онъ еще никогда не бываль на студенческихъ пирушкахъ и охотно пришелъ къ нимъ , вмѣстѣ съ Виноградовымъ.

Время было подъ осень, однакожь солнце еще хорошо согрѣвало благодатную землю Германіи, и даже вечера уподоблялись лѣтнимъ.

«Гдѣ Шпрингнадель и Клугеманнъ?» спросилъ Ломоносовъ у хозяйки, пришедши на квартиру своихъ пріятелей.

—Въ саду—отвѣчала старушка.

Рускіе пошли въ садъ, и увидѣли тамъ, на небольшомъ клочкѣ земли, усаженномъ деревьями , облѣпленномъ зеленью и усѣянномъ цвѣтами , множество молодыхъ людей, почти все пріятелей своихъ или знакомыхъ.

«А, Ломоносовъ, Виноградовъ!» закричало нѣсколько голосовъ.

— Добро пожаловать ! Васъ только и не доставало— сказали хозяйева.

Ломоносовъ очутился среди самаго веселаго общества. Человѣкъ двадцать сидѣло во-

кругъ зеленаго крашенаго стола, уставленнаго бу-

тылками , стаканами , фруктами, буттер-бродомъ. Всѣ гости уже скинули кафтаны, не смотря на приближающійся вечеръ ; нѣкоторые изъ нихъ курили трубки, другіе наливали виномъ и опорожнивали стаканы; третьи сидѣли въ задумчивости, сложивъ руки; наконецъ иные мурлыкали про себя народныя пѣсни. Въ разговоръ не было ничего общаго, связнаго ; всякой предлагалъ вопросы не думая объ отвѣтахъ, смѣялся, шутилъ и высказывалъ всѣ задушевныя мысли.

—Ну-ка, Русскіе братья, чару за братство!— вскричалъ Шпрингнадель и нацѣнилъ огромные стаканы.

Ломоносовъ не зналъ въ Россіи что значило вино ; въ Германіи онъ уже попривыкъ пить его за обѣдомъ , и даже любилъ это ; но скудные доходы его не позволяли ему ни малѣйшей роскоши. И вдругъ увидѣлъ онъ себя теперь въ обязанности осушить огромный стаканъ , потому что выпить за братство былъ обязанъ каждый. Чокнулись, выпили.

« Теперь за пріѣзжихъ изъ Россіи !» сказа-

ль кто-то изъ собесѣдниковъ. Снова засверкало вино, зашумѣли добрыя желанія, и стаканы были осушены.

— Пора вспомнить и **Философію** — сказалъ Клутеманнъ. — Мы еще ничего не пожелали великому нашему учителю, Христіану Вольфу.

«За Христіана Вольфа !» закричало нѣсколько голосовъ.

—Самыхъ искреннихъ желаній ему счастья!— прибавилъ Шпрингнадель. Онъ взялъ лучшаго вина, какое было на столѣ, разлилъ его всѣмъ въ стаканы, и сказалъ:

—Здоровье его Надобно пить стоя, господа!
Всѣ вскочили ; курившіе бросили свои трубки; благоговѣйно произнесены были слова:

— Здоровье учителя нашего Христіана **Вольфа !**

« Да здравствуетъ !» закричали всѣ, осушивъ стаканы.

Послѣ этого завязался разговоръ , живѣе и шумнѣе прежняго. Быстро перемѣнялись предметы: **Философія** шла за веселымъ анек-

дотомъ, Богословскій вопросъ слѣдовалъ за воспоминаніемъ о старинѣ ; пѣсня гремѣла въ промежуткахъ.

Ломоносовъ, хотя пришелъ позже другихъ, уже чувствовалъ, что голова у него начинаетъ кружиться. Когда снова предложенъ былъ тостъ, за жизнь и за смерть въ дружбѣ, онъ замѣтилъ своимъ товарищамъ, что они забываютъ мудрое правило : *ничего съ излишкомъ*

— *In vino veritas!*—отвѣчалъ Шпрингнадель. — Мы будемъ искреннѣе говорить , вотъ вся бѣда.

«Конечно, если только въ силахъ будемъ говорить чтонибудь.

—Какой вздоръ ! вскричалъ хозяинъ,—Развѣ

ты ребенокъ ? И зачѣмъ-же пришелъ ты, если не хочешь дѣлать съ нами веселья ?

Надобно было согласиться.

Между тѣмъ Ломоносовъ уже худо понималъ , что съ нимъ дѣлается. Веселье пылало

въ головѣ, его ; онъ пѣлъ со своими товарищами Нѣмецкія пѣсни, шумѣлъ и веселился

ся не хуже другихъ ; но все это начинало принимать какой-то дикій видъ. Напрасно Виноградовъ, лучше сохранившій себя , нѣсколько разъ говорилъ ему на ухо, что пора имъ воротиться домой; Ломоносовъ не хотѣлъ слушать его, и наконецъ, когда еще разъ услышалъ совѣтъ своего товарища, закричалъ во все горло по-Русски :

«Убирайся ты отъ меня, плакса !» И прибавилъ по-Нѣмецки: «Господа! избавьте меня отъ этого человѣка: онъ хочетъ вырвать меня отъ васъ.

Грозныя слова посыпались на Виноградова со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторые даже замахнулись трубками, и огорченный Виноградовъ принужденъ былъ умолкнуть. Выбравъ удобную минуту, онъ рѣшился уйти одинъ и воспользовался для этого темнотою ночи , оставивши Ломоносова полуусыпленного. ...

На другой день, солнце было уже высоко, а Ломоносовъ только что проснулся. Онъ не помнилъ, какъ окончилъ вчерашній день и гдѣ былъ теперь. Чувствуя жестокую боль въ головѣ , онъ всталъ , оглядѣлся , и увидѣлъ, что находится въ квартирѣ пріятелей, у кото-

рыхъ пироваль вчера. Онъ не могъ привести себѣ на память , какимъ образомъ возвратился въ комнату, какъ дошелъ до канапе, на которомъ проспалъ ночь, и куда дѣвались всѣ окружавшіе его. Непріятное , язвительное чувство стукнуло въ его душу, когда онъ сообразилъ все это.

«Забыться до такой степени ! уподобиться безсмысленному животному, или, нѣтъ, хуже : безумцу, человѣку, самовольно отказавшемуся отъ разсудка !» Въ это время онъ былъ готовъ обвинять себя какъ преступника.

Въ другой комнатѣ закашлялъ кто-то , и вскорѣ показался оттуда Шпрингнадель.

Съ негодованіемъ глядѣлъ на него Ломоносовъ, но тотъ , не замѣчая этого , дошелъ до канапе, бухнулъ на него, и зѣвая сказалъ :

«Заспались, братъ, мы!... Ну, куда ты, Михайло?

Отвѣта не было.

Шпрингнадель взглянулъ на Ломоносова, и замѣтивши въ лицѣ его негодованіе, спросилъ:

« Да что ты хмуришься ? Голова болитъ ? пройдетъ !

— Но не пройдет Досада моя на васъ, развратниковъ!— вскричалъ Ломоносовъ.— Вы заставили меня безумствовать и забыть все!

Шпрингнадель уставилъ на него глаза и потомъ расхохотался.

«Да ты еще спишь, Михайло ! ты еще и теперь не понимаешь себя!

— Нѣтъ , я понимаю , что вчера уподобился вамъ. Но впередъ не будетъ этого: я буду бѣгать отъ васъ, какъ отъ язвы.

«Да что ты это, братецъ! съ чего вздумалъ бранить насъ? что сдѣлали мы такого ужаснаго?

— Вы буйствовали, пили, и забыли все. .

«Такъ что-же ? Для того-то и пьютъ; что бы забыть житейскія горести.

— Нѣтъ , онѣ еще сильнѣе грызутъ теперь мое сердце. Вы успѣли забыть только разсудокъ.

« А на что тебѣ этотъ воркунъ разсудокъ, когда ты хочешь повеселиться ? Вотъ онѣ опять съ тобой : люби да жалуй , наслаждайся имъ вдоволь.

— Напротивъ, я теперь не могу думать ни

о чемъ, кромѣ своего проступка.

«Пройдетъ, братецъ, только займись дѣломъ. — Но куда я гожусь съ этою головою болью,

съ лихорадкой во всемъ тѣлѣ ?

« Ну , давно-бы сказалъ ! Значить: надо винить еще. Пстой, у меня осталась еще бутылка славнаго вина.

Ломоносовъ схватилъ . свою шляпу и, хотѣлъ бѣжать вонъ. Шпрингнадель успѣлъ поймать его за руку и сказалъ :

— Михайло ! я жалѣю , что заставилъ тебя сердиться. Но, повѣрь, ты самъ увидишь какъ это несправедливо. Ни я , ни ты , ни кто не виновать ни въ чемъ. Выпей стаканъ вина и головная боль твоя пройдетъ. Повѣрь-же мнѣ хоть въ этомъ.

—Но я не могу теперь думать о винѣ. Пусти меня, Шпрингнадель.

«Нѣтъ, ты долженъ выпить со мной.

Видъ безобразнаго Шпрингнаделя еще больше отвращалъ Ломоносова отъ мысли о новомъ пьянствѣ. Онъ вырвался отъ него и ушелъ.

Возвращаясь домой, онъ еще вспомнилъ,

что вчера обидѣлъ Виноградова, и это растерзало его новымъ мученіемъ. Онъ не нашель Виноградова дома : тотъ былъ на лекціи. Ломоносовъ бросился на стуль и въ самомъ грустномъ расположеніи рѣшилъ дожидаться его.

«Такъ вотъ зачѣмъ пріѣхаль я въ ученую Германію ! » подумаль онъ. «Вотъ какъ идутъ мои часы, опредѣленные на ученье ! Вотъ какъ я оправдываю довѣренность Академіи! Нѣтъ , я

недостоинъ благодѣяній моего отечества , которое вывело меня, рожденнаго быть мужикомъ, въ самый благородный санъ , въ разрядъ людей просвѣщенныхъ. Но сдѣланный одинъ разъ проступокъ надобно поправить. Помирюсь съ Виноградовымъ, выпрошу у него прощенія, и строгимъ наблюденіемъ за самимъ собой постараюсь уничтожить минутную забывчивость.»

Такъ внутренно упрекаль себя Ломоносовъ за этотъ первый шагъ къ нравственному паденію. Онъ былъ крѣпокъ въ правилахъ самой строгой душевной чистоты, и потому-то ему было тяжело увидѣть первое пятно на

своей чистой, свѣтлой душѣ.

« Другъ Виноградовъ ! прости меня ! »
вскричалъ онъ , увидѣвши своего товарища.
« Я обидѣлъ тебя ! Но еще больше виноватъ я
передъ неумолимымъ разсудкомъ , который
потерялъ на вчерашнемъ буйномъ вечерѣ . »

Виноградовъ обнялъ его и съ чувствомъ
сказалъ ; .

« Любезный Михайло ! забудемъ этотъ
проклятый вечеръ ! Ты самъ видишь , какъ
неприлично вель ты себя ; этого довольно .

— Но ты прощаешь меня ?

« Отъ всего Сердца ; во мнѣ и не въ чемъ
прощать тебя . Ты правду сказалъ , что больше
виноватъ передъ самимъ собой .

— Да , да ! Вотъ и сегодняшняя лекція пропа-
ла для меня : это слѣдствіе вчерашняго безум-
ства . Что читалъ сегодня **Вольфъ** ?

« Онъ нездоровъ и потому не билъ на
каедрѣ .

— Нездоровъ ? А гдѣ-же былъ ты ?

« Ты знаешь , что мы давно хотѣли
перемѣнить эту квартиру : она далеко отъ
Университета , да и помѣщеніе въ ней неудоб-
но . Я рѣшился употребить утро на осмотръ

нѣсколькихъ квартирѣ, я нашель одну, кажется, преудобную.

—Гдѣ?

«Очень близко отъ Университета. Двѣ комнаты, чистыя, свѣтлыя, столъ вмѣстѣ съ хозяевами, и цѣна почти та-же что здѣсь.

—Прекрасно! У кого это?

«Хозяинъ какой-то портной. Добрѣйшій видъ его порука за его добрыя качества. Это также дѣло не маловажное: имѣть добраго хозяина.

—Правда, правда. Такъ ты и рѣшился?

«Нѣтъ. Пойдемъ, осмотримъ эту квартиру еще съ тобой вмѣстѣ.

—Пожалуй.

Они отправились. Ломоносовъ радовался, что товарищъ такъ великодушно забылъ вчерашнюю обиду, но это было ему едва-ли не тяжеле самыхъ горькихъ упрековъ. Человѣкъ, упрекаю-

щій за нанесенное ему оскорбленіе, Какъ будто уже получаетъ возмездіе. Мы почитаемъ себя не въ долгу передъ нимъ; онъ сказалъ все, онъ удовлетворенъ.: Не это-ли чувство служить и основаніемъ варварскаго

обычая вознаграждать обиду кровью ? Тамъ также вознагражденіе , расплата , и главное не кровь противника , а нравственное униженіе его.. Но если міръ требуетъ вознагражденія за все, то и великодушіе беретъ свою отплату. Часто оно бываетъ тяжеле самой жестокой мести.

Полуробкій разговоръ друзей прервался вмѣстѣ съ приближеніемъ ихъ къ дому портнаго.

- Въ самомъ дѣлѣ это былъ домикъ прелестный: небольшой, и чрезвычайно опрятный , недавно построенный, свѣтлый, веселый. Вошедши въ него, Ломоносовъ какъ будто вошелъ въ міръ тихой радости. Еще больше утѣшилъ его хозяинъ , человекъ не молодой , но пріятный наружностью , веселый , разговорчивый. Черезъ нѣсколько минутъ они заключили съ нимъ договоръ, и дали задатокъ, съ тѣмъ чтобы перебраться въ нанятые, комнаты на другой-же день. Половину слѣдующаго дня отняли у нихъ заботы переселенія. Наконецъ, къ вечеру, они устроились въ новой квартирѣ, то есть, расклали по столамъ свои книги, тетради, назначили

мѣсто для каждой вещи, и любовались новы-
мъ своимъ помѣщеніемъ.

—Славно заживемъ мы здѣсь, Виноградо-
въ!— сказалъ, садясь гордо на канапе, Ломо-
носовъ.

«Дай Богъ; только ужъ вѣрно не отъ стѣнъ
можно быть веселымъ!» отвѣчалъ Виноградо-
въ.

—А почему не отъ стѣнъ? Мнѣ стало весе-
ло, когда я вошелъ въ этотъ домикъ ; весело и
теперь. Это значить , что онъ производитъ на
меня пріятное впечатлѣніе. Слѣдовательно,
шутъ виноваты стѣны, или лучше сказать до-
микъ.

«Это вѣрно логически , но не вѣрно фило-
софически. Внѣшніе предметы могутъ произ-
вести впечатлѣніе пріятное , но временное ,
преходящее. Въ три дни приглядишься къ
лучшимъ красотамъ природы, и къ самымъ
великолѣпнымъ комнатамъ; а ты говорилъ
объ удовольствіи продолжительномъ , гдѣ
надобно оставаться съ самимъ собой.
Слѣдовательно тутъ счастье должно быть не
внѣ насъ, а въ насъ.

—Старая пѣсня, Виноградовъ ! Надобно ча-

ще перемѣнятъ внѣшніе предметы : тогда они не теряютъ цѣны новости и свѣжести.

«То есть, надобно вѣтреничать!

— Никакъ. Что такое удовольствіе ? Удовлетворяемая дѣятельность челоуѣка; надобно давать ей пищу, и въ удовольствіяхъ такъ-же какъ въ трудѣ ; тогда съ нею можно сдѣлать много прекраснаго. Повѣрь мнѣ , Виноградовъ,

только тѣ , въ комъ есть эта дѣятельность духа, только тѣ производятъ великія дѣла. Ихъ часто называютъ вѣтрениками, но не справедливо. Вѣтреность относится къ мѣлочамъ, а мѣлочное во всякомъ случаѣ значитъ немного. Впрочемъ, и маленькая вѣтреность не бѣда.

—Но мы говорили объ удовольствіяхъ; а въ нихъ эта дѣятельность, что иное какъ не вѣтреность ?

« Но зачѣмъ-же и говорить о злоупотребленіяхъ? Можно самую добродѣтель сдѣлать орудіемъ зла. Такъ и дѣятельность духа , обратившись къ чему нибудь ничтожному, увлекаетъ въ дурачества , даже въ пороки ; но на пути добра произво-

дять она благодѣтельныя послѣдствія, и вообще не бываетъ прямо вредною ни въ чемъ.

—Трудно согласиться съ тобой. По крайней мѣрѣ я держусь пословицы ; кто гонится за двумя зайцами, тотъ не поймаетъ ни одного.

«Эти несносныя пословицы точно щиты для всякаго вздора ! Къ чему тутъ ввернуть ты пословицу, которая не имѣетъ смысла? Можно-ли гнаться за двумя зайцами , когда они бѣгутъ въ разныя стороны ? А если они бѣгутъ вмѣстѣ , то какъ-же не гнаться за обоими ? остановиться и дать имъ уйдти? Сидя на мѣстѣ не догонишь никого. Вѣрно, твою посло-

вицу выдумалъ какой нибудь сидѣнь, который любилъ умничать не сходя съ мѣста.

Такъ почти всегда оканчивались споры Ломоносова съ Виноградовымъ. Они любили другъ друга , но были такъ различны характеромъ, что часто одинъ не понималъ другаго.

Глава X.

Портной, хозяинъ дома, въ которомъ жили Ломоносовъ и Виноградовъ, былъ не обыкновенный ремесленникъ, какихъ встрѣчаемъ нынѣ на каждой улицѣ, въ каждомъ -большомъ городѣ. Это былъ любящій свое занятіе человекъ, не геній, но мастеръ своего дѣла. Совершенною честностью, прилежаніемъ, *аккуратностью* заслужилъ онъ уваженіе и довѣренность согражданъ, и лѣтъ въ тридцать труда составилъ себѣ маленькое состояніе. Довольство было видно въ его домѣ, порядокъ господствовалъ во всѣхъ его занятіяхъ, и совершенное спокойствіе выражалось на лицѣ его. Онъ любилъ поговорить съ пріятелями въ праздничные дни, въ часы отдыха, но въ другое время почиталъ это невозможнымъ. «Какъ-же оставить свое дѣло?» говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ. И дѣлалось или нѣтъ дѣло, а онъ всегда былъ имъ занятъ, то есть всегда молчалъ и съ заботливымъ видомъ кроилъ, мѣрялъ,

СМОТРѢЛЬ

за работниками или вписывалъ въ книгу свои обороты. Нѣкоторымъ исключеніемъ изъ молчаливости его было время обѣда : тутъ онъ позволялъ себѣ сказать нѣсколько словъ о постороннихъ предметахъ, или даже разговориться, на примѣръ о хозяйствѣ, о погодѣ, о важныхъ происшествіяхъ, какими считаются во всѣхъ провинціальныхъ городахъ свадьбы, похороны и родины. Праздничные дни посвящались пріятелямъ, и съ ними разговорамъ о политикѣ. Тутъ было чего послушать !

Необыкновеннымъ происшествіемъ въ домѣ его было переселеніе жильцовъ. Нѣмецъ и тутъ сохранилъ свой характеръ. Строя себѣ домикъ, онъ разсчиталъ, что можно выгадать въ немъ двѣ комнаты и отдавать ихъ въ паемъ. Онъ напередъ предписалъ себѣ условія, на которыхъ будетъ пускать въ свой домъ жильцовъ, и придумалъ все такъ, что они не могли ни сколько измѣнить порядка, заведеннаго имъ. Когда молодые наемщики объявили ему, что они

желають имѣть столъ вмѣстѣ съ нимъ, онъ согласился на это , потому что уже напередъ разсчиталъ, сколько будетъ ему прибыли отъ стола, и только включилъ условіе , что обѣдъ будетъ подаваться ровно въ часъ , ни раньше, ни позже. Они согласились на это, потому что именно второй часъ по полудни оставался у нихъ свободнымъ отъ лекцій.

Какъ было сказано, такъ и сдѣлалось. На другой день по переселеніи Ломоносова и Виноградова къ портному , ровно въ часъ явился къ нимъ мальчикъ, съ извѣстіемъ, что кушанье подано. Они тотчасъ пошли къ столу.

Старикъ портной встрѣтилъ ихъ съ ласковымъ, улыбающимся видомъ и сказалъ :

— Рекомендую вамъ молодую хозяйку , дочь мою !

Друзья вѣжливо раскланялись съ дѣвицею, которая краснѣла и присѣдала передъ ними. Ни что не поразило ихъ въ ней : она не была красавица, хотя личико ея отличалось необыкновенною миловидностью.. Простой нарядъ былъ ей къ лицу, но не изумлялъ при первомъ взглядѣ. Въ обращеніи ея, особливо

съ чужеземцами, которыхъ видѣла она въ первый разъ, не могло быть ничего кромѣ принужденности. Старикъ радѣлъ завести разговоръ, оправдывалъ дочь въ неловкости, когда она всплеснула супъ разливая его, и чуть не облила имъ Ломоносова ; но всей Нѣмецкой ловкости его не достало для того, чтобы сдѣлать бесѣду занимательною. Съ грустью сказалъ онъ наконецъ:

— Вотъ то-то ! По неволѣ вспомнишь покойную мою старуху. Безъ нея все что-то не ладится ! Христина моя хорошая хозяйка, да еще ребенокъ. Извините, господа!

«А супруга ваша давно скончалась?» спросилъ съ участіемъ Виноградовъ , желая говорить о чемъ нибудь.

— Три года !

Слезы навернулись на глазахъ Христины, и крупнымъ жемчугомъ прокатились по розовымъ ея щекамъ. Виноградовъ замѣтилъ неосторожность своего вопроса и хотѣлъ поправить его другимъ :

«Вы конечно были счастливы ?

— Очень счастливы , такъ счастливы , что я не захотѣлъ-бы жить на свѣтѣ послѣ этого,

если-бы Христина еще не привязывала меня къ жизни.

Добрый старикъ задумался , а дочь его закрыла глаза платкомъ. Вскорѣ обѣдъ кончился, и Ломоносовъ, который во все продолженіе его не сказалъ почти ничего , предоставляя этотъ трудъ Виноградову, поспѣшилъ въ свою комнату.

Тамъ онъ началъ ходить большими шагами, и не слыхалъ , что Виноградовъ уже нѣсколько разъ говорилъ ему : « Пора на лекцію ! » Наконецъ онъ понялъ эти слова , и сказалъ : « Пойдемъ. »

Можетъ быть еще въ первый разъ Ломоносовъ не внимательно слушалъ лекцію своего любимаго Профессора Вольфа , и даже стараясь быть внимательнымъ не понималъ почти ничего.

Онъ самъ не могъ дать себѣ отчета , какимъ образомъ Христина, со своимъ розовымъ личикомъ, и съ полными слезъ глазами., и съ какимъ-то умоляющимъ видомъ , являлась въ мысляхъ его безпрестанно, о чемъ-бы ни началъ онъ думать. Въ немъ было теперь одно, непреодолимое желаніе : видѣть ее, и онъ

радовался воображая, что может видѣть ее каждый день. Вечеромъ общаго ужина не было, и потому въ этотъ день онъ не надѣялся взглянуть на свою милую хозяйку. Это страхъ какъ печалило его. Богъ знаетъ что отдалъ-бы онъ за то только , чтобы взглянуть на нее. Онъ думалъ, что эта дѣвушка обратила на себя вниманіе его тѣмъ необыкновеннымъ видомъ, въ какомъ представилась ему: краснѣющая, со слезами на глазахъ.

«Я не знаю ея, не слыхалъ ея голоса , слѣдовательно это одна жалость къ ней, не больше. И какое-же иное участіе могу я принимать въ ней? Неужели это любовь, чувство, которое воспѣвали всѣ поэты , начиная отъ Омира до нашего Тредьяковскаго ? Смѣшно подумать! Да и можно-ли такъ скоро влюбиться? Я-же ничего не чувствовалъ глядя на нее. Говорятъ, что любовь разливается пламенемъ въ жилахъ, что она поражаетъ человѣка молніей, а я былъ очень спокоенъ; мнѣ только было странно обѣдать съ незнакомою дѣвушкою и потомъ стало

жалъ ея. Она такая хорошенькая! Впрочемъ не знаю: я почти не видалъ ея... Нѣтъ, она

хороша! Особенно была она хороша когда заплакала! . . . Этотъ несносный Виноградовъ! Съ чего вздумалось ему говорить объ умершей машерѣ при такой чувствительной дочери! Надобно увидѣть ее веселую, а то она все представляется мнѣ плачущею. Надобно увидѣть ее, и ужь не говорить при ней объ умершихъ. » Таковъ былъ хаосъ различныхъ мыслей въ головѣ Ломоносова. Онъ не зналъ до сихъ поръ любви, не думалъ никогда, что явится она въ свою очередь передъ нимъ, не въ вычурныхъ рассказахъ Овидія, а въ живомъ образѣ милаго существа, и никакъ не догадывался, что не только Овидій, но и баснословный Протей не мѣгли-бы изобресть, одинъ своимъ воображеніемъ, другой волшебствомъ, тѣхъ разнообразныхъ превращеній, въ какихъ любовь является передъ человѣкомъ и покоряетъ себѣ его. Жалость къ хорошенькой дѣвушкѣ! Онъ не подозрѣвалъ, что это самое опасное превращеніе любви, а болтунъ Овидій не сказалъ ему о томъ ни слова. Можетъ быть, при Октавіи Августѣ любовь еще не принимала на себя плѣнительнаго вида плачущей дѣвушки: то-

гда любили женщинъ, блистающихъ роскошью и величіемъ красоты ; въ наше время , напротивъ , любятъ ихъ подъ покрываломъ смиренія, можетъ быть больше

нежели подъ прозрачною тканью танцующей Вакханки. Въ нашъ вѣкъ, столь грозный своими бѣдствіями, лучше понимаютъ величіе в красоту смиренія. И чего не сдѣлаетъ юноша этого вѣка, рано чувствующій силу окружающихъ его бѣдствій, чего не сдѣлаетъ онъ при видѣ плачущей красоты? Слезы милой женщины скорѣе пойметъ его сердце, нежели сердце закаленаго войною Римлянина, который почиталъ женщинъ прелестными игрушками , актрисами, танцовщицами, не подозрѣвая, что онъ также имѣютъ душу и сердце.

Безпокойно провелъ ночь Ломоносовъ , и на другой день утромъ, слушая лекцію думалъ только о томъ, что онъ скоро увидитъ Христину.

Онъ увидѣлъ ее, только не печальную, а радушную, даже веселую, сколько позволяла ей непреодолимая застѣнчивость не свѣтской дѣвушки. Какъ досадовалъ онъ на себя, сидя

опять, за столомъ съ нею, что не могъ прямо
Глядѣть на нее и невольно потуплялъ глаза ,
когда они встрѣчались съ глазами Христины.
Одинъ разъ, онъ почувствовалъ даже огонь
въ лицѣ своемъ, когда она спросила его (како-
ва смѣлость?): нравятся-ли ему Нѣмецкія ку-
шанья.

— О, мнѣ очень нравятся они!— сказалъ
онъ съ замѣшательствомъ, — Особенно когда
при-

готовлены твоими ручками — прибавилъ
онъ про себя. . .

«А у васъ въ Россіи,» сказалъ отецъ, «я слы-
халъ, смѣются надъ Нѣмецкимъ столомъ ?

— Можетъ быть тѣ, кто не бывалъ за нимъ
никогда. Хорошее любятъ вездѣ.

Такой благоразумный отвѣтъ очень понра-
вился старику. Онъ распространился въ по-
хвалахъ картофельному и овсяному супу,
рѣпному соусу и морковному пирожному. Съ
ужасомъ слушалъ онъ описаніе Русскаго сто-
ла, и не понималъ, какъ можно ѣсть такъ
много мяса и рыбы , какъ ѣдятъ ихъ Рускіе.
Ломоносовъ не могъ объяснить ему что зна-
читъ кулебяка, потому что Нѣмецъ не пони-

маль соединенія рыбы съ тѣстомъ. Онъ началъ головою при описаніи другихъ Русскихъ кушаньевъ, и такъ развеселился когда ему изъяснили составъ крѣпкаго ставленаго мѣду, что сказалъ наконецъ со смѣхомъ :

« Вы люди ученые ! у васъ не распознаешь правды отъ небылицы; можетъ быть, вы и сочиняете эти описанія для меня старика.

Обѣдъ кончился и Ломоносовъ съ восторгомъ замѣтилъ, что Христина только съ нимъ сказала два слова ; онъ не подумалъ на этотъ разъ о ея застѣнчивости.

Прошло нѣсколько дней, и Ломоносовъ чѣмъ больше глядѣлъ на Христину, тѣмъ больше на-

ходилъ въ ней совершенствъ. Самая заботливость ея о хозяйствѣ нравилась ему. Видя ее иногда, по утру, перебѣгающую черезъ дворъ въ кладовую или въ садъ, въ утреннемъ чепчикѣ и въ фартукѣ, онъ любовался ею какъ прелестнымъ ребенкомъ, который созданъ для счастья.. Даже посреди самыхъ глубокомысленныхъ занятій науками, онъ часто выпускалъ изъ рукъ перо и циркуль, когда думалъ о Христинѣ ; а онъ думалъ о ней по-

чти безпрестанно.

« Да ! я люблю ее ! » сказалъ онъ наконецъ самъ себѣ, какъ будто рѣшивши важную задачу. « Люблю , и не могу жить безъ нея., не могу быть чужимъ ей! Я умру отъ тоски , если такое состояніе души продолжится. До сихъ поръ я не зналъ счастья. Что занимало меня ? Мечты, непрерывный трудъ , и недостижимое стремленіе къ какому-то совершенству въ наукахъ. Это также мечта? Я однакожь не оставлю ея, этой мечты, потому что она сдѣлалась жизнью для меня ; науки вѣчно будутъ моимъ занятіемъ, моею цѣлю, утѣхою; но . . . однѣ, могутъ-ли онѣ наполнить мою душу ? Нѣтъ , онѣ оставляютъ въ ней какую-то пустоту, которую давно чувствовалъ я и не понималъ причины ея. Теперь, я вижу, чувствую, что для полноты въ жизни необходима любовь. Да , любовь! Только съ нею человекъ можетъ быть счастливъ. Если Христина любитъ меня,

то я не буду одинокъ въ мірѣ ; а теперь я бездомный сирота, для котораго не бьется ни одно сердце. Такое состояніе ужасно ! Знать, видѣть свое одиночество, быть увѣреннымъ ,

что люди холодно глядятъ на насъ , и только изъ корыстныхъ видовъ или по прихоти оказываютъ намъ участіе. ... О, это ужасно ! Я испыталъ и теперь испытываю это состояніе !... Дружба ? Но я еще не встрѣтилъ друга, и, кажется , не встрѣчу никогда , если и добрый мой Виноградовъ любить во мнѣ только хорошее , только то, что нравится ему и что хвалятъ другіе. Нѣтъ ! истинный другъ долженъ любить всего меня, любить мои недостатки , обожать мои слабости , потому что въ миломъ сердцу человѣкѣ все прекрасно, все очаровательно ! Вотъ безкорыстная привязанность ! И могу-ли надѣяться, могу-ли требовать ея отъ людей? Они конечно не виноваты , если такъ созданы , но и я послѣ этого имѣю право искать привязанности сильнѣйшей !... Искать !... Какое холодное слово ! Развѣ можно *искать* такихъ чувствованій? Они являются намъ какъ свѣтъ небесный, какъ радуга , завѣтъ надежды, какъ ангелъ утѣшитель !... Теперь передо мной этотъ ангелъ. Христина! я твой, на вѣки твой, и ты должна быть моею!. Но... любить-ли она меня? О, вѣрно любить : я чувствую это, я убѣжденъ въ

этомъ, хоть не слыхаль отъ нея почти ничего, не только слова о любви. Но милые глаза ея говорятъ такъ краснорѣчиво. . . . они не обманываютъ меня. А если она любитъ меня, то будетъ моею ; для сильной воли нѣтъ препятствій , особенно когда ее одушевляетъ любовь. »

Ломоносовъ началъ искать случаевъ чаще быть съ Христиной и говорить съ нею. И то и другое было довольно трудно. Застѣнчивость Христины дѣлала и его робкимъ. Онъ не простилъ-бы себя , если-бы привелъ ее въ малѣйшее замѣшательство , уже самое присутствіе его заставляло ее краснѣть. Но любовь изобрѣтательна. Онъ сказалъ однажды отцу, что желалъ-бы почаще говорить съ нимъ, для .того чтобы скорѣе привыкнуть къ Нѣмецкому языку. Старикъ обрадовался, что въ свою очередь можетъ научить чему нибудь ученаго чужестранца, и просилъ его приходить во всѣ свободные часы.

« Не я, такъ Христина будетъ говорить съ вами и поправлять ваши ошибки прошивъ Нѣмецкаго языка. Да, сударь, нашъ языкъ очень трудень, и ему надобно учиться долго.

»

Старикъ не подозрѣвалъ никакой опасности сближать свою дочь съ молодымъ человѣкомъ, скромнымъ, любезнымъ и—ученымъ. Онъ-же по-

любилъ Ломоносова за его веселый характеръ и всегда встрѣчалъ съ удовольствіемъ.

Мало по малу и Христина привыкла видѣть Ломоносова, и наконецъ уже безъ боязни разговаривала съ нимъ. Предметовъ для разговора было много : она рассказывала ему о своемъ городѣ , о своемъ семействѣ и занятіяхъ своихъ; онъ описывалъ ей свое далекое отечество, чудеса его природы и оригинальные нравы жителей ; говорилъ о престольной Москвѣ и волшебномъ Петербургѣ. Однажды, въ минуту откровенности, онъ рассказалъ ей свою странную жизнь, и потомъ началъ говорить о своихъ надеждахъ , своихъ мечтахъ, о возвращеніи въ отечество.

—А развѣ вы думаете уже скоро воротиться въ отечество?—спросила Христина.

« Не знаю и самъ : это зависитъ отъ моихъ начальниковъ. Но, раньше или позже, все на-

добно будетъ возвратиться домой и оставить вашу прекрасную сторону.

— Стало быть вамъ нравится у насъ ?

« Нравится ? Мало выражаетъ это слово : я счастливъ здѣсь , или, лучше сказать, только здѣсь и сталъ я счастливъ.

Христина потупила глаза и сказала въ полголоса:

— Приятно видѣть людей счастливыхъ....

« На которыхъ вы не хотите и глядѣть.

— **А**хъ, нѣтъ, Г. Ломоносовъ ! — сказала она подымая свои глаза и краснѣя — право, я . . . только немного задумалась.

« О чемъ задумываться вамъ, Христина ! Иное дѣло я , сирота въ мірѣ, для котораго нѣтъ родныхъ, нѣтъ близкихъ сердцу. А вы такъ любимы своимъ родителемъ; вы живете мирно, счастливо.

— Да, благодарю Бога !... Но что-же мѣшаетъ вамъ остаться здѣсь. ... то есть у насъ, въ Германіи , если вамъ пріятно жить съ нами ?

«Милое дитя! » сказалъ Ломоносовъ съ вос-

торгомъ. «**Съ вами** остался-бы я навѣчно, оставилъ-бы родину и разорвалъ всѣ связи съ нею, если-бы только **вы** пожелали этого.

— Ахъ, Боже сохрани! — вскричала Христина, будто не понимая его.—Я никогда не пожелаю этого.

«Никогда!... Зачѣмъ-же мнѣ оставаться здѣсь, когда вы не хотите этого?»

— Да что-же значитъ для васъ бѣдное мое желаніе ?

«Все, Христина! Скажу больше: если вы не скажете, что вамъ пріятно, чтобы я оставался здѣсь, я постараюсь уѣхать какъ можно скорѣе отсюда, и навсегда !

— Ахъ , нѣтъ , зачѣмъ-же это ! — невольно проговорила Христина. Лицо ея вспыхнуло и она прибавила съ замѣшательствомъ : — Впрочемъ , я не имѣю ни какого права удерживать васъ ; вы лучше знаете что должно вамъ дѣлать.

« Скажите одно слово : не уѣзжай, Михайло!

Христина закрыла руками лицо и убѣжала въ другую комнату.

Этотъ разговоръ рѣшилъ судьбу Ломоносо-

ва. Какъ ни былъ онъ неопытенъ въ искусствѣ понимать гіероглифическій языкъ женщины, однакожь ясно увидѣлъ, что Христина чувствовала вполнѣ каждый намекъ, каждое слово, которые внушало ему сердце ; что она раздѣляетъ любовь его , и только не смѣетъ или не умѣетъ сказать этого. Въ разговорѣ любящей женщины слова служатъ не выраженіемъ, а только покровомъ тайной мысли. Счастливъ, кто видитъ сквозь этотъ покровъ тайну души и сердца, тайну, которой не открываетъ женщина никому, ни даже самой себѣ.

Съ обыкновенною своею пылкостью, Ломоносовъ объявилъ Виноградову, что онъ любитъ, что онъ любимъ , что онъ хочетъ и долженъ быть счастливъ.

Виноградовъ выслушалъ всѣ его восторженные восклицанія, и хладнокровно сказалъ :

— Неужели ты хочешь жениться на дочери портнаго ?

« Жениться ? . . . Это никогда еще не приходило мнѣ въ голову !... » отвѣчалъ Ломоносо-

ВЪ.

— Мнѣ кажется то-же , что это было-бы, просто **сказать**, глупо.

« Какъ?» вскричалъ Ломоносовъ. «Глупо найти свое величайшее счастье? Но ты вѣрно хотѣлъ не то сказать, или я не понимаю тебя, Виноградовъ ! Я потому никогда не думалъ о женитьбѣ, что это кажется мнѣ счастье недостижимое, невозможное ! Я схожу съ ума отъ одной мысли, что Христина можетъ быть моей женой.

—Есть отъ чего сходить съ ума. Простенькая дѣвочка, дочь портнаго, Нѣмка! Удивительное счастье !

« Послушай , Виноградовъ ! » сказалъ съ гнѣвомъ Ломоносовъ. « Если ты не шутишь, то я прошу тебя удержаться отъ такихъ выраженій. Твоя вялая душа не понимаетъ Христины; ты не видишь ангельской прелести ея , и разсуждаешь только о томъ, что она дочь портнаго. Послѣ этого мнѣ остается жалѣть, что я хотѣлъ раздѣлить съ тобой свою радость.

— Добрый мой Михайло ! Я не думалъ огорчить тебя. Я говорилъ такъ, какъ думалъ;

извини , если огорчилъ тебя , но позволъ-же мнѣ сказать тебѣ, какъ другу, что ты поступаешь очень необдуманно.

« Поди ты отъ меня со своею обдуманностью ! » вскричалъ Ломоносовъ. « Тутъ нечего думать, когда я не могу выбирать : мнѣ надобно или утопиться, или быть счастливымъ съ Христиной. Я не могу жить безъ нея.

— Это конечно возраженіе сильное , однакожь, вспомни свое назначеніе. Ты пожертвовалъ всѣмъ , чтобы вырваться изъ тѣсныхъ сѣтей деревенской жизни и дѣйствовать на обширномъ поприщѣ ума и знаній. Теперь, когда тебѣ остается одинъ шагъ до цѣли, ты хочешь броситься въ объятія самой простой жизни и сдѣлаться мѣщаниномъ Нѣмецкаго города , потому что, женись на Христинѣ, ты уже не можешь продолжать своего поприща.

« Почему-же не могу ?

— Потому что Академія, узнавши о переменѣ твоей жизни, вѣрно откажетъ тебѣ въ своемъ покровительствѣ, и ты будешь принужденъ работать для насущнаго хлѣба.

« Ну, что-жь такое ? буду работать и жить счастливо.

— Отъ души желаю этого , только не думаю, чтобы сбылись твои слова. Ты не рожденъ для этой жизни ?

« Для счастья ?

— Это слово имѣеть обширный смыслъ. Ты можешь быть счастливъ только необыкновенно-

ною умственной дѣятельностью ; мѣщанская жизнь скоро надоѣстъ тебѣ.

« Да кто ты употребляешь такъ часто это слово : мѣщанская жизнь ? Я и рожденъ не для власти ! Я былъ мужикъ, и мѣщанское счастье мнѣ кстати.

—Я ни сколько не думаю унижать званія мѣщанина. Ты знаешь, что и самъ я не Графъ, не Князь. Я говорю объ этой жизни, гдѣ жена бываетъ кухаркой, гдѣ дѣятельность ограничивается работой для насущнаго хлѣба, а счастье няньченьемъ дѣтей. Тебѣ-ли быть счастливымъ этою жизнью?

« Ты обманываешься, Виноградовъ. Во-первыхъ, жена моя будетъ хозяйкою въ домѣ, а не кухаркой. Дѣятельности моей не помѣшаетъ счастливая семейная жизнь. Неужели бывши ученымъ человекомъ , Про-

фессоромъ , Академикомъ, я не могу быть женатъ ? А дѣти только умножать мое счастье.

— Все это прекрасно въ теоріи, но таково-ли будетъ на дѣлѣ ? Теперь ты можешь посвящать свое время учености, а тогда будетъ-ли у тебя досугъ для Этого ? Сначала надобно обезпечить себя, мой другъ , пріобрѣсти независимость, не думать о пропитаніи, и потомъ уже выбирать жену.

«Пропитаніе! . « . Такъ вотъ чѣмъ ограничивается *твоя* высокая теорія жизни ! Виногра-

довъ! Я вижу , что мы не можемъ понимать другъ друга. Ради Бога, не совѣтуй мнѣ ничего.

— Ну, такъ женись на своей Христинѣ и не жалуйся послѣ, когда тебѣ нечего будетъ ѣсть ! — сказалъ съ досадою Виноградовъ.

« Ты можешь говорить что угодно: я не перемѣню для тебя своей рѣшимости. Христина любитъ меня! Для нея готовъ пожертвовать я всѣмъ.

— Но, скажи пожалуста, что нашель ты въ ней привлекательнаго? Ни красоты, ни ума, ни воспитанія. . . .

« Виноградовъ ! замолчи, ради Бога замолчи, если не хочешь поссориться со мной навсегда.

, — Кажется , безъ этого и не обойдется , если ты не оставишь своего глупаго намѣренія.

Друзья замолчали. Виноградовъ вскорѣ ушелъ изъ дома, а Ломоносовъ остался мечтать на свободѣ. Ему досадны были слова товарища, но онъ утѣшалъ себя мыслью, что Виноградовъ не понимаетъ его счастья.

Онъ началъ однакожь размышлять о словахъ его, и сколько ни думалъ, вездѣ находилъ блаженство. Разговоръ съ Виноградовымъ не утишилъ, а еще больше воспламенилъ любовь его : онъ только напомнилъ ему, что Христина можетъ сдѣлаться его женою. До сихъ поръ, эта

мысль не ясно представлялась ему; но теперь, когда Виноградовъ не находилъ въ этомъ ни какой невозможности, и думалъ только что у Ломоносова не будетъ средствъ *кормятъ* будущее свое семейство, онъ рѣшился непременно жениться на Христинѣ. Помышленіе объ этомъ приводило его въ вос-

торгъ. Онъ придумывалъ разныя средства, какъ исполнить свое намѣреніе, и вскорѣ мечты его приняли образы истинно поэтическіе. Онъ не могъ больше удерживать своего душевнаго порыва, схватилъ бумагу, перо, и хотѣлъ выразить душу свою гармоническими звуками. Но упрямый Русскій языкъ, тогда еще непослушный волѣ поэтовъ, никакъ не повиновался восторгу Ломоносова. Цѣлый вечеръ писалъ онъ , и раздиралъ написанное : это выходили какія-то длинныя, несвязныя строки, а не стихи.

«Неужели нашъ языкъ не способенъ выражать мысли и чувства такъ-же стройно , какъ выражаются они на языкѣ Латинскомъ ? » сказалъ онъ наконецъ самъ себѣ. « Надобно подумать объ этохмъ, поговорить съ людьми свѣдущими. . . Да, кстати, завтра увижу я на лекціи товарища Шпренглибера. Онъ страстный охотникъ до Поэзіи , самъ пишетъ стихи, и любитъ говорить о нихъ. Я еще худо знаю теорію Нѣмецкаго стихосложенія : не лъзя-ли от-

крыть въ ней законовъ и для нашего стихотворства ?»

На другой день, когда кончилась лекція, онъ подошелъ къ Штрэнглиберу.

— Пойдемъ ко мнѣ на квартиру, Штрэнглиберъ. Ты еще не былъ у меня.

«А далеко-ли отсюда живешь ты?»

— Два шага. Да все равно; мнѣ надобно поговорить съ тобой о любимомъ твоёмъ предметѣ ; о стихахъ. -

« Тѣмъ лучше ! Пойдемъ.

Разговоръ тотчасъ завязался о старыхъ и новыхъ Нѣмецкихъ стихотворцахъ. Штрэнглиберъ, послѣдователь и приверженецъ Готшеда, не любилъ старыхъ поэтовъ Нѣмецкихъ, холодно отзывался объ Опицѣ, и съ восторгомъ произносилъ имена Галлера и Гинтера.

«Гинтеръ! Вотъ былъ поэтъ! Какъ жаль, что этотъ человѣкъ рано умеръ. Знаешь-ли ты его сочиненія ?

— Нѣтъ.

« О, такъ надобно тебѣ познакомиться съ ними. Это былъ поэтъ, и въ жизни и въ стихахъ. Слыхалъ-ли ты о его бурной, поэтической жизни ?

— Нѣтъ.

«Я расскажу тебѣ ее. Гинтеръ родился лѣтъ за пять до нашего столѣтія, то есть въ 1695 году. Онъ былъ сынъ какого-то лекаря, который хотѣлъ обучить его своему искусству, и отдалъ въ школу; но Гинтеръ писалъ тамъ не анатомическія и терапевтическія разсужденія, а стихи. Надобно сказать, что и въ школѣ писапы имъ стихи превосходные. Онъ сочинялъ ихъ съ удивительною, легко-стью, и особенно отличился своими духовными пѣснопѣніями. Но при этомъ былъ онъ порядочный шалунъ, и только строгость отца удерживала его отъ разгульной жизни. Двадцати лѣтъ пришелъ онъ въ Виттенбергскій Университетъ, и съ этого времени явился тѣмъ, чѣмъ былъ во всю остальную жизнь : пламеннымъ юношею, до безразсудства веселымъ шалуномъ, и вмѣстѣ склоннымъ къ самой тяжелой задумчивости человѣкомъ. Отецъ называлъ его *сангвинео-меланхоликомъ*, а онъ былъ добрый, откровенный малый, чистая, прекрасная душа. Вѣчно несогласный съ самимъ съ собою, онъ всегда предполагалъ дѣлать лучше нежели дѣлалъ, и это не отъ безсилія, а отъ непостоянства характера.

Вмѣсто того, чтобы заниматься какъ должно Медициной, онъ бросился въ удовольствія, забыль всё науки, влюблялся, пилъ, дѣлалъ долги, и наконецъ совершенно предался буйной жизни. Съ добрымъ сердцемъ, онъ безпрестанно впутывался въ непріятныя исторіи, гдѣ все падало на него. Напримѣръ, онъ часто признавалъ за собой такіе долги, которыхъ на немъ не бывало,

и это единственно для того, чтобы прекратить неудовольствіе. Не одна ловкая интриганка обобрала его, и послѣ съ нимъ-же заводила тяжбу. Наконецъ онъ увидѣлъ свои дурачества и ушелъ изъ Виттенберга въ Лейпцигъ. Но уже такъ глубоко погрязъ онъ въ развратную жизнь, что извлечь его изъ нея не могли ни самые вѣрные друзья, ни самые усердные покровители. Тутъ случилось съ нимъ полузабавное и полу-печальное происшествіе.

«Въ Дрезденѣ понадобился придворный поэтъ. Гинтеръ былъ первый изъ современныхъ поэтовъ, и друзья тотчасъ постарались доставить ему это мѣсто. Его приняли ко Двору, хотя подъ именемъ *шута* (Pritschmeister),

однакожь на *штатное мѣсто* придворнаго поэта. Надобно было представиться Королю, Фридриху Августу. Гинтеръ хотѣлъ придать себѣ смѣлости, и выпилъ такую порцію, что когда вышелъ Король, онъ не могъ ничего говорить и едва держался на ногахъ. Король улыбнулся и велѣлъ прогнать-его. Бѣдный Гинтеръ ! Тутъ-то началась бѣдственная жизнь его. Онъ бродилъ то по Саксоніи, то по Силезіи, не находя нигдѣ мѣста. Отецъ не пускалъ его къ себѣ, какъ развратнаго сына. Часто у Гинтера не было куска хлѣба, и въ такихъ-то обстоятельствахъ писалъ онъ свои пѣснопѣнія. Повѣришь-ли ты, что стихи, кото-

рые сочинялъ онъ на разные случаи, часто за нѣсколько грошей, служили единственнымъ средствомъ его пропитанія ! Правда, многіе желали помогать ему и были готовы обезпечить жизнь такого необыкновеннаго человѣка, но онъ былъ уже неисправимъ и погибъ совершенно. Еще разъ хотѣлъ онъ приняться за Медицину, думая черезъ то имѣть благопристойное содержаніе ; но прискорбія, нужда и дурная жизнь невоз-

вратно разстроили его здоровье. Гинтеръ пришелъ наконецъ въ Іену, и тамъ умеръ , въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Это случилось въ 1723 году. Ему было тогда двадцать восемь лѣтъ.

«Странная участь поэта! Вскорѣ послѣ смерти Гинтера были изданы его стихотворенія, и слава загремѣла о немъ по всей Германіи.— Неужели это писалъ тотъ Гинтеръ, который шатался , пьяный , изъ города въ городъ ? спрашивали читая торжественныя оды его, духовныя пѣсни и умныя сатиры. — Жаль, жаль этого человѣка ! Умень было. — Но теперь поздно жалѣть о немъ. Возьми лучше стихотворенія его , и читай ихъ , Ломоносовъ ! Ты увидишь въ немъ совершенную противоположность съ прежними нашими стихотворцами. Какая-то чопорность господствуетъ въ сочиненіяхъ Опица; какая-то мѣлочность, пошлость видна въ Гоффмансвальдау и даже въ Логенштейнѣ; но, главное, всѣ они слишкомъ

Нарядны, или, лучше сказать, парадны. Въ Гинтерѣ нѣтъ ничего поддѣльнаго: это именно украшенная природа, которой требуютъ

великіе наставники. Гинтеръ сдѣлалъ-бы эпоху въ нашемъ стихотворствѣ, если-бы несчастная судьба не стѣсняла и наконецъ не погубила его.

— А въ какомъ родѣ сочиненій превосходствовалъ Онъ ? — спросилъ Ломоносовъ.

«Во всѣхъ. Я пришлю тебѣ сочиненія его. Замѣть торжественныя оды его : это верхъ искусства. Таковы-же похвальныя и духовныя его стихотворенія , таковы и сатиры , исполненныя остроумія и тонкихъ намёковъ.

— Любопытно, любопытно. А какими стихами писалъ онъ ?

« Александрійскими. Они утвердились у насъ со времени Опица, и кажется останутся навсегда.

Мысль : не лзя-ли примѣнить этого размѣра и къ Русскимъ стихамъ, блеснула въ головѣ Ломоносова. Онъ просилъ Штрэнглибера поскорѣе прислать ему стихотворенія Гинтера, и съ жаромъ принялся читать ихъ, когда получилъ. Штрэнглиберъ прислалъ ему также вышедшія не задолго стихотворенія Галлера и Гагедорна, которые только что начинали свое поэтическое поприще. Но они не

сдѣлали на

него такого впечатлѣнія какъ Гинтеръ, котораго читаль и перечитываль Ломоносовъ. Онъ тотчасъ принялся за теорію Русскаго стиха, и попытки его выходили удачны. Слова мужественнаго языка нашего легко укладывались въ Александрійскіе стихи. Поэтъ былъ въ восторгѣ отъ этого, и началъ писать множество посланій и похвальныхъ стиховъ своей милой Хрустинѣ. Одними изъ нихъ онъ былъ такъ доволенъ, что рѣшился сказать ей объ этомъ.

Случилось, что отца ея не было дома къ обѣду; Виноградовъ часто отлучался въ послѣднее время, и Ломоносову пришлось въ первый разъ обѣдать съ Хрустиной одному. Слугъ не было, и молодая хозяйка сама ходила за кушаньемъ, то-же своего приготовленія. Никогда еще Ломоносовъ не видалъ ея столько веселою и привѣтливою къ нему. Онъ не замѣтилъ, какъ окончился обѣдъ, въ разговорахъ живыхъ, радостныхъ. Послѣ обѣда, когда Хрустина собрала со стола и принялась за какое-то рукодѣлье, Ломоносовъ еще не оставлялъ ея комнаты.

— Христина! — сказалъ онъ ей наконецъ. — Знаете-ли, что я написалъ для васъ стихи ?

« Стихи ? для меня ? » спросила она съ изумленіемъ, въ которомъ видно было удовольствіе.

« Какіе-же это стихи ?

— Я говорю въ нихъ то, что чувствую....

, >oglc

« Михайло ! » прервала она его. « Я конечно могу знать все, что вы чувствуете: такъ увѣрена я въ добромъ вашемъ сердцѣ.

— О, конечно, конечно, Христина! Ты угадала. . . Прости меня, что я говорю тебѣ дружеское *ты* : я не могу называть тебя многочисленнымъ *вы*.

— Христина уже такъ привыкла къ страстнымъ выраженіямъ Ломоносова, что ей не показалось страннымъ и это признаніе его. Напротивъ, она радостно приняла его , и вмѣсто отвѣта промолвила :

— Прочитай-же стихи, написанные для меня.

Босторженный Ломоносовъ выхватилъ изъ кармана бумагу и началъ читать ; но вскорѣ ему самому стало смѣшно, что онъ чи-

галь Русскіе стихи Нѣмкѣ, не понимавшей ни одного Русскаго слова.

И онъ, и Христина засмѣялись.

— А какъ мнѣ жаль, что я не понимаю твоихъ стиховъ ! — сказала наконецъ она съ чувствомъ. — Выучи меня Русскому языку, Михайло !

Ломоносовъ онѣмѣль отъ восхищенія, когда услышалъ это желаніе, высказанное съ дѣтскимъ простодушіемъ.

« Ты будешь учиться Русскому языку, Христина ?

— Да , для того , чтобы понимать твои стихи.

Ломоносовъ сталъ на колѣни и торжественно произнесъ :

« Даю слово , что ты выучишься Русскому языку ! Никакія препятствія не отвлекутъ меня отъ этого. Но , Христина , достанетъ-ли твоей рѣшимости ?

« Учиться? у тебя? О, вѣрно ты не сдѣлаешь для меня того , что я готова для тебя сдѣлать! Иначе ты не сталъ-бы спрашивать меня объ этомъ.

— Я готовъ отдать тебѣ жизнь мою ! Она

твоя, твоя съ этихъ поръ !

«А моя давно принадлежитъ тебѣ, Михайло!

Христина сказала это, и сама встревожилась. Въ смущеніи прибавила она :

— Я думаю, скоро придетъ папенька: онъ не любитъ долго оставаться на обѣдахъ. Пора намъ разлучиться.

« О, я не хочу оставить тебя !

— Должно, Михайло.

Христина! для чего не могу я всегда быть съ тобой, видѣть тебя, слышать, восхищаться тобой !

Она не хотѣла слушать его долѣе, и поспѣшила уйдти.

Черезъ нѣсколько дней , влюбленные условились , чтобы каждое послѣ-обѣда, когда старикъ портной отдыхалъ въ дальней каморкѣ, Ломоносовъ приходилъ учить Христину Русскому языку. Ученье это состояло въ томъ, что онъ приносилъ ей нѣсколько Русскихъ словъ, написанныхъ Нѣмецкими буквами , вмѣстѣ съ переводомъ, и на слѣдующій день училъ ее составлять изъ нихъ фразы. Онъ дивился успѣхамъ своей ученицы. Въ самомъ

дѣль , въ немного дней она выучила множество словъ и цѣлыхъ рѣченій. Великое слово: *люблю*, разумѣется, играло тутъ важную роль.

Безотчетное, пылкое чувство наконецъ стало принимать для Ломоносова одинъ образъ, опредѣленный и обольстительный. Онъ воображалъ Христину своею неразлучною подругою, и часто, одинъ, думалъ, какъ счастливъ былъ-бы онъ, если-бы соединилъ съ нею судьбу свою. «Христина такъ прекрасна, такъ любить меня! Она усладила-бы жизнь мою ; я не былъ-бы одинокъ съ нею. Тогда и горести, которыя неизбежны для человѣка, не казались-бы мнѣ страшными. Я утѣшался-бы глядя на нее. Да , одинъ взглядъ ея уже дѣлаетъ меня счастливымъ. Что-же если-бы она была со мною всегда, неразлучно, принадлежала мнѣ?» спросилъ онъ наконецъ самъ себя. «Отецъ ея конечно согласится видѣть счастливою свою дочь. А другихъ пре-

пятствій нѣтъ; надобно только согласіе отца, *Виноградовъ* сказалъ-бы: чѣмъ жить?... Правда, у меня нѣтъ никакого имѣнія, за то есть трудолюбіе. Буду работать, и

прилежаніемъ заслужу себѣ мѣсто. До возвращенія въ отечество еще далеко; но здѣсь мы будемъ жить у отца. Неужели онъ не дастъ мнѣ угла?... Но что думать объ этомъ! Это прозаическіе вздоры. Я буду счастливъ: вотъ главное! О, какъ буду я счастливъ! Въ самомъ дѣлѣ, я не могу представить себѣ, какое чудное, непостижимое счастье, всегда быть съ Христиной, знать, что она принадлежитъ мнѣ и можетъ открыто говорить: я твоя!»

Онъ прыгалъ по комнатѣ и радовался какъ дитя, воображая Христину своей женою.

«Для чего давно не рѣшился я просить руки ея?» думалъ онъ. Сколько счастливыхъ дней, которые прожили-бы мы съ нею, теперь погибло невозвратно! Глупецъ! Я не зналъ своего счастья. Я искалъ его въ мечтахъ, въ отвлеченныхъ умственныхъ занятіяхъ, не понимая, что оно было такъ близко подлѣ меня. Да! что можетъ сравниться съ блаженствомъ тихой семейственной жизни?... Завтра-же скажу отцу о своемъ намѣреніи: я не хочу долѣе чуждаться своего счастья.

Глава XI.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой-же день Ломоносовъ сказалъ портному, что онъ любитъ дочь его и предлагаетъ ей свою руку.

Старикъ изумился до такой степени, что сначала не понялъ его, а когда понялъ, то сказалъ съ огорченіемъ:

« Г. Рускій! кажется, я не далъ вамъ повода смѣяться надо мной и надъ моею дочерью.

— Смѣяться ? Но я не вижу ничего насмѣшливаго въ томъ предложеніи, отъ котораго зависитъ счастье моей жизни.

« Да какое счастье жизни въ такой несообразности ! Я бѣдный портной и коренной Нѣмецъ , а вы иностранецъ, путешественникъ , ученый человѣкъ !... Это , сударь, насмѣшка , просто насмѣшка.

— Сдѣлайте милость, примите это въ прямомъ смыслѣ. Я прошу у васъ руки вашей дочери , и клянусь , что согласіе ваше сдѣлаетъ меня счастливымъ.

« Да могу-ли я принимать серьёзно такое предложеніе, которое невозможно для васъ ?

— Какъ невозможно ?

« Дочь моя не будетъ вашею женой, Ломоносовъ поблѣднѣлъ отъ внутренняго движенія, и сказалъ въ полголоса.

— Она будетъ моею.... . женой.

« Какъ ? вы рѣшаетесь, сударь, говорить это такъ смѣло , въ присутствіи отца ? Что это значить ?

— То, что препятствій никакихъ нѣтъ, и вы должны благословить насъ.

« А я вамъ скажу тысячу препятствій : во-первыхъ , дочь моя Лютеранка , а вы другаго закона.

— Я Христіанинъ. Разность въ догматахъ нашихъ религій не мѣшаетъ браку.

« Во-вторыхъ : я не знаю кто вы.

— Вы знаете , что я честный человекъ ; нѣсколько мѣсяцевъ житья у васъ въ домѣ, кажется, могли вамъ доказать это.

— Я и увѣренъ, что вы честный человекъ; но я, на примѣръ , портной : ножницы да игла доставляютъ мнѣ хлѣбъ; а вы чѣмъ живете и чѣмъ можете содержать свою жену ?... Я не

знаю.

« Милость Императрицы Россійской доставляетъ мнѣ существованіе ; а когда я окажусь достойнымъ этой милости, то мнѣ дадутъ хорошее мѣсто по ученой части.

— Но вы чужеземецъ , вы должны ѣхать въ свое отечество; вы разлучите меня съ дочерью, если женитесь на ней ; вы увезете ее въ свою Россію, а я никакъ не соглашусь на это.

« Но если дочь ваша будетъ счастлива со мной ?

—Это знаетъ только Богъ. Наконецъ, я не согласенъ на это ; да вѣрно и дочь моя не согласится.

«Спросите у нея.

—Боже мой! неужели вы говорили съ ней объ этомъ?—вскричалъ старикъ всплеснувъ руками.

« Я знаю, что она согласится быть моею женой.

—О позоръ! дочь моя изъяснялась съ вами въ любви? О срамъ !... никогда, никогда , сударь, не соглашусь !...

Старикъ началъ ходить большими шагами по комнатѣ, качать головой, вздыхать, охать.

— Позвольте сказать мнѣ одно: вы могли-бы

слышать каждое слово, Которое говорилъ я вашей дочери, и вѣрно не нашли-бы ни въ одномъ ничего предосудительнаго. Увѣряю васъ въ этомъ какъ честный человѣкъ. Впрочемъ , не хочу долѣе смущать васъ, и прошу подумать о моемъ предложеніи.

Старикъ не слушалъ его. Ломоносовъ вышелъ.

Въ комнатѣ своей увидѣлъ онъ Виноградова и тотчасъ сказалъ ему, что хочетъ жениться.

—Жениться? ты?—воскликнулъ Виноградовъ.

«Да. Что-же находишь ты удивительнаго въ этомъ ?

— Шутки въ сторону: женись на Христинѣ; она славная дѣвушка ! «

« Я на ней и хочу жениться,» твердымъ голосомъ сказалъ Ломоносовъ.

— Какъ можешь ты говорить объ этомъ не смѣясь? Чудный человѣкъ!

«Потому что я не щучу, и говорю тебѣ какъ духовнику своему. Я женюсь на Хрисшипѣ.

— Полно , Михайло ! Повѣрю-ли я такой нелѣпости.

«Несносные люди! Когда сказалъ отцу, тотъ вообразилъ , что я смѣюсь надъ нимъ ! Говорю этому, онъ думаетъ, что я шучу! Коротко и ясно: я женюсь ! Тутъ, нѣтъ никакой шутки.

—Но можешь-ли ты жениться на Христинѣ? Я уже говорилъ однажды, что это будетъ для тебя источникомъ непріятностей.

« А я думаю, что это будетъ началомъ моего счастья. Я люблю Христину, она любитъ меня. Чего-же еще недостаетъ намъ для счастья?

— Бездѣлицы : ни у тебя, ни у нея ничего нѣтъ ! А вы конечно воздухомъ питаться не будете.

«Жалкій прозаикъ! ты думаешь только о желудкѣ, а не о сердцѣ.

— Нѣтъ, я думаю еще о томъ, что эта женитьба совершенно разстроитъ тебя. Женатый человѣкъ плохой студентъ ; а ты еще не окончилъ курса. Академія не позволила-бы тебѣ жениться. Если-же ты сдѣлаешь это безъ ея позволенія, то она лишитъ тебя своего по-

кровительства.

«Я готовъ и на это , хоть не совсѣмъ вѣрю словамъ твоимъ.

— Что-же выйдетъ изъ этого? Ты будешь принужденъ оставить ученое поприще, и дѣло кончится тѣмъ , что понадобится работать для хлѣба, который всегда приводитъ тебя въ гнѣвъ, какъ начнешь говорить о немъ.

« Виноградовъ ! ты хочешь остаться моимъ другомъ ?

— На томъ условіи, что ты не сдѣлаешь дурачества, о которомъ говорилъ теперь.

«О, дружба на условіяхъ не годится мнѣ! За что люблю я Христину ? За то , что она любитъ меня безотчетно , и даже теперь не знаетъ о моемъ намѣреніи, если о томъ не скажетъ ей отецъ.

— А ты уже сдѣлалъ предложеніе отцу?

« Да !

— Такъ это уже не просто намѣреніе, а событіе?

«Конечно. Вольно тебѣ не вѣрять.

— Если такъ, то я не хочу напрасно терять словъ. Женись, Михайло ! Но съ этой минуты мы не товарищи съ тобой.

«Почему-же , Виноградовъ?

- Потому, что должны идти разными путями. Ты погрязнешь теперь въ семейной жизни, а я хочу еще приготовляться быть полезнымъ отечеству.

«Неужели-жъ ты думаешь , что я меньше тебя буду полезенъ ему ? О, ты не знаешь меня, Виноградовъ !

— Чего ждать, отъ челоѡвка , столько безхарактернаго, что онъ для взгляда первой дѣвчонки, для пустаго удовольствія, готовъ бросить все назначеніе своей жизни !

«Удержись, Виноградовъ, отъ такихъ словъ, какъ я удерживаюсь отъ гнѣва на тебя!

— Да, конечно лучше молчать. Но я еще долженъ объявить тебѣ, что мы и безъ этого скоро разстались-бы.... только можетъ быть иначе нежели теперь.

«Какъ? что это значить?

— Я ѣду изъ Марбурга.

«Куда ? зачѣмъ ?

— Профессоръ **Вольфъ** отправляетъ меня въ Швейцарію и на Апеннинскія горы. Тебѣ сдѣлалъ онъ также назначеніе , только на слѣдующій годъ.

«Я ничего и не знаю объ этомъ.

—Потому что не рѣдко пропускаешь лекціи, и не ходишь къ Профессору.

« Да, это правда. Но въ послѣднее время я, право, не могъ. . . .

—Видишь-ли, Ломоносовъ, слѣдствія. . . .

«Не говори , ради Бога , не говори ! Вскорѣ окончатся мои душевныя тревоги, и тогда примусь я за дѣло съ новымъ жаромъ.

— Дай Богъ , дай Богъ — сказалъ Виноградовъ качая головой.

Видимая холодность раздѣлила друзей въ послѣдніе два дни , которые Виноградовъ провелъ до своего отъѣзда въ Швейцарію. Онъ сердился на Ломоносова и не могъ одобрять его намѣренія ; а тотъ былъ влюбленъ , былъ гордъ, и не могъ сознаться въ своемъ безразсудствѣ, потому что не видалъ его. Они разстались молча; только взоры говорили за нихъ. Казалось , друзья , столь различные характеромъ , готовы были сказать одинъ другому : хоть я и сержусь на тебя, а все-таки люблю.

Между тѣмъ старикъ портной не давалъ отвѣта , и съ того-же дни, въ который Ломоносовъ имѣлъ съ нимъ объясненіе , велѣлъ при-

носить объѣдъ въ комнату постояльцевъ.

Ломоносовъ рѣшился идти къ нему самъ.

— Я пришелъ услышать ваше согласіе— смиренно сказалъ онъ портному.

Старикъ примѣтно встревожился и возразилъ полу-сердито:

« Милостивый государь І я сказалъ вамъ и повторяю теперь, что не могу согласиться на бракъ вашъ съ моею дочерью.

— Это послѣднее вате слово ?

«Да. Я просилъ-бы еще васъ перемѣнить квартиру, потому что, послѣ нашего объясненія, вамъ уже не годится быть въ моемъ домѣ, а мнѣ не лъзя держать отъ васъ заперти Христину. Вы знаете, что она у меня хозяйничаетъ въ домѣ всѣмъ: я безъ нея какъ безъ рукъ.

Спокойно выслушалъ Ломоносовъ этотъ Нѣмецкій отвѣтъ, и сказалъ :

— Желаніе ваше будетъ исполнено.

Отъ чего-же явилось такое спокойствіе въ Ломоносовѣ ?... Онъ былъ готовъ къ отвѣту портнаго ; еще больше : онъ рѣшился жениться на Христинѣ тайно, и уже получилъ на то ея согласіе. Пылкая юность ихъ разсудила,

что надобно только обвиняться, а отец по неволѣ приметъ ихъ къ себѣ, хоть вѣроятно и посердится. Такая рѣшительность не должна казаться странною въ молодой дѣвушкѣ, простой дочери портнаго. Въ этихъ простыхъ существахъ иногда скрываются сильныя чувства, пламенные страсти, которыя пожаромъ вспыхиваютъ отъ прикосновенія такихъ душъ, какую встрѣтила Христина въ Ломоносовѣ. Можетъ быть, она оеталась-бы навсегда мирною хозяйкою простаго Нѣмецкаго быта, еслибы судьба не сблизила ея съ такимъ человѣкомъ. Но удивительно-ли, что Этна его страсти зажгла ея дѣвическую душу?

И трудно-ли было скрыться влюбленной дѣвушкѣ отъ старика отца, у котораго она составляла почти всю прислугу? Можетъ быть сердце ея трепетало, когда выходила она изъ отеческаго дома, съ тѣмъ чтобы навсегда соединить свою судьбу съ человѣкомъ, уже не чужимъ ей любовью, но увлекавшимъ ее совсѣмъ въ иной міръ. Однакожь рѣшительность превозмогла все: Христина ушла съ Ломоносовымъ въ церковь, и пасторъ, напередъ задобренный, обвинчалъ ихъ.

Печально было это торжество , столь милое сердцу ! Почти одиноко окончился обрядъ въ церкви; но по выходѣ изъ нея, когда надобно было идти не въ домъ отеческій , а на квартиру., вновь нанятую Ломоносовымъ, Христина почувствовала, что тоска сжала ея сердце. Только тутъ поняла она вину свою !

Очарованный своимъ счастиемъ , Ломоносовъ показывалъ ей приготовленное имъ убѣжище, гдѣ все было бѣдно, однакожь удобно для жиз-

ни; Христина не могла глядѣть ни на что. Она плакала и сквозь слезы говорила ему: -

- «Я бѣжала изъ отческаго дома, какъ преступница! Я рѣшилась на дѣло не угодное Богу! Родитель не благословилъ меня! . . .

- —Но Церковь благословила насъ, Христина! Завтра-же пойдемъ мы къ родителю твоему, и онъ конечно проститъ тебя, когда увидитъ наше счастье !

«Проститъ! Для чего-же должна я искать его *прощенія*?

—Для того, что иначе онъ не согласился-бы такъ скоро увидѣть насъ счастливыми.

Сердечное краснорѣчіе и любовь Ломоно-

сова нѣсколько успокоили Христину.

На другой день, счастливые супруги смиренно явились къ огорченному родителю. Онъ провелъ ночь въ страшномъ безпокойствѣ; сначала спрашивалъ у всѣхъ окружающихъ его , у сосѣдей и даже всѣхъ шедшихъ по улицѣ, не видали-ль его Христины. Ни кто не умѣлъ отвѣчать ему. Наконецъ онъ бросился въ комнату Ломоносова , и нашель ее запертою ; онъ понялъ все , и пересталъ искать дочь. Сложивъ руки , почти до утра ходилъ онъ по своей комнатѣ въ задумчивости.

Онъ почти не изъявилъ удивленія , когда увидѣлъ Христину съ Ломоносовымъ, и довольно холодно сказалъ :

— Зачѣмъ ты пришла ко мнѣ ? ты не дочь МОЯ...

« Папенька! папенька!» закричала Христина падая передъ нимъ на колѣни. «Простите меня! Простите моего мужа!»

— Мужа ?...

« Да , вчера вечеромъ , мы соединились святымъ, вѣчнымъ союзомъ,» сказалъ Ломоносовъ.

— Я не благословлялъ васъ на этотъ союзъ,

и не признаю его. Не хочу преслѣдовать васъ закономъ, но не могу и любить дочери непослушной. Подите съ глазъ моихъ!

Чувство придавало словамъ добраго старика непобѣдимую силу.

Христина рыдая обнимала его колѣни и не могла произнести ни одного моленія. Ломоносовъ говорилъ , но оправданія его разсыпались въ прахъ передъ немногими словами правды, которую высказывалъ оскорбленный отецъ. Наконецъ Ломоносовъ былъ принужденъ увести полубезчувственную жену свою.

Если-бы старикъ встрѣтилъ ихъ гнѣвомъ, проклятїями , то можетъ быть Христина не почувствовала-бы такъ глубоко своего проступка. Но тихій ропоть его, но оскорбленное чувство отца, выражавшееся въ немногихъ упрекахъ, поразили дочь, горячо любившую его. Она провела нѣсколько дней въ слезахъ, и по-

сылала своего мужа молить оица о прощенїи ; но старикъ упорно не хотѣлъ видѣть ея , и только при описанїи горести ея смягчился нѣсколько. Забывая гнѣвъ свой вымолвилъ онъ :

«Скажи Христинѣ, что я желалъ-бы изгнать ея изъ моего сердца, но не могу. Она оскорбила меня, больше нежели можетъ представить себѣ; однако я все еще не въ силахъ забыть ея. Оставимъ времени будущее: если вы окажетесь достойны прощенія моего, то, я чувствую, что еще могу смягчиться. Я люблю дочь мою. Ты, Михайло, не женщина, и уменъ больше меня; ты самъ понимаешь, какъ я долженъ глядѣть на тебя, виновника ея проступка. Не говори-же мнѣ болѣе никакихъ оправданій теперь, когда еще оскорбленіе слишкомъ живо, въ моемъ сердцѣ. Поди, и старайся, съ женою своею, оправдать не совсѣмъ истребленную къ ней любовь мою.»

Старикъ говорилъ какъ чувствовалъ, а онъ чувствовалъ какъ отецъ, и при томъ житель маленькаго Нѣмецкаго городка.

Христина ожила при зарѣ надежды услышать отъ своего родителя слова прощенія. Она стала спокойнѣе и принялась за свое маленькое хозяйство съ удивительнымъ усердіемъ. Ломоносовъ получалъ отъ Академіи порядочное жалованье, которымъ

могъ жить, совсѣми удобствами одинокой жизни ; но Христина

умѣла распорядиться такъ, что этого оказалось достаточно имъ двумъ. Она исправляла почти всѣ занятія и даже работы сама. Любовь украшала все это для Ломоносова, и онъ почиталъ себя совершенно счастливымъ человѣкомъ. Часто, глядя какъ Христина заботилась объ устройствѣ домашней жизни, онъ не могъ насмотрѣться на нее и тихо благодарилъ Бога за свое счастье.

Ученая дѣятельность его возобновилась. Онъ опять сталъ усердно посѣщать лекціи , и часто являться къ Вольфу. Этотъ знаменитый человѣкъ, живя въ маленькомъ городѣ, не могъ не слышать о женитьбѣ Ломоносова, которая привела въ движеніе всѣ круги и кружки Марбургскаго общества. Однакожь онъ не говорилъ ему своего мнѣнія до тѣхъ поръ, пока самъ Ломоносовъ не сказалъ уважаемому имъ Профессору о своей женитьбѣ. **Вольфъ** конечно смотрѣлъ на это глазами философа , однакожь почель обязанностью своею замѣтить молодому человѣку , отданному нѣкоторымъ образомъ подъ его покровитель-

ство, что онъ поступилъ очень необдуманно. Ломоносову больно показалось такое мнѣніе , и это выразилось на лицѣ его.

«Не оскорбляйтесь моими словами ,» сказалъ **Вольфъ** , «и дайте мнѣ выразить вамъ подробнѣе мысль мою. Бракъ—необходимое условіе въ

жизни , необходимое до такой степени , что человѣкъ не женатый кажется существомъ, не исполнившимъ своего назначенія, одинокимъ среди людей, эгоистомъ, который уклоняется отъ самой тяжелой обязанности , налагаемой на него условіями жизни въ мірѣ. Но это лишь вещественное назначеніе человѣка; для него не долженъ онъ забывать другой, не меньше важной обязанности своей : дѣйствовать въ мірѣ нравственномъ. Это призваніе Людей , узнавшихъ мірѣ не съ одной вещественной стороны. Они должны иногда отказываться отъ всѣхъ другихъ обязанностей, для того чтобы дѣйствовать въ мірѣ нравственномъ. Съ такимъ-то высокимъ назначеніемъ были установлены обитатели монаховъ, гдѣ человѣкъ навѣки отдѣлялся отъ всего вещественнаго , и посвящалъ себя един-

ственно духовнымъ подвигамъ. Сообразите, что былъ-бы теперь міръ безъ этого великаго установленія ? Кто показалъ намъ истинный духовный , лучшій міръ, какъ не отшельники , не монахи ? Теперь эти дѣйствователи, силою времени и обстоятельствъ, ослабѣваютъ и удаляются съ своего поприща (⁴). Мѣсто ихъ должны заступить мы , такъ называемые *ученые*. Бы, человекъ предназначенный

судьбой и отечествомъ къ ученому званію, вы вдругъ перешли теперь къ жизни семейной, которая необходимо отвлечетъ васъ на нѣкоторое время отъ прямого пути къ цѣли вашей.

— Я все еще не понимаю, Г. Профессоръ: неужели человекъ ученый не долженъ жениться?

« Напротивъ : *долженъ*, но вы можете-ли назвать себя ученымъ? Рѣшите сами.

Ломоносовъ поникнулъ головой.

«Позвольте мнѣ выразиться проще, но яснѣе: только имѣя аттестатъ на званіе ученаго могли вы вступить въ новую обязанность. Теперь-же, вы будете имѣть на себѣ двѣ обязанности , которыя могутъ показаться вамъ

тягостны. Впрочемъ— прибавиль **Вольфъ** улыбаясь—я увѣренъ, что сила вашего духа подкрѣпитъ васъ.

Послѣ этого разговора, **Вольфъ** уже никогда не говорилъ съ Ломоносовымъ о его жеманствѣ, какъ-бы давая тѣмъ разумѣть, что не хочетъ вспоминать о проступкѣ своего ученика.

Но что люди почитали проступкомъ, въ томъ Ломоносовъ видѣлъ величайшее свое счастье. У него оказывался недостатокъ въ деньгахъ ; но добрая жена умѣла вознаградишь это экономіей, и онъ почти не замѣчалъ нужды, часто грозившей ему. Онъ восхищался добрымъ сердцемъ и милымъ характеромъ своей жены,

которая, казалось, жила только для его утѣшенія. И дѣйствительно, все, что можетъ изобресть нѣжная предупредительность любви и дружбы, все было истощено ею. Сверхъ того, она выражала каждымъ поступкомъ своимъ такую довѣренность къ мужу, что онъ иногда былъ готовъ стать передъ нею на колѣни и еще разъ поклясться въ вѣчной любви.

Въ то время, когда такъ тихо и мирно катились дни Ломоносова , онъ вдругъ узналъ о побѣдѣ, одержанной Русскими войсками подъ Хотиномъ. Это сдѣлало па него впечатлѣніе радостное и сильное. Въ отдаленіи отъ отечества, среди чужеземцевъ, въ глуши раздались передъ нимъ побѣдные громы Россіи. Волненіе чувствъ его сдѣлалось наконецъ такъ живо и сильно, что онъ рѣшился выразить его на бумагѣ. Въ первый разъ посѣтилъ его истинный восторгъ , и онъ написалъ оду, которая начинается такъ :

**Восторгъ внезапный умъ- плѣнилъ,
Ведеть на верхъ горы высокой, и проч.**

Лицо его горѣло и дыханіе прерывалось, когда онъ окончилъ оду. Онъ сталъ перечитывать: хорошо ! Но всего больше, радовало его , что онъ написалъ свою оду новымъ размѣромъ, въ подражаніе знаменитой Гинтеровой одѣ Принцу

Евгенію. Тогда не почиталось грѣхомъ , просто , переводить цѣлыя строфы изъ извѣстныхъ чужеземныхъ стихотвореній и выдавать ихъ за свои ; однако Ломоносовъ воспользовался этимъ правомъ очень

умѣренно , такъ что сличая его оду съ Гинтеровой, почти не найдете близкаго подражанія: оно болѣе замѣтно въ общности, въ тонѣ и оборотахъ.

Такъ родился подъ перомъ его *ямбическій, стихъ*, надолго оставшійся первенствующимъ въ Русскомъ стихотворствѣ! Ода на взятіе Хотина была первымъ истиннымъ стихотвореніемъ , не Русскимъ , а правильнымъ , гармоническимъ, доказывающимъ гибкость и величіе Русскаго языка.

Творецъ этой оды былъ такъ доволенъ ею, такъ убѣжденъ въ ея достоинствѣ, что рѣшился послать ее въ Петербургъ , къ бывшему тогда Президентомъ Академіи Наукъ , Барону Корфу. Въ письмѣ къ нему онъ объяснялъ, что ода написана размѣромъ новымъ, неслыханнымъ дотолѣ въ Русскомъ стихотворствѣ.

Этотъ опытъ показываетъ, что Ломоносовъ не переставалъ заниматься стихами и сдѣлалъ въ теоріи ихъ большіе успѣхи. Необыкновенный взглядъ его производилъ новое во всемъ, куда ни проникалъ онъ: такая принадлежность генія ; онъ можетъ оши-

баться, но никогда не идетъ по чужимъ слѣдамъ.

Между тѣмъ, ни идиллическая жизнь, ни стихи, ни что не могло отвлечь его отъ любимыхъ занятій точными науками. Онъ слушалъ Вольфа, любилъ углубляться въ блестящія его изслѣдованія; но собственно Философія не была удѣломъ нашего соотечественника, потому что въ ней всѣ искали не того, чего искать должно. Она была собраніемъ предположеній и гаданій, больше или меньше удачныхъ; но метода изслѣдованія оставалась только въ немногихъ, геніальныхъ головахъ. Потому-то Ломоносовъ оказалъ всего меньше успѣховъ въ Философіи. Умъ его болѣе склонялся къ наукамъ и знаніямъ опытнымъ, каковы Химія, Металлургія, и Физика, бывшая также сборомъ опытовъ по разнымъ частямъ Естествознанія. Тутъ онъ дѣлалъ чудеса и удивлялъ своихъ учителей проницательностью. Работая съ Профессоромъ Химіи въ лабораторіи, онъ вскорѣ сдѣлался любимымъ его помощникомъ; Профессоръ Металлургіи предвѣщалъ въ немъ отличнаго ученаго по

Горной части; Профессору Физики онъ дѣлалъ всѣ опыты съ необыкновенною ловкостью и смѣтливостью. Часто цѣлые дни занимался онъ съ ними , и только отдыхать возвращался домой. Послѣ трудныхъ умственныхъ занятій , человѣку необходимъ отдыхъ, и духомъ и тѣломъ. Проводя большую часть дня въ Университетѣ со своими Про-

фессорами , Ломоносовъ возвращался домой и посвящалъ остальное время дружескимъ разговорамъ съ женою , занятіямъ Словесностью , чтенію. Онъ читалъ много , особенно писателей Нѣмецкихъ, такъ что сдѣлался совершенно знакомъ съ тогдашнею, еще бѣдною Нѣмецкою Словесностью. Незамѣтно выучился онъ, почти самъ собою , Французскому языку, и читалъ Французовъ, у которыхъ не задолго былъ *великій векъ* Словесности , какъ называли они время Расина , Мольера , Буало , Лафонтена. Древніе не переставали занимать его : Цицеронъ, Горацій, Овидій, и отчасти Греческіе писатели, не сходили съ письменнаго столика Ломоносова. Все это называлъ онъ отдыхомъ. Но истиннымъ отдыхомъ его было то время , когда онъ не

дѣлалъ ничего и наслаждался тихою семейною жизнью, или училъ жену свою Русскому языку и рассказывалъ ей о Россіи многое, что возобновлялось въ памяти его, при мысли о милomъ отечествѣ.

« Знаешь-ли, Христина! » сказалъ онъ ей однажды. « Иногда мнѣ кажется , что я не поѣду въ Россію.

— Почему-же, Михайло ?

« Мнѣ такъ хорошо здѣсь; я нашель столько счастья жить тамъ, гдѣ твоя родина, что кочу сберечь его, это счастье , и не смотря на всю привязанность къ отечеству, боюсь разстроить наши тихіе , мирные дни новымъ переселеніемъ.

— Ахъ, нѣтъ, Михайло! я не хочу чтобы ты разстался навсегда съ отечествомъ , твоею Россією. И что называешь ты нашимъ счастіемъ? Любовь нашу? Но я буду вездѣ съ тобой. Любовь отца? Но... онъ изгналъ меня и не хочетъ видѣть.

Она прослезилась.

« Отецъ скоро примирится съ нами, милая Христина. Онъ такъ добръ ! И всѣ здѣсь такъ добры! Въ отечествѣ, я не зналъ никакихъ

наслажденій; тамъ всѣ были чужды мнѣ; а здѣсь я нашелъ тебя, и съ тобой цѣлый міръ счастья!

— Я не могу противорѣчить тебѣ, потому что не знаю ничего кромѣ своего города, и никого кромѣ немногихъ родныхъ; однако мнѣ кажется, что тебѣ надобно возвратиться въ Россію.

«Для чего, Христина?»

— Не умѣю объяснить этого. Ты здѣсь какъ будто не на своемъ мѣстѣ; тебѣ надобно что-то другое.

Ломоносовъ задумался. Простое чувство женщины было вѣрнѣе его ума, обширнаго, но увлекаемаго воображеніемъ и непостояннаго въ привязанностяхъ! Это поразило его, когда онъ обдумалъ слова Христины. Идиллическая

жизнь увлекла его до такой степени, что онъ былъ готовъ забыть для нея все: отечество, назначеніе свое, и даже цѣль жизни. Мы уже видѣли много такихъ мгновенныхъ его, вспышекъ; увидимъ ихъ и дальше.

Дни черезъ два послѣ этого разговора, неожиданно явился къ нимъ отецъ, портной.

Нѣсколько мѣсяцевъ не видался онъ со своею дочерью , и во все это время тщательно наблюдалъ за нею. Онъ былъ знакомъ почти со всѣми въ городѣ, легко находилъ случай узнать, каково живетъ она съ мужемъ , чѣмъ занимаются они, каково идетъ ихъ хозяйство, и обо всемъ этомъ слышалъ однѣ похвалы. Черезъ, хозяина дома, гдѣ жили они , особенно развѣдалъ онъ, что дочь его много печалится о разлукѣ съ отцомъ и часто плачетъ. Наконецъ это расшевелило *благоразумное сердце* его , и онъ рѣшился заключить торжественное примиреніе съ бѣглянкою-дочерью и съ похитителемъ-мужемъ ея.

Христина заплакала , закричала , когда увидѣла отца, и хотѣла броситься къ нему, но онъ протянулъ руку—удержать ее отъ этого, и потомъ сказалъ наставительную рѣчь, какъ дурно поступила она , какое право имѣлъ онъ сердиться на нее, какъ дорого она должна цѣнить любовь отцовскую, которая одна заставляеть его теперь забыть все, и снова принять

заблудшую дочь въ милость и покровительство. Послѣ этого онъ подошелъ къ ней,

поцѣловаль ея въ лобъ, даль ей поцѣловать свою руку, и произнесъ маленькое наставленіе Ломоносову. Тотъ не могъ наконецъ выдержать этого церемоніала и кинулся обнимать старика. Краснорѣчіе его довершило все остальгное. Старикъ самъ растрогался, расцѣловаль своихъ дѣтей и предложилъ имъ переѣхать къ нему въ домъ.

«Если-бъ ты знала, какъ грустно мнѣ было оставаться сиротой!» сказалъ онъ дочери. «Я привыкъ къ тебѣ, и безъ тебя никто не могъ угодить мнѣ, ни въ чемъ!»

—Папенька!—говорила она, цѣлуя руку отца. —Я не смѣю надѣяться вознаграждать когда нибудь за огорченіе, которое сдѣлала вамъ но неопытности своей! Но, жизнь моя будетъ посвящена вашему утѣшенію.

Дѣло сладилось. Ломоносовъ переѣхаль съ женою къ отцу ея, и старикъ скоро забылъ свой гнѣвъ. Христина угождала отцу со всѣмъ усердіемъ дочери, желающей загладить вину свою. Единственнымъ признакомъ недавняго разлада ихъ оказалось то, что Христина съ мужемъ должна была имѣть свое хозяйство: старикъ не хотѣлъ, да и не могъ ничего да-

вать ей на издержки. Слабое здоровье, еще болѣе разстроенное лѣтами и работою, не

позволяло ему заниматься ремесломъ своимъ съ бывалымъ прилежаніемъ. Во время отсутствія дочери, онъ отпустилъ почти всѣхъ своихъ работниковъ и отъ того доходъ его уменьшился до крайней степени. «Живите какъ умѣете,» говорилъ онъ Христинѣ. «Я не въ силахъ помогать вамъ ничѣмъ, кромѣ квартиры, которою можете вы пользоваться.»

Ломоносовъ, который никогда не заботился о пропитаніи, не хотѣлъ и теперь думать объ этомъ. Онъ сказалъ старику, что надѣется на собственныя свои силы, и никогда не потревожить его просьбой о деньгахъ. Однако вскорѣ обстоятельства должны были перемениться, и Ломоносову пришлось испытать горькія непріятности, которыхъ не зналъ онъ прежде.

Глава XII.

Еще разъ жизнь въ Марбургѣ улыбнулась Ебѣдному пришельцу: у Ломоносова родилась дочь. Заботы, неизбѣжныя при этомъ важномъ семейномъ событіи, не мѣшали ему радоваться и раздѣлять свою радость съ женою, которая сдѣлалась для него существомъ, еще болѣе драгоцѣннымъ. Но тутъ-же счастье его было смущено непріятностью, которой онъ не предвидѣлъ: у нихъ не было денегъ, даже на расходы, необходимые при рожденіи дитяти. Ломоносовъ увидѣлъ себя принужденнымъ продать за безцѣнокъ нѣсколько дорогихъ для него книгъ, и войти въ новые долги у лавочника, которому уже былъ долженъ, забирая всякій вздоръ для хозяйства. Жена его въ послѣднее время и послѣ рожденія дитяти не могла сама хозяйничать, и отъ того деньги шли безъ толку, подъ завѣдываніемъ Ломоносова. Онъ былъ такъ не экономенъ, такъ щедръ, что скоро положеніе его сдѣлалось ужасно. Хлѣбникъ

пересталь отпускать ему хлѣбъ, а лавочникъ всякую другую провизію, когда эти люди узнали, что молодой должникъ ихъ продаетъ послѣднія свои вещи. Мало этого : они начали настоятельно требовать своихъ денегъ, а заплатить было нечѣмъ. Съ большимъ трудомъ успокоилъ ихъ Ломоносовъ, уговоривши подождать до полученія трешнаго его жалованья. Они согласились, но между тѣмъ надобно было каждый день пить и ѣсть. Ломоносовъ отыскалъ новаго лавочника, который рѣшился отпускать ему въ долгъ необходимые съѣстные припасы. Хлѣбъ покупалъ онъ на деньги, занимая по нѣскольку грошей у своихъ това-

Наконецъ третное жалованье было получено, и Ломоносовъ спѣшилъ разсчитаться съ своими кредиторами; но долгъ превышалъ всѣ полученныя имъ деньги. Онъ принужденъ былъ сдѣлать уплату, и оставить ничтожную сумму себѣ на расходы. Кредиторы его успокоились, но онъ уже почувствовалъ всю тягость бѣтъ должникомъ, и со страхомъ думалъ о будущемъ. Въ первый разъ узналъ онъ цѣну деньгамъ !... Прежде, одинокій, без-

заботный, онъ проводилъ иногда цѣлые дни пополамъ съ голодомъ, и забывалъ это углубляясь въ свои занятія. Но теперь, на рукахъ его были два беспомощныя, елабыя существа: жена и малютка дочь. Онъ могъ

терпѣть нужду самъ и не жаловаться на это; но заставлятъ ихъ терпѣть — это было выше его силъ ! Сверхъ того, прежде онъ не зналъ; что такое значило : быть должнымъ ; а теперь онъ испыталъ горестъ этихъ словъ , и съ отчаяніемъ видѣлъ, что долги его не только не уменьшались, но выросли непрерывно, какъ головы баснословной гидры.

Жена его долго не могла оправиться отъ болѣзни, а онъ не зналъ, что она своею неусыпною работою, шитьемъ, вязаньемъ, подкрѣпляла бѣдные доходы его, которыхъ и прежде не могло-бы доставать имъ на содержаніе. Теперь, слабость силъ не позволяла ей работать, а расходы и долги увеличились. Она сберегала многое также своею хозяйственностью, а теперь у нихъ жила наемная женщина, которая, кромѣ того что стоило ей содержаніе, умножала расходы своимъ плохимъ усердіемъ. И все это пало на неболь-

шое жалованье , которое получалъ Ломоносовъ отъ Академіи; такъ что онъ вдругъ увидѣлъ себя окруженнымъ нуждою, бѣдностью и долгами неоплатными.

«Боже мой ! чѣмъ-же все это кончится? » думалъ онъ, когда безобразная нищета напоминала ему о себѣ. «Если-бъ я былъ въ Россіи, то могъ-бы найди себѣ какую нибудь работу; а здѣсь , на чужой сторонѣ , въ чужомъ городѣ, что стану я дѣлать? Я не гожусь даже и въ пи-

саря Нѣмцамъ! Да и гдѣ мнѣ взять времени, котораго едва достаетъ на необходимыя ученія занятія и на заботы о больной женѣ! Неужели сбудется предвѣщаніе Виноградова ?... о Боже! избавь меня хоть отъ этого униженія! Меня какъ ребенка останавливали отъ женитьбы , и я не хотѣлъ никого слушать, я затыкалъ уши отъ ихъ *благоразумныхъ совѣтовъ*, жертвуя всѣмъ для доброй моей Христины. Я говорилъ имъ правду, увѣряя , что буду счастливъ съ нею ; я точно счастливъ ; но эта проклятая нужда !... Признаюсь, я не предвидѣлъ, что такъ тяжело съ нею раздѣлываться. Но , вооружусь всѣми силами

! Провидѣніе уже не разъ спасало меня отъ непріятностей и прискорбій, можетъ быть не меньше страшныхъ.»

Такъ всегда оканчивалъ Ломоносовъ размышленія свои объ угрожавшихъ ему бѣдствіяхъ, и вѣра въ Провидѣніе всегда оправдывала его надежды. Почти то-же случилось и теперь.

Вольфъ прислалъ за нимъ.

« Я получилъ отъ Петербургской Академіи,» сказалъ онъ Ломоносову, «новое распоряженіе. Видя изъ полученныхъ ею отъ меня свѣдѣній, что вы оказываете особенные успѣхи въ Металлургіи, она желаетъ, чтобы вы съѣздили во Фрейбергъ, къ извѣстному Бергъ-Рату Генкелю, и занялись подъ его руководствомъ Горнымъ Дѣломъ практически. Для поѣздки вашей

Прислана особенная сумма денегъ , которую я и вручу вамъ.

—Съ благодарностію исполню волю Академіи — сказалъ Ломоносовъ.— Но прежде позвольте мнѣ благодарить васъ, потому что, безъ сомнѣнія, вамъ обязанъ я этимъ новымъ случаемъ къ усовершенствованію

себя въ любимой моей наукѣ.

« Я писалъ въ Академію то , что видѣлъ ; впрочемъ, отправить васъ къ Генкелю точно совѣтовалъ я, и увѣренъ, что это будетъ для васъ полезно.

— Я уже столько знаю о заслугахъ Г-на Бергъ-Рата въ наукѣ , что почту особеннымъ счастіемъ заняться Металлургіею подъ его руководствомъ.

«Тѣмъ болѣе, что вы должны прожить у него цѣлый годъ.

— Цѣлый годъ ?... да, конечно это большая выгода.

Вольфъ не хотѣлъ понимать истиннаго смысла этого восклицанія, хотя и видѣлъ, что Ло моносовъ не совсѣмъ-то былъ радъ такой долговременной разлукѣ съ семействомъ.

«Теперь извольте получить инструкцію Академіи , и жалованье за годъ , съ прибавкою на переѣзды.

Тутъ онъ вручилъ Ломоносову довольно значительную сумму денегъ, далъ всѣ необходимыя наставленія и письмо къ Генделю.

Ломоносовъ не зналъ , возвращаясь домой, радоваться-ли ему или печалиться? Онъ бы-

ль радъ неожиданному пособию въ деньгахъ, не думая, что онъ понадобятся ему на путешествіе; но разлука съ женой и маленькой дочерью навѣвала тоску на его сердце. Онъ размышлялъ еще и о томъ , какъ объявить о своей поѣздкѣ женѣ, не совсѣмъ оправившейся отъ болѣзни? Но пришедши домой, онъ принялъ веселый видъ и сказалъ :

«Христина! знаешь-ли, что я принесъ съ собой кучу денегъ?

— Денегъ? На что ихъ намъ много? Да и не откуда получить ихъ тебѣ, милый другъ.

Тутъ съ величайшею осторожностью началъ онъ описывать ей свое свиданіе съ **Вольфомъ**, и намекнулъ о поѣздкѣ во Фрейбергъ.

—Такъ что-же? — сказала Христина. — Если это для твоей пользы, я очень рада перенести самую тягость разлуки. Неужели ты думаешь, что я буду печалиться , когда вижу полезное для тебя ? Напротивъ , Михайло ! я рада для тебя на всѣ лишенія.

«Милая, милая Христина! Точно эта поѣздка будетъ полезна для моего усовершенствованія

въ наукѣ; но разлука съ тобой.... Я не смѣлъ и думать объ этомъ, не смѣлъ сказать тебѣ....

— Ты мало довѣряешь моей любви къ тебѣ. Скажи только: на долго-ли расстаемся мы ?

Ломоносовъ молчалъ.

— Неужели на цѣлые годы ?

« На одинъ годъ , Христина , но на цѣлый годъ !

— Такъ что-же ? — сказала она стараясь сохранить спокойный видъ?—За то, какъ весело будетъ намъ свидѣться. ... Ты будешь писать ко мнѣ, будешь любить меня , такъ-же какъ теперь.

«О , для чего не могу я выразить тебѣ всей любви моей ! Каждое слово твое , Христина, есть слово чистой, ангельской души.

Онъ съ жаромъ обнялъ ее.

«По крайней мѣрѣ я буду спокойнѣе отъ того, что мы, слава Богу, можемъ заплатить наши долги. Для поѣздки получилъ я много денегъ. Но я возьму съ собой какую нибудь бездѣлицу, Пойду пѣшкомъ, а остальное заплачу заимодавцамъ, и отдамъ тебѣ. Ты не будешь знать никакой нужды.

— Я рада, что ты будешь отъ этого

спокойнѣ; но идти пѣшкомъ во Фрейбергъ невозможно: ты долженъ ѣхать туда.

« Напротивъ, я долженъ идти , во-первыхъ для того что сберегу этимъ сколько нибудь денегъ; а во-вторыхъ , такимъ образомъ я лучше узнаю Саксонію , которую видѣлъ только мимоходомъ.

— Но ты дорожишь моимъ спокойствіемъ, а я дорожу твоимъ; я стану меньше беспокоиться, когда буду знать , что ты не утомляешь себя пѣшеходствомъ.

Ломоносовъ обѣщалъ наконецъ исполнить ея желаніе. Послѣ этого , Христина съ величайшимъ мужествомъ начала приготовлять все необходимое для его путешествія : уклада въ небольшой чемоданъ платье и бѣлье мужа , которое содержала всегда въ возможномъ порядкѣ ; положила туда-же нѣсколько книгъ , назначенныхъ имъ самимъ ; наконецъ приготовила особенное платье для дороги.

Съ любовью и благодарностью смотрѣлъ Ломоносовъ на добрыя заботы ея и цѣловалъ попеременно то милую жену, то маленькую дочь свою. Въ слѣдующее утро , надобно было

разстаться. Христина хотѣла провожать мужа за городъ, но онъ уговорилъ ее не дѣлать этого. Нѣсколько слёзокъ, вырвавшихся насильно изъ глазъ ея, были единственнымъ признакомъ сердечной тоски, которая угнетала эту добрую женщину. Ломоносовъ спѣшилъ къ почтовому двору и тамъ сѣлъ въ общую карету.

Ему было очень грустно въ первый день; но сердце его постепенно успокоивалось; въѣхавши въ Саксонію, онъ могъ даже наслаждаться красотами природы этой очаровательной страны. Прелестна Саксонія лѣтомъ, въ свѣтлое утро, когда каждая деревенька ея представляетъ ландшафтъ, передъ которымъ ничтожны всѣ знаменитыя картины Пуссей и Бергемовъ! Но всего прелестнѣе южная часть ея, граничащая съ Богемією. Тутъ сама природа, кажется, помогала жителямъ устраивать неожиданныя, живыя картины. Тутъ дикія красоты смѣшаны съ привлекательнымъ устройствомъ образованности; шутъ живописные холмы и горы, лѣса и сады, виноградъ и дубъ, какъ будто наперерывъ стараются приковать къ себѣ вниманіе путе-

шественника, между тѣмъ какъ добрые жители обновляютъ для него патріархальныя времена и старую добродѣтель гостепріимства.

, На границѣ Саксоніи Ломоносовъ выско-чилъ изъ кареты и пошелъ пѣшкомъ. Онъ уже такъ сблизился съ Нѣмецкими нравами, что это путешествіе казалось ему пріятною прогулкою среди родныхъ , близкихъ сердцу. Почтенные Нѣмцы торжествуютъ семейною жизнію; а Ломоносовъ былъ теперь семьянинъ, и не разъ картина матери съ малюткою на рукахъ заставляла его вздыхать о разлукѣ съ Христиной.

Впрочемъ , путешествіе его скоро кончилось, потому что переходъ отъ границы Саксоніи до ея средоточія не великъ. Оставивъ Дрезденъ влѣво , Ломоносовъ приблизился къ Фрейбергу, знаменитому своими горными заведеніями. Въ городѣ , видъ соборной церкви поразилъ его какимъ-то сходствомъ съ церквами Москвы , и онъ рѣшился осмотрѣть на досугъ этотъ великолѣпный храмъ.

Отдохнувъ и оправившись отъ дороги, уже на другой день Ломоносовъ явился къ буду-

щему покровителю своему, Бергъ-Рату Генкелю.

Это былъ человѣкъ старый, въ огромномъ парикѣ, и съ необыкновенно-важною осанкою, учтивый и словоохотный. Онъ раскланялся съ Ломоносовымъ, и когда узналъ, что тотъ прїѣхалъ съ письмомъ отъ знаменитаго **Вольфа**, усадилъ его, прося позволенія прочесть письмо Г-на Профессора. Изъ письма увидѣлъ онъ, что Ломоносовъ Рускій, что **Вольфъ** рекомендуетъ его, какъ отличнаго по способностямъ и знаніямъ своимъ молодого человѣка.

—Очень радъ, весьма радъ, чрезвычайно радъ, Г. Ломоносовъ, способствовать вашимъ ученымъ трудамъ—сказалъ Генкель.—Вы особенно посвящаете себя Металлургіи?

«Я люблю эту науку, и желалъ-бы въ ней усовершенствоваться. Кажется, ни гдѣ не могу

достигнуть этой цѣли такъ вѣрно какъ во Фрейбергѣ, подъ вашимъ руководствомъ.

— Благодаренъ вамъ, очень, премного благодаренъ! Но я увѣренъ также, что встрѣчу въ васъ необыкновеннаго ученика. Петер-

бургская Академія, которую глубоко уважаю, и Г. Профессоръ **Вольфъ**, къ которому питаю величайшее почтеніе, свидѣтельствуя о вашихъ необыкновенныхъ способностяхъ.

«Извините, Г. Бергъ-Рать, если я попротиворѣчу вамъ: въ Россіи еще такъ мало занимающихся науками, что даже усердіе къ нимъ награждаютъ выше заслугъ; потому-то Петербургская Академія отправила меня сюда, и дала благодѣтельныя средства слышать наставленія ученыхъ мужей. А Г. Профессоръ **Вольфъ мой** благодѣтель; я еще не успѣлъ заслужить того, что онъ дѣлаетъ для меня.

—Благоразумно, похвально и почтенно изволите говорить! Но въ Россіи теперь великія дѣла совершаются. Давно-ли мы слышали о Рускихъ—извините—какъ о варварахъ; а теперь, мы бесѣдуемъ съ вами объ ученыхъ матеріяхъ!

Такъ продолжался разговоръ съ полчаса, и Ломоносовъ не замѣтилъ въ Генкелѣ никакихъ отличныхъ свѣдѣній, ни даже отличнаго ума. Казалось, это былъ добрый старикъ, не блиставшій ни ученостью, ни даромъ сло-

ва. Но

когда, на другой день, Ломоносовъ увидѣлъ его въ обширной Фрейбергской лабораторіи; когда Генкель началъ дѣлать передъ нимъ различные опыты, изъяснять ему разные законы Химіи и сообщать новыя открытія и наблюденія свои, тогда Ломоносовъ былъ готовъ чистосердечно раскаяться во вчерашнемъ мнѣніи о немъ.

Въ самомъ дѣлѣ, многіе, ученые мужи бывають велики только передъ своимъ предметомъ, и кажутся менѣе нежели обыкновенными людьми въ разговорахъ общихъ. Привычка-ли устремлять весь свой умъ на любимый, избранный предметъ, и невниманіе ко всему остальному, или особенное устройство умственныхъ органовъ тому причиной, только такихъ людей встрѣчается много. Къ числу ихъ принадлежалъ и Генкель. Его можно было назвать гениемъ опытной Химіи: тутъ онъ являлся великъ, поучителенъ, гениаленъ, и **Вольфъ** не ошибся отправивши къ нему Ломоносова, которому надобно было только соприкосновеніе необыкновеннаго въ какой-либо части челоуѣка; а въ Генкедѣ онъ на-

шель еще и опытнаго руководителя; замѣтивши въ молодомъ человѣкѣ особенную страсть къ Металлургіи и Химіи, Генкель раскрылъ передъ нимъ все богатство своей опытности и занималъ его часто, и по многу часовъ, забывая время. Тутъ и словоохотность его превращалась въ краснорѣчіе, и страсть къ своему занятію дѣлалась путеводною звѣздою для молодаго ученаго. Больше ничего и не нужно било для Ломоносова : онъ оказалъ успѣхи неимовѣрные.

Но не въ одной только лабораторіи занимался онъ. Генкель водилъ его въ славные Фрейбергскіе рудники, откуда, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, люди выкопали громадное количество серебра. Но и серебро, благородный металлъ, требуетъ очистки. Для этого-то были устроены во Фрейбергѣ превосходныя заведенія. Тогда еще не было тамъ преобразователя Горнаго Дѣла, безсмертнаго Вернера ; но Фрейбергъ процвѣталъ съ пятнадцатаго и даже четырнадцатаго столѣтія. Богатые прииски серебра, открытые около него, какъ полагаютъ, еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи, скоро привлекли

людей. Воздвигся большой городъ, украшенный многими произведеніями Искусства и знаменитый своею Горною Академіею. Тридцатилѣтняя война, этотъ пожаръ цѣлой Германіи, заглушила было дѣятельность Фрейбергскихъ рудокоповъ и славныхъ тамошнихъ заведеній Горнаго Дѣла. Однако упадокъ ихъ былъ не продолжителенъ. Хотя городъ никогда уже не достигъ прежняго своего цвѣтущаго состоянія, однако во время Ломоносова Хлорное Училище было на высокой степени славы. Изъ всѣхъ концовъ образованной Европы сше-

кались туда учиться разработыванію внутренности земли и всѣмъ необходимымъ для этого свѣдѣніямъ.

Ломоносовъ записался вольнымъ слушателемъ въ Училище, взялъ участокъ въ рудникахъ для разработки, и неусыпно обогащалъ себя свѣдѣніями. Генкель посовѣтовалъ ему съѣздить къ горному хребту Богеміи, для осмотра другихъ горныхъ заведеній и для узпанія различныхъ породъ. Ломоносовъ отправился туда пѣшкомъ, и съ мѣсяць бродилъ по хребтамъ Рудныхъ горъ.

Неизобразимое чувство изумленія овладѣло имъ, когда увидѣлъ онъ вдалекѣ Исполинскія горы. Голубыя вершины ихъ показались ему сначала огромными облаками ; потомъ зрѣніе привыкало находить въ нихъ однообразныя, неподвижныя формы ; наконецъ протяженіе ихъ, уходившее въ пространство , казалось безконечною поэзією, которая начиная видимыми , ощутительными предметами, скрывается во глубинѣ души человѣческой. По цѣлымъ часамъ стоялъ Ломоносовъ , глядя на эту огромную поэзію горъ , въ которыхъ сама природа дѣлается поэтомъ. Чего не перечувствовалъ онъ въ эти часы ! Съ какимъ расположеніемъ духа возвращался онъ въ углубленія долинъ и въ обыкновенный атмосферическій воздухъ !

Онъ не забывалъ и находившихся на пути его горныхъ заведеній , гдѣ тщательно осматривалъ все, достойное вниманія. Черезъ нѣсколько недѣль онъ возвратился во Фрейбергъ. Генкель обрадовался увидѣвъ своего любимаго ученика , и когда Ломоносовъ рассказывалъ ему свои наблюденія, онъ дополнялъ и объяснялъ ему то, чего не лзя было

узнать или понять при быстромъ обзорѣ.

Въ это время Ломоносовъ отправилъ въ Петербургскую Академію подробное донесеніе о своихъ занятіяхъ во Фрейбергѣ, о своемъ путешествіи къ Богемскимъ горамъ, и въ заключеніе просилъ позволить ему побывать также въ Гарцѣ и обозрѣть тамошніе горные заводы, для окончательнаго усовершенствованія себя въ Горномъ Дѣлѣ и въ Металлургіи.

Во Фрейбергѣ начались опять прежнія занятія его, Гендель ввелъ Ломоносова въ кругъ ученыхъ своихъ товарищей, гдѣ путешественникъ узналъ многихъ отличныхъ людей и пользовался ихъ наставленіями. Но болѣе всего занимался онъ съ самимъ Генкелемъ, и подъ руководствомъ его совершенно пристрастился къ опытной Химіи, примѣненной къ Горному Искусству. Плавильная печь заставила его позабыть на нѣсколько времени даже Стихотворство.

Между тѣмъ, Для развлеченія, Ломоносовъ гулялъ иногда по городу и осматривалъ примѣчательныя зданія его. Такъ однажды зашелъ онъ въ соборную церковь, которая по-

разила его при первомъ взглядѣ. Разсматривая подробнѣе этотъ великолѣпный храмъ ; Онъ нашель въ немъ прекрасный памятникъ Византійскаго Искуства, такъ называемыя *Златыя Врата*. Стоя передъ ними , онъ сначала благоговѣль , изумлялся художеству : наконецъ душа его обратилась къ отечеству, по какой-то неясной связи Византіи съ Кіевомъ и древнею Русью. Тихими шагами возвращаясь домой, Ломоносовъ сказалъ самъ себѣ: « Прекрасна ты , Германія! прекрасна своимъ народомъ, своимъ просвѣщеніемъ , своими памятниками, искусствами, природою; но моя далекая Россія драгоцѣннѣ моему сердцу!

-Я могу на время оставаться въ странѣ чужой, могу любить ее, даже находить въ ней счастье; но всегда готовъ я летѣть къ тебѣ, мое отечество!... Непостижимая сила родной земли! Что-же такое она? Что составляетъ эту силу, которая такъ-же вѣчно и вѣрно влечетъ насъ къ себѣ , какъ полюсь намагниченное желѣзо?. .. Все! Воздухъ, деревья, камни, развалины, звуки родной земли, лица, знакомыя мнѣ и въ чужихъ людяхъ , солнце , которое иначе сіяетъ надъ моимъ небомъ , гробы от-

цовъ и драгоцѣнный ихъ прахъ , все это мое отече-

ство, все привязываетъ меня къ нему узамъ, неразрѣшимыми и непонятными для холоднаго ума. ... Таково чувство мое къ тебѣ, Россія ! а чувства не умѣютъ давать отчета. »

Другое воспоминаніе занимало его постоянно , и съ живостью возобновлялось въ немъ письмами жены. Она увѣдомляла его о себѣ, но еще болѣе о ихъ дитяти, и Ломоносовъ часто желалъ взглянуть на милыхъ его сердцу. Когда минулъ годъ , назначенный ему для прожитія во Фрейбергѣ, онъ поспѣшилъ въ обратный путь. Генкель далъ ему самое одобрительное свидѣтельство объ успѣхахъ, объ усердіи, дѣятельности и отличныхъ занятіяхъ его. Трогательно было прощаніе Ломоносова съ этимъ старикомъ, который полюбилъ молодаго Русскаго , и, съ жаромъ привязаннаго къ своему занятію челоуѣка, уговаривалъ его распространить въ Россіи истинное познаніе Горнаго Искусства.

Ломоносовъ отправился въ Марбургъ пѣшкомъ , потому что кошелекъ его былъ давно пустъ. Онъ мало взялъ съ собою денегъ,

прожилъ во Фрейбергѣ долго, путешествовалъ, и теперь принужденъ былъ возвращаться въ большой нуждѣ. Еще разъ взглянулъ онъ на Саксонію, которая всегда представлялась ему въ новой красотѣ, и наконецъ, черезъ нѣсколько дней, добрель до жилища своей жены.

Съ восторгомъ бросилась къ нему на шею Христина и долго не могла произнести ни одного слова. Наконецъ она указала ему на маленькую дѣвочку, которая увивалась около нея, и произнесла съ тревогой чувствъ :

— Ты-ли это, Михайло? Тебя-ли наконецъ **Вижу я?**

Онъ, не отвѣчая на вопросы ея, схватилъ на руки дѣвочку, и спрашивалъ въ свою очередь :

« Неужели это дочь наша? неужели это наша Минна? »

— Да, да! это она! Ахъ, Михайло! наконецъ ты опять со мной.

« Съ тобой, милая Христина! Но я и въ разлукѣ любилъ воображать себя подлѣ тебя, любилъ думать, что ты невидимо со мной. »

— А для меня это было однимъ

утъшеніемъ ! И какъ долго длилась наша разлука !... Но ты усталъ, Михайло, ты ужасно усталъ!

Она бросилась и принесла ему ужинъ, бѣдный, приправленный только ея радушіемъ.

Ломоносовъ возвратился вечеромъ , и долго рассказывалъ о своемъ путешествіи, о своихъ впечатлѣніяхъ, и успѣхахъ. Ему было такъ весело дѣлиться съ Христиной всѣмъ , что принесъ онъ изъ своего путешествія! Малютка дочь иногда прерывала его рассказы, и онъ бралъ ее на руки, ласкалъ съ нѣжнымъ чувствомъ ошца, и опять обращался къ своей Христинѣ.

Послѣ людей чуждыхъ, холодныхъ въ самомъ радушіи своемъ, послѣ продажныхъ услугъ наемниковъ и торгашей удобствами, послѣ долгой неволи чувствъ, которымъ нѣтъ простора въ кругу самыхъ благоразумныхъ, самыхъ добрыхъ , самыхъ пріятныхъ , но чужихъ намъ людей, какъ усладительно вдругъ очутиться въ родной семьѣ, въ тихомъ уголкѣ своемъ, среди немногихъ, близкихъ сердцу! Какъ весело взглянуть на всѣ знакомые намъ

предметы! увидѣть радостныя лица любящихъ насъ, и сбросить съ себя вдругъ всѣ труды, все одиночество, всѣ досады пути, для пріятнаго отдыха, Ломоносовъ вполнѣ испыталъ это наслажденіе, и ни одна тревожная мысль не возмутила его радостнаго забытья, ни одно горькое воспоминаніе не отравило его спокойствія въ день свиданія съ женою. А это подарокъ судьбы. Это рѣдкій выигрышъ у слѣпаго счастья.

Глава XIII.

На другой-же день гидра заботы впила въ него. Добрая Христина должна была сказать Ломоносову, что у нея давно истрачены всѣ оставленныя имъ деньги, и что она уже болѣе двухъ мѣсяцевъ принуждена была жить нищенски. Накопилось опять много и долговъ.

Ломоносовъ повелъ рукой по лбу, какъ будто отирая холодный потъ, или требуя совѣта у головы своей, и, скрѣпивъ сердце, сказалъ :

— Я пойду къ Вольфу. Можетъ быть онъ выдастъ мнѣ третное жалованье. Или не пособить-ли намъ отецъ твой, хотъ мнѣ очень не хотѣлось-бы просить у него помощи.

« Онъ не отказался-бы раздѣлить со мной послѣдній кусокъ хлѣба; но, бѣдный, онъ уже давно боленъ; работники его разошлись всѣ, и у него теперъ нѣтъ никакого дохода. Онъ самъ не знаетъ чѣмъ жить.

— Пойду къ Вольфу ! — повторишь Ломоносовъ , и отправился съ надеждой, что и въ этотъ разъ онъ выведетъ его изъ непріятнаго положенія.

Профессоръ Вольфъ принялъ его очень ласково, спрашивалъ о путешествіи, и былъ чрезвычайно доволенъ прочитавъ письмо и аттестатъ, данные ему Генкелемъ.

Наконецъ Ломоносовъ довелъ разговоръ до самаго щекотливаго пункта—денегъ. Онъ всегда робѣлъ, когда надобно было говорить объ этомъ предметѣ, и даже не понималъ, какъ люди умѣютъ такъ свободно разсуждать о деньгахъ? Но онъ произнесъ это слово.

— Денегъ нѣтъ — отвѣчалъ Вольфъ. — Даже нѣтъ назначенія , отъ кого получить ихъ для другаго вашего путешествія.

« Для другаго путешествія , Г. Профессоръ ? Куда ?... А! вѣрно въ Гарцъ ?

— Да, въ Гарцъ. Академія позволяетъ вамъ, послѣ успѣшнаго возвращенія изъ Фрейберга, отправиться въ Гарцскія горы, и обозрѣть ихъ; теперъ вы могли-бы и ѣхать, но для этого не назначено никакой суммы.

« И такъ надобно подождать, Г. Профес-

сорь ?

— Да ; впрочемъ , на путешествіе ваше надобно такъ немного денегъ , что я готовъ дать вамъ для этого своихъ. Отдохните нѣсколько времени , и потомъ можете отправляться.

«Но, признаюсь вамъ, я терплю крайнюю нужду. ...» осмѣлился вымолвить Ломоносовъ.

Вольфъ какъ будто не слыхаль словъ его и спокойно прибавиль :

— Да , черезъ нѣсколько времени надобно вамъ отправиться въ Гарцъ.

Дѣлать было нечего. Съ поникшею головой возвратился Ломоносовъ , и вмѣсто денегъ принесъ женѣ своей извѣстіе — о новой разлуцѣ.

Сердце ея не выдержало: она заплакала и молча прижалась къ своему мужу , какъ будто требуя у него защиты отъ судьбы. Въ это время нѣжнаго , нѣмага объясненія супруговъ , изъ дверей выставилась голова мучителя ихъ , лавочника. Увидѣвши Ломоносова , онъ ввалился въ комнату , началъ кланяться , поздравлять его съ возвращеніемъ , и подалъ длинный счетъ.

Мужъ счастливый , но несчастный хозя-

инъ, былъ готовъ прогнать, выкинуть въ окно этого несноснаго челоуѣка ; но тотъ былъ въ *своихъ правахъ*, требовалъ *своего*, и потому необходимо было *проситъ* его о нѣкоторой отсрочкѣ долга. Лавочникъ съ важностію началъ исчислять свои добродѣтели , довѣрчивость, честность, долготерпѣніе, и довольно нахально требовалъ денегъ. Ломоносовъ собралъ все мужество, и мирно упрашивалъ своего кредитора подождать. Послѣ многихъ кривляній, важни-

чаны и поили грубостей, тотъ согласился ждать еще недѣлю.

Супруги молчали нѣсколько времени; наконецъ Ломоносовъ спросилъ :

— Есть-ли у, насъ что нибудь обѣдать?

Христина съ горькою улыбкою отвѣчала :

« Есть, но очень немного. Кусокъ хлѣба, и тотъ надобно оставить Миннѣ.

Молча взялъ Ломоносовъ со стола. Квинта Курція, подареннаго ему еще въ Заиконоспасской Академіи, и потомъ сказалъ :

— За это дадутъ нѣсколько грошей; покуда этого и будетъ. А тамъ получимъ деньги.

Тяжело вздохнулъ онъ отдавая Христинѣ

книгу, для него драгоцѣнную. Самыя мрачныя мысли темнили его голову, сжимали его душу. Въ такомъ состояніи провелъ онъ съ полчаса, не могъ ничѣмъ заниматься, и наконецъ вышелъ изъ дому, освѣжить себя чистымъ воздухомъ. Онъ шелъ, самъ не зная куда, и вдругъ услышалъ чей-то знакомый голосъ :

« Ломоносовъ ! Ломоносовъ ! »

Онъ поднялъ голову : къ нему подходилъ Шпрингнадель, съ другимъ студентомъ. Ломоносовъ не видалъ его больше года : въ это время Шпрингнадель перемѣнился чрезвычайно, и его лицо, его выраженіе показывали человека, сдѣлавшаго новые успѣхи въ буйной жизни.

Онъ съ веселымъ видомъ, ударилъ стараго знакомаго по рукѣ и вскричалъ :

« Ты , братецъ , совсѣмъ забылъ меня !

— Я долго не былъ въ Марбургѣ.

« Гдѣ-же носился ты ?

— Путешествовалъ.

« Въ самомъ дѣлѣ ? Куда ? Зачѣмъ ?

— Ъздилъ во Фрейбергъ, учился тамъ.

« Чортъ возьми ! Ты безпрестанно учишься !

Давно-ли ворошился къ намъ ?

— Вчера.

« Э, братецъ ! такъ надобно выпить за твое возвращеніе.

Ломоносовъ съ непріятностью вспомнилъ о вечерѣ, проведенномъ имъ на пирушкѣ у Шпрингнаделя, и рѣзко сказалъ ;

— Ты знаешь, что я далъ себѣ слово не пить съ тобой никогда.

« А ты еще не забылъ этого ? Стыдись, братецъ ! Я хотѣлъ тебѣ-же сдѣлать удовольствіе. Впрочемъ, теперь мы не будемъ пить много : на троихъ одну бутылку.... Кста-ти мы подлѣ знакомаго погребщика.

Ломоносовъ согласился, можетъ быть даже потому, чтобы отвязаться отъ Шпрингнаделя. Въ первый разъ вошелъ онъ въ подземное жилище , называемое погребомъ. Шпрингнадель, какъ обычный гость, велѣлъ подать бутылку вина и закуску. Ломоносовъ чувствовалъ и го-

лодь и жажду: онъ съ удовольствіемъ пилъ, ѣлъ, и не замѣтилъ какъ товарищъ его велѣлъ подать другую бутылку. Вино прогнало его мрачныя мысли. Живой разговоръ съ пріятелями, которые были оба не глупые ре-

бята , разсѣялъ его еще больше, такъ что онъ на время забылъ далее свое горе, и расставаясь съ Шпрингнаделемъ искренно благодарилъ его за это.

Домой возвратился онъ, что называется, въ веселомъ расположеніи, и это состояніе чрезвычайно понравилось ему. На другой день, когда опять домашнія заботы окружили его, онъ былъ готовъ искать сотоварищества Шпрингнаделя.

Въ крайней бѣдности провелъ онъ недѣлю, безпрестанно мучимый мѣлкими заботами о жизни. Продать было нечего, потому что кромѣ нѣсколькихъ книгъ онъ не имѣлъ ничего, ни даже лишней одежды. Безпрерывныя нападенія мѣлкихъ заимодавцевъ были довершены приступомъ лавочника, которому Ломоносовъ задолжалъ довольно порядочную сумму. Этотъ несносный челоуѣкъ требовалъ ея настоятельно. Напрасно умолялъ его Ломоносовъ подождать еще нѣсколько времени : лавочникъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ уплаты, и въ противномъ случаѣ грозилъ ему тюрьмою. Онъ ушелъ наконецъ; но слово: *тюрьма*, зазвенѣло въ ушахъ бѣднаго

должника чрезвычайно неприятно.

— Вотъ чѣмъ должно кончиться это ! — вскричалъ онъ. И въ головѣ его явилась пагубная мысль : прогнать свое горе виномъ. Онъ тотчасъ отправился къ Шпрингнаделю, но, какъ челоуѣкъ, незнакомый съ развратомъ, напередъ сыскалъ причину идти къ нему.

« Я попрошу у него денегъ займы: мнѣ теперь дорогъ и одинъ талеръ; а сверхъ того, этотъ весельчакъ прогонитъ мое горе. »

Онъ засталъ Шпрингнаделя дома, и въ самомъ дѣлѣ, тотъ отдалъ ему всѣ свои деньги (нѣсколько талеровъ), накормилъ его славнымъ завтракомъ, и отпустилъ утѣшеннаго виномъ. Обстоятельства Ломоносова поправились немного отъ этого, но нравственная сила его погибла. Онъ заплатилъ нѣкоторые долги и могъ просуществовать нѣсколько времени; но за то при всякой неприятности шелъ къ друзьямъ, разгонять свое горе. Дошло до того, что даже послѣднія, чужія деньги онъ тратилъ иногда на бутылку вина, и сначала тайно отъ Христины, а потомъ и при ней пилъ и веселился.

Нужно-ли говорить, какъ огорчало, какъ

печалило это бѣдную его жену ? Она покушалась иногда совѣтовать ему бросить своихъ безпорядочныхъ пріятелей, но Ломоносовъ не слушалъ ея. Въ минуты бурныя онъ становился звѣремъ, и тогда бѣдная Христина принуждена

была укрываться отъ него, и плакать въ какомъ нибудь уголкѣ. Состояніе отца ея совершенно разстроилось, и это еще болѣе увеличивало ея страданія.

Такъ прошло нѣсколько времени. Хозяйство Ломоносова уже давно не существовало, долги увеличились болѣе прежняго. Но присутствіе ума, но свѣтлыя помышленія не переставали одушевлять его въ занятіяхъ ученыхъ и поэтическихъ. Онъ посѣщалъ Университетъ уже не такъ часто какъ прежде, но это было и не нужно, потому что курсы были всѣ пройдены, и онъ болѣе для удовольствія и развлеченія ходилъ иногда на лекціи. Но тѣмъ прилежнѣе занимался онъ теоріею Русскаго языка, и особенно стихотворства, въ которомъ открылъ ясныя законы. Часто писалъ онъ правильные, звучные стихи, переводилъ классическихъ стихотворцевъ подлинными

размѣрами, и былъ въ восторгѣ отъ гибкости и риѣма своего роднаго языка. Такія упражненія помогали ему забывать непріятности существенной жизни, и возвращаться ко всѣмъ нѣжнымъ чувствамъ, которыми было такъ богато его сердце.

Однажды **Вольфъ** увидѣлъ его въ Университетѣ и сказалъ :

— Пора вамъ ѣхать въ Гарцъ. .

« Я готовъ, Г. Профессоръ ; но вамъ извѣстно, что это зависитъ не отъ меня.

— Я дамъ вамъ денегъ на издержки: приходите ко мнѣ завтра утромъ.

Ломоносовъ явился по назначенію въ слѣдующее утро , и **Вольфъ** вручилъ ему нѣсколько талеровъ. Этотъ великій ученый, этотъ славный **философъ** , имѣлъ свои расчеты дѣлая маленькое одолженіе, конечно не Ломоносову, а мѣсту, отъ котораго тощъ зависѣлъ. Онъ любилъ деньги до такой степени, что по вызову Петра соглашался ѣхать въ Россію не иначе, какъ за двойное противъ другихъ жалованье. Петръ отвергнулъ его требованіе, и въ Петербургѣ осталось только преданіе о корыстолюбіи Вольфа. Теперь, онъ

хотѣлъ загладить это дурное впечатлѣніе, давая Русскому ученому свои деньги, которыя впрочемъ надѣялся вѣрно получить.

Но какимъ бѣднымъ пособіемъ были онѣ для Ломоносова ! Обстоятельства принуждали его оставить половину талеровъ Вольфа женѣ, и отправляться въ Гарцъ пѣшкомъ! Онъ былъ радъ уйдти на время изъ города, въ которомъ угнетала его жестокая бѣдность. Но онъ покидалъ тамъ жену свою и бѣдную малютку! Онѣ оставались на произволь судьбы, потому что кромѣ больнаго отца Христины, не было никого, кто могъ-бы защитить ихъ отъ несносныхъ кредиторовъ, которые грозно поговаривали о своемъ долгѣ. Впрочемъ, Ломоносовъ надѣялся

пробыть въ Гарцѣ не много времени, и по возвращеніи найти наконецъ свое жалованье. Все это говорилъ онъ желая утѣшить свою Христину, хотъ самъ иногда переставалъ вѣрить и судьбѣ, и посуламъ ея, и всѣмъ надеждамъ на будущее. Христина просила его только беречь себя и увѣряла, что она мужественно перенесетъ новую разлуку съ нимъ. Они разстались. Сердцу Ломоносова было

ТЯЖКО.

Проходя черезъ Гёттингенъ, онъ остано-
вился тамъ, осмотрѣть учрежденный лишь за
нѣсколько годовъ Университетъ. Имя Рускаго
и ученика Вольфа открыло передъ нимъ две-
ри этого впослѣдствіи знаменитаго храма на-
укъ. Но и тогда въ немъ процвѣталъ, еще
юный и уже славный Галлеръ , столько-же
великій ученый, сколько отличный поэтъ.
Ломоносовъ зналъ стихотворенія его, и даже
старался подражать ему въ Русскихъ стихахъ.
Бывши въ Гёттингенъ, онъ почелъ за долгъ
явиться къ этому знаменитому человѣку, и
былъ принятъ съ обыкновеннымъ Галлеро-
вымъ радушіемъ и любезностью.

Послѣ разныхъ вѣжливостей, Ломоносовъ
сказалъ ему :

«Первое изданіе вашихъ стихотвореній
было безъ имени автора , но публика
Нѣмецкая уже такъ просвѣщена, что отъ нея
не укры-

>og!e

лись вы, и дарованіе нашло свою награду
въ общей хвалѣ.

— Ахъ, ради Бога, **he** напоминайте о моихъ

стихахъ ! Это опыты первой молодости. Я сжегъ большую часть ихъ, и жалѣю что не всѣ.

« Какъ ! Неужели вы рѣшились отнять у публики лишнее удовольствіе ?

— Мнѣ кажется, я сдѣлалъ ей большое одолженіе, и всегда называю счастливымъ день этого ауто-да-фе. Я какъ будто стыдился воротиться на родину съ запасомъ плохихъ стихотвореній, и теперь вовсе не пишу стиховъ.

« Неужели отказались вы отъ нихъ навсегда ?

— Пишу, но очень мало. Во время путешествія по Англіи и Франціи, а еще болѣе учившись въ Лейденѣ, я развлекалъ себя стихами послѣ Медицинскихъ лекцій Альбинуса и Боэргава, или вспоминалъ въ нихъ объ отечествѣ. Въ родной Швейцаріи, при видѣ нашихъ горъ и долинъ, иногда я невольно брался за свою скромную лиру. Но здѣсь, Профессору Анатоміи и Ботаники не приходится и въ голову писать стихи !

« А какое любопытное время для Нѣмецкой Словесности ! Превосходный Гинтеръ недавно еще явилъ собой независимаго

поэта. Мудрый Готшедъ возстановляетъ теперь у васъ истинный вкусъ. Гагедорнъ, вы....

— Обо мнѣ говорить нечего : я знаю свое мѣсто. Но теперь мы только еще готовимся къ возрожденію.

— Мнѣ кажется, Словесность ваша уже такъ богата, обработана ?...

« Признаюсь, я не вижу этого ; еще надобно работать по всѣмъ, частямъ. Старые писатели наши не могутъ служить для насъ примѣромъ; а новыхъ нѣтъ. Вы назвали Гинтера: онъ былъ конечно стихотворецъ съ дарованіемъ; но стихи у него больше счастливы нежели истинно прекрасны. **Вы** упомянули о Готшедѣ: уважаю его доброе намѣреніе и даже пользу, какую онъ приноситъ языку Нѣмецкому и направленію Словесности ; однако не могу не соглашаться и съ землякомъ моимъ Бодмеромъ, который говоритъ слишкомъ рѣзко , но едва-ли не справедливо.

— Извините, если я, иностранецъ, худо знакомый съ Нѣмецкою Словесностью, осмѣлюсь замѣтить : Готшедъ возстановляетъ истинныя правила вкуса, предписанныя намъ Древностью.

« То есть : хочеть возстановлять, и беретъ ихъ отъ Французовъ , которые точно превосходятъ въ правильности языка и стихотворства. Но вотъ и единственная хорошая его сторона. Опица называетъ онъ образцомъ, не за простодушную вѣрность Нѣмецкаго вкуса, а за правильность его Александрійскаго стиха.

Бодмеръ и Брейтингеръ противопоставляютъ этому Англійскую Словесность, но также односторонне, хотя и не безъ основанія, и также хвалятъ классическихъ и старыхъ Нѣмецкихъ писателей. Такимъ образомъ весь споръ выходитъ односторонній.

— Но чистота языка Готшедова, но его Грамматическіе труды ?

« Отдаю справедливость имъ, и жалѣю только, что Г. Готшедъ съ супругою, вѣрною помощницей его, не имѣють никакого дарованія. Это губить все доброе въ ихъ трудахъ.

— Неужели не признаете вы въ Готшедѣ никакого дарованія ?

«Почти такъ. Впрочемъ, не думайте, чтобы мнѣнія мои были не искренни: я не принад-

лежу ни къ Готшедовой *Лейпцигской*, ни къ Бодмеровой *Швейцарской* партіи, которыя раздѣляютъ теперь и занимаютъ умы всей литературной Германіи.

Кажется , однакожь , что послѣдователей у Готшеда болѣе нежели у Бодмера.

. « Можетъ быть ; но споръ еще въ самомъ сильномъ разгарѣ и рѣшить это трудно. Могу сказать однакожь , что на сторонѣ Бодмера большая часть людей съ дарованіемъ. Какъ ни желаетъ Готшедъ привлечь къ себѣ моего друга Гагедорна, но тотъ хранить вѣрный неушралигаеть, и. я знаю, что никогда не будетъ онъ Гошшедіанцемъ.

Разговоръ перешелъ къ стихотворнымъ размѣрамъ, которые такъ-же не были въ то время установлены у Нѣмцевъ, какъ лѣтъ черезъ сто у насъ, Рускихъ. Ямбъ владѣлъ у нихъ всѣми родами стихотвореній , и Ломоносовъ , вводя его въ Русское стихотворство, желалъ -знать мнѣніе о немъ Галлера. Тотъ былъ самъ приверженецъ Александрійскаго стиха и съ жаромъ доказывалъ прелесть его. Не удивительно : его стихотворенія, по большей части наполненныя нравственными

изрѣченіями, такъ хорошо ладили съ этимъ размѣромъ !

Ломоносовъ оставилъ Галлера, съ величайшимъ уваженіемъ къ его обширнымъ свѣдѣніямъ и благородной простотѣ обхожденія.

Изъ Гёттингена онъ скоро пришелъ въ средоточіе горныхъ заводовъ Гарцскихъ, въ прелестный городокъ Клаусшаль.

Рекомендательныхъ писемъ не было у него ни къ кому; но онъ зналъ, что въ Клаусталь находился тогда отличный Мешаллургистъ, Бергъ-Рать Крамеръ; къ нему-то рѣшился онъ идти, и не ошибся въ успѣхѣ.

Крамеръ пламенно любилъ свою науку, и принялъ Русскаго путешественника съ отверстыми объятіями. Ломоносовъ имѣлъ уже такія обширныя познанія въ Горномъ Искусствѣ, что

ему не нужны были теоретическія лекціи, и въ Гарцъ пришелъ онъ единственно для практическихъ упражненій въ Металлургіи. Впрочемъ, съ большимъ любопытствомъ и съ пользою разсматривалъ онъ сочиненіе Крамера: *Объ Искусствѣ раздѣленія*

металловъ, которое было совсѣмъ готово къ печати. По этому-то сочиненію прошелъ онъ вновь важную часть Metallurgii, и подъ руководствомъ Крамера началъ упражняться практически. Дальнѣйшимъ средствомъ къ усовершенствованію служили ему поѣздки въ разныя горныя заведенія, которыхъ въ Гарцѣ множество. Крамеръ самъ объѣзжалъ ихъ въ это время, и Ломоносовъ сопутствовалъ ему. Порядокъ и опредѣленность въ занятіяхъ работниковъ, обширность и даже нѣкоторая роскошь многихъ заведеній, изумляли Ломоносова. Гарцскіе рудники и заводы конечно были тогда еще не на той степени совершенства какъ нынѣ, однакожь они давно славились необыкновеннымъ устройствомъ своимъ. Цѣлое народонаселеніе трудится тамъ, и получаетъ богатое вознагражденіе за свой трудъ. Точность и порядокъ въ занятіяхъ его напоминаютъ что-то военное. Работники одѣты большею частью одинаково и раздѣлены на равночисленные общества.

Странствуя по горамъ, деревнямъ и городамъ Гарца, Ломоносовъ провелъ цѣлое лѣто.

Онъ подходилъ къ Брокену, и только

непрерывныя занятія помѣшали ему возвратиться на эту гору, знаменитую своею вышиною и славную но сказкамъ о Брокенскихъ вѣдьмахъ.

Настала зима ; поѣздки и пѣшеходства его прекратились ; надобно было возвратиться въ Марбургъ. Крамеръ былъ очень доволенъ прилежаніемъ, ученостью и всего болѣе проницательностью своего неожиданнаго ученика. Безъ всякой просьбы со стороны Ломоносова, онъ далъ ему самое лестное одобрительное свидѣтельство. Русскій путешественникъ изъявилъ душевную благодарность Нѣмецкому ученому за его доброжелательство, и за все, такъ великодушно , благородно сдѣланное для него. Они разстались.

Въ Марбургъ, между тѣмъ, страдала его Христина , угнетаемая бѣдностью и кредитами. Она забыла все, когда увидѣла своего мужа; но лицо ея, прежде столь свѣжее, розовое, было теперь блѣдно, и на немъ ясно выражались слѣды душевныхъ ея страданій. Ломоносовъ „ обрадованный свиданіемъ съ нею, не спрашивалъ о домашнихъ обстоятельствахъ и поспѣшилъ на другой день

узнать: прислано-ли наконецъ жалованье его ?

« Прислано ! » отвѣчалъ **Вольфъ**, отъ котораго онъ долженъ былъ узнать это, и который, по обыкновенію своему, ласково встрѣтилъ и

съ участіемъ спрашивалъ Ломоносова о путешествіи въ Гарць. Послѣ разговора довольно продолжительнаго, онъ вручилъ ему третнее жалованье. Ломоносовъ спѣшилъ обрадовать Христину, и вбѣжалъ въ комнату показывая ей подученныя имъ деньги.

« Вотъ онъ , гадкія ! Вотъ онъ, эти проклятыя деньги. Ну, Христина, прежде всего, какъ порядочные люди, сообразимъ : сколько должны мы отдать лавочнику, хлѣбнику, и всѣмъ,

всѣмъ ?

Христина горько улыбнулась. Она стала сказывать ему свои Долги : выходило , что полученныхъ денегъ не достанетъ заплатить и половину этихъ долговъ.

« Ну, такъ мы заплатимъ сколько можемъ, потому что надобно оставить что нибудь и для себя.

— Конечно. Только всё кредиторы . наши такъ давно ждали, что сдѣлались злы какъ собаки: едва-ли. согласятся они ждать еще.

« Подождутъ и не хотя ! Но, для радости свиданья нашего , приготовь , Христина, сегодня хорошій обѣдъ, а я куплю, бутылку добраго вина.

Ломоносовъ какъ будто не испыталъ еще, что бѣдность не позволяетъ даже радоваться ! Въ радости человѣкъ бываетъ щедръ, а бѣдность мститъ за каждую копейку. Онъ нико-

гда не понялъ этого, и всякій разъ, имѣя въ рукахъ деньги, готовъ былъ растратить ихъ всё, такъ кто не доставало и удивительной бережливости Христины для внезапныхъ, мгновенныхъ его расходовъ. Къ этому прибавилось еще новое : Ломоносовъ уже *привыкъ* пить вино, и часто издерживалъ на него послѣдній серебряный грошъ. Онъ привыкъ также погулять съ товарищами, съ пріятелями, и это вовлекало его въ новыя издержки. Вскорѣ увидѣлъ онъ себя въ положеніи отчаянномъ.

Предвѣщаніе Христины сбылось. Кредито-

ры Ломоносова не охотно согласились ждать, получивши только небольшую уплату; но уже ни какъ не хотѣли они отсрочивать далѣе назначеннаго времени. .

Онъ еще имѣлъ средства изворачиваться нѣсколько времени, покуда они не приступили къ нему сильнѣе прежняго, съ угрозою пожаловаться городовому начальству, какъ на не платящаго должника.

« Дѣлайте, что хотите! » сказалъ имъ наконецъ Ломоносовъ, и они ушли, обѣщаясь придти на слѣдующій день съ полицейскимъ офицеромъ.

« Что мнѣ дѣлать , Христина ? » спросилъ онъ у нея.

— Не знаю, милый другъ ! Я могу только плавать съ тобой.

« Плакать !... Это у васъ , женщинъ , всегдашнее и всеобщее средство, » возразилъ съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ Ломоносовъ.

Христина изумилась и подняла на него глаза , блиставшіе слезами. Онъ тотчасъ почувствовалъ несправедливость своего упрека , и бросился цѣловать ея руку.

« Прости меня, Христина ! Я право теряю

разсудокъ отъ этихъ несносныхъ обстоятельствъ. Мнѣ остается одно средство: бѣжать изъ Марбурга.

— Бѣжать? . . . Но что-же будетъ съ твоею Христиною, съ твоею Минною ?

« Богъ защититъ васъ !

— О, милый другъ ! Не умножай горести моей, не уходи отсюда какъ бѣглець!. Я не перенесу этого.

«Но легче-ли будетъ тебѣ , если меня посадятъ въ тюрьму ?

— Въ тюрьму? О Боже!...

Она закрыла глаза, сжала голову руками , и не могла произнесши болѣе ничего.

« Успокойся, милая Христина! Я еще постараюсь отвести какънибудь эту грозу. Вѣрь по крайней мѣрѣ, что я не оставлю тебя.

Говоря это, онъ самъ не вѣрилъ словамъ своимъ и твердо рѣшился— бѣжать въ Россію. Но какъ сдѣлать это? Какъ дойти до Петербурга ? Онъ изобрѣталъ разные планы и нако-

нецъ остановился на одномъ: идти въ Голландію или въ Любекъ, ближайшія мѣста, гдѣ находились Русскіе Резиденты, и просить

у нихъ заступленія.

Можетъ быть, Ломоносовъ не вдругъ-бы вздумалъ это, если-бы видѣлъ какое нибудь средство избавиться отъ своихъ преслѣдователей. Но на другой-же день явился полицейскій виновникъ. . . . Появленіе его привело въ ужасъ Христину ; Ломоносовъ встрѣтилъ его съ величайшею твердостью.

Полицейскій объявилъ ему требованіе кредиторовъ , и сказалъ, что законъ позволяетъ должнику воспользоваться еще тремя днями отсрочки, но по истеченіи этого времени подвергнетъ его заключенію. Ломоносовъ отвѣчалъ, что онъ поступитъ сообразно своимъ обстоятельствамъ.

Покуда гроза была еще хоть въ нѣкоторомъ отдаленіи, присутствіе духа не оставляло его. Но тутъ, жестокая тоска и самыя горестныя ощущенія наполнили его душу.

«За что-же смѣешься надо мной ты, судьба?» подумалъ онъ. « Чѣмъ заслужилъ я такое безжалостное гоненіе ? Не ты-ли вывела меня изъ сѣверныхъ лѣсовъ моей родины, пособляла мнѣ побѣждать всѣ трудности моего пути,

возвысила, очистила мой умъ, и теперь хочешь кинуть въ тюрьму Нѣмецкой полиціи ?
Довольно

нищенствовалъ я : надобно, чтобы, я испыталъ еще и тяжесть заключенія. О, это ужъ слишкомъ ! Я не вдругъ поддамся тебѣ. . . . Жаль, горько мнѣ оставить Христину съ бѣдною нашею Минною въ такомъ ужасномъ положеніи»... Но, дѣлать нечего! Сегодня-же ночью надобно бѣжать отъ нихъ. Впрочемъ, и пора избавиться мнѣ отъ этой тягостной, невыносимой жизни. Чего ждать ? Академія какъ будто забыла обо мнѣ, и я, обогащенный теперь всякими познаніями , остаюсь безъ куска хлѣба, на порогѣ тюрьмы! . . . Прекрасно быть такимъ ученымъ человѣкомъ !... Хорошо быть супругомъ, отцомъ, и — томить голодомъ свое семейство ! Правду сказать: семейная жизнь. ... О, судьба дорого продаетъ намъ каждое наслажденіе ! » Такъ беспорядочно, несвязно, отчаянно размышлялъ Ломоносовъ одинъ, самъ съ собою. Но при женѣ онъ умѣлъ показаться почти веселымъ , и провелъ съ нею послѣдній вечеръ въ непрерывныхъ разговорахъ. Онъ увѣрялъ ее, что скоро

прекратятся всѣ непріятности ихъ положенія, что скоро надобно будетъ ему возвратиться въ Россію, а пріѣхавши туда они заживутъ мирно и счастливо. Христина казалась спокойною : можетъ быть она въ самомъ дѣлѣ вѣрила словамъ мужа, который готовился оставить ее черезъ нѣсколько часовъ. Но самъ Ломоносовъ едва не потерялъ своей твердо-

сти, когда маленькая дочь его прощалась съ нимъ, ложась спать. Мысль : кто онъ долженъ оставить это милое, беспомощное существо, оставить надолго и почти безъ пропитанія — эта мысль растерзала его.

Онъ улучилъ минуту и написалъ нѣсколько строчекъ жень своей, гдѣ увѣдомлялъ ее о своемъ бѣгствѣ, просилъ не отчаяваться, и обѣщалъ черезъ нѣсколько дней дать о себѣ извѣстіе.

Послѣ этого, съ какимъ-то непонятнымъ для него самого спокойствіемъ, онъ легъ заснуть. Но сонъ его былъ не продолжителенъ. Часу въ двѣнадцатомъ онъ всталъ. Хорошая жена его и маленькая дочь спали крѣпкимъ сномъ невинности. Онъ одѣлся въ обыкновенное

свое платье, и накинулъ на плеча ветхій свой плащъ. Въ послѣдній разъ взглянулъ онъ на милыхъ его сердцу, благословилъ ихъ, и бросивъ на столъ приготовленную имъ записку о своемъ бѣгствѣ, вышелъ.

Вспомнимъ , что онъ пускался въ далекій, безвѣстный путь, не имѣя въ карманѣ ни одной копѣйки; что онъ оставлялъ жену и дочь въ нищетѣ, на произволъ своихъ кредиторовъ, и могъ понимать весь ужасъ пробужденія Христины; что наконецъ онъ самъ не зналъ, когда и чѣмъ окончится это странное сѣпленіе обстоятельствъ , и тогда только мы поймемъ,

съ какими чувствами вышелъ онъ изъ своего жилища, и что чувствовалъ проходя по опустѣлымъ улицамъ Марбурга! Разумѣется, что, скрывая побѣгъ свой, онъ не простился ни съ Вольфомъ , ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ. И до того-ли было ему , когда въ послѣдніе дни столько жестокихъ ощущеній терзали его сердце ?

Глава XIV.

Темнота не мѣшала несчастному бѣглецу идти всю ночь. Она была для него отраднѣе свѣта, въ которомъ думаль-бы онъ видѣть обличителя своего ужаснаго состоянія.

Онъ шелъ по дорогѣ въ Голландію, не останавливаясь , не чувствуя голода , и только на другой день упалъ на траву, потому что уже не имѣлъ силъ. Мрачныя мысли бродили въ его головѣ беспорядочно; тоска грызла его сердце. На минуту забылся онъ сномъ, и вскочилъ, не съ ободренными силами, но въ какомъ-то раздраженіи , которое долго можетъ поддерживать въ человѣкѣ дѣятельность. Онъ пустился рпять въ свой путь, иногда отдыхалъ , но не заходилъ въ деревни, спѣша впередъ.

На третій день , около вечера, заблесталъ передъ нимъ, вдали; серебристый Рейвъ. Вечеръ приближался очаровательный : солнце тихо катилось за горизонтъ, и вся природа,

какъ будто послѣ радостнаго труда, начинала
отды-

хать, свѣжѣла, дышала, жизнью. Благоуханіе травъ, цвѣтовъ, роскошная зелень деревьевъ, пѣніе веселыхъ птичекъ въ воздухѣ и рощахъ , и это неизобразимое спокойствіе, которое такъ плѣнительно въ полѣ, вечеромъ, послѣ жаркаго дня, все это могло разсѣять самыя черныя думы ; но Ломоносовъ глядѣлъ на окружающую его природу и на прелести ея равнодушно, даже съ какою-то завистью, будто на красивую кокетку, которая, занимаясь своимъ нарядомъ, не помнитъ что въ мірѣ есть несчастливцы. Ему было досадно слышать нѣжное щебетанье птичекъ, казалось, насмѣхавшихся надъ его горестью; его не занимали миловидные ландшафты по сторонамъ , и величественное зрѣлище рѣки впереди.

Невольно однакожь дошелъ онъ до самаго берега Рейна, и когда тихое плесканье его, когда нѣжная синева его и свѣжее дыханіе волнъ подѣйствовали на изнуренныя чувства странника, онъ остановился. Мало читаль онъ поэтическихъ описаній этой рѣки, но онъ

быль самъ поэтъ, и гармонія души съ величественнымъ зрѣлищемъ Рейна произвела въ немъ какое-то трепетаніе, постепенно перешедшее въ тихій восторгъ. Онъ любовался, восхищался, радовался неожиданнымъ для него торжествомъ великолѣпной природы ; онъ понялъ восторженные рассказы и любовь прибрежныхъ Рейнскихъ

жителей къ своей рѣкѣ, и съ сожалѣніемъ вспомнилъ, что ему надобно идти далѣе.

« Но я не пойду въ городъ ! не хочу нарушать моего впечатлѣнія! » сказалъ онъ. « Люди тотчасъ напомнятъ неизбѣжныя съ-ними бѣдствія ; а мнѣ долго ждать такой не возмущенной минуты спокойствія. »

Онъ въ самомъ дѣлѣ не пошелъ въ городъ Диссeldorfъ, находящійся при впаденіи Дисселя въ Рейнъ, и бывшій очень близко отъ него. Отдохнувши тѣломъ и духомъ подлѣ Рейна, онъ пустился по берегу его, вправо. Но самый этотъ отдыхъ пробудилъ въ немъ силы, и заставилъ его почувствовать сильнѣйшій голодъ, тѣмъ больше, что уже третій день онъ не ѣлъ ничего. Надобно было остановиться отошедши не далеко отъ Дис-

сельдорфа, въ первомъ постояломъ дворѣ. Новое препятствіе : несчастный бѣглець не имѣлъ ни копѣйки, такъ что ему не на что было купить куска хлѣба. Однакожь онъ вошелъ въ постоялый дворъ, и въ общую комнату его. Тутъ сидѣло нѣсколько челоуѣкъ военныхъ , и за особеннымъ столомъ хозяинъ. Ломоносовъ подошелъ къ нему и попросилъ — куска хлѣба!

«А кружку пива прикажете ?» спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ. Я и за кусокъ хлѣба не могу вамъ заплатить: возьму, если дадите мнѣ его *даромъ*.

«То есть *въ милостыню*? . . Ну, такъ и говорилъ-бы! А то еще спрашиваетъ, какъ будто за деньги.» Отрѣзывая кусокъ хлѣба , хозяинъ прибавилъ : « Да, куда-же это идешь ты, пріятель?»

Ломоносовъ не зналъ, что отвѣчать на этотъ вопросъ, и наобумъ сказалъ :

— Тутъ, около Везеля, деревня, гдѣ живутъ мои родители: я иду къ нимъ.

« А откуда ?»

— Изъ Марбурга. Тамъ учился я въ Универ-

ситеть , и вы видите во мнѣ бѣднаго студента.

Между тѣмъ хозяинъ далъ ему кусокъ хлѣба, и Ломоносовъ , поклонясь , хотѣлъ утолить свой голодъ, когда отъ стола , за которыми сидѣли военные, загремѣлъ толстый басъ ;

— Садитесь лучше съ нами поужинать !

Ломоносовъ оборотился туда , и увидѣлъ, что это говорилъ офицеръ, дородный, веселый, съ длинными усами.

— Садитесь, Г. студентъ, къ намъ за столъ ! Мы, люди военные, рады дѣлиться всѣмъ съ добрыми людьми. Оставьте этого торгаша , скареда , іуду !

« Милости просимъ!» загремѣло еще нѣсколько голосовъ.

Ломоносовъ охотно подсѣлъ къ нимъ, и началъ ѣсть съ перваго блюда , которое подали ему.

— Этотъ мерзавецъ, нашъ хозяинъ , только и думаетъ о деньгахъ ! А вѣдь поѣсть у него нечего !

« Г. офицеръ ! за что-же вы изволите браниться?» сказалъ оскорбленный хозяинъ.

— Молчи, іуда!—закричалъ офицеръ.— Подай сюда бутылку вина.

И хозяинъ смиренно пошелъ исполнять его волю.

— Право, не лъзя иначе говорить съ этими хриstopродавцами : ругнешь его, такъ онъ и слушается. '

Утоливъ первый голодъ, Ломоносовъ осмотрѣлся и увидѣлъ, что, кромѣ офицера, за столомъ сидѣло еще нѣсколько человекъ солдатъ, истинныхъ рейтаровъ Фридриха II-го. Они уже всѣ, какъ видно, кончили свой ужинъ, и попивали вино и пиво. .

— Нѣтъ въ свѣтѣ лучше людей, какъ нашъ братъ военный!—сказалъ офицеръ, наливая Ломоносову вина. -Жизнь привольная, служба молодецкая; у Короля мы первые любимцы ; только и заботы, что угодить ему, а потомъ погулять да попить.

«Я почти въ первый разъ имѣю удовольствіе бесѣдовать съ военными,» сказалъ Ломоносовъ;

«но глядя на васъ, вѣрю вамъ. На свѣтѣ рѣдко встрѣтишь привѣтливость и радушіе.

— У насъ всѣ привѣтливы ! Да и о чемъ тужить? Отецъ-Король думаетъ за насъ и даетъ намъ все : и деньги , и квартиру, и хлѣбъ , и

вино ! Эхъ , да славная жизнь ! Ребята ! Круговую рюмку.

Вахмистръ взялъ не початую бутылку со стола, сбиль съ нея палашемъ горлышко и розлилъ всѣмъ въ стаканы. Разумѣется и Ломоносову.

«За здравіе Его Королевскаго Величества, Фридриха II-го !» возгласилъ офицеръ подымая стаканъ.

— За здравіе! —повторили всѣ солдаты.

«Пейте-же по нашему,» сказалъ офицеръ, подливая Ломоносову еще вина.

Между тѣмъ у трактирщика брали все, что было у него лучшаго изъ кушанья , и усердно подчивали Ломоносова. Онъ уже давно утолил свой голодъ и ѣлъ не хотя , но вино возбуждало его аппетитъ. Наконецъ, уподчиванный , онъ и самъ воскликнулъ:

« Въ самомъ дѣлѣ, я ужъ давно не бывалъ такъ веселъ, какъ съ вами, господа!... За здоровье ваше ! »

—Чокнемся по-братски!—закричали солдаты.

«Ну, послушай, товарищъ !» сказалъ офицеръ. «Хочешь-ли быть нашимъ братомъ, сол-

датомъ?

— Солдатомъ? нѣтъ, нѣтъ, господа!

«А ты самъ скажешь, кто тебѣ не на кто купить куска хлѣба?»

— Это правда.

«Возьми денегъ!» Офицеръ вынулъ изъ кармана горсть серебра и положилъ ее передъ Ломоносовымъ.

— Нѣтъ, господа! Чужаго не хочу.

«Это твое: я не возьму назадъ, когда вынулъ изъ хармана.

Ломоносовъ задумался; сонъ клонилъ его; солдаты бросились обнимать и цѣловать его. «Братъ! товарищъ! другъ!» кричали они ему безпрестанно.

Но Ломоносовъ уже едва слышалъ слова ихъ и ничего не понималъ; онъ вскорѣ занулъ крѣпкимъ сномъ.

«Ну, ребята! проворнѣй! Нашивайте ему красный воротникъ,» сказалъ офицеръ.

—А, а! попался, пріятель!—говорили солдаты исполняя приказаніе своего командира.

«Суньте ему и деньги въ карманъ,» сказалъ офицеръ.

Такимъ образомъ, не думая, не гадая, Ло-

Моносовъ завербовался въ Прусскіе рейтары. Извѣстенъ этотъ странный обычай Прусскихъ войскъ : старались уподчивать, напоить не-

опытнаго молодаго человѣка, и потомъ объявляли его солдатомъ. Такъ случилось и съ Ломоносовымъ.

На другой день, онъ всталъ, и удивился взглянувши на красный воротникъ свой. «Что это значить?» подумалъ онъ и съ трудомъ припоминалъ о своей пирушкѣ съ солдатами. «Они вѣрно хотятъ посмѣяться надо мной.» Но въ карманѣ его брякнули деньги, тѣ, которыми дарилъ его офицеръ. «Это ужь не походитъ на шутку,» подумалъ онъ и вышелъ изъ комнаты. Тамъ окружили его рейтары, и Вахмистръ съ веселымъ видомъ сказалъ :

«Ну, братъ-товарищъ, поздравляю!... Кланяйся господину командиру,» прибавилъ онъ, увидѣвъ идущаго къ нимъ офицера.

—Какому командиру?—спросилъ съ досадой Ломоносовъ.

«Господину офицеру!»

—Какой-же онъ командиръ мнѣ? возрази-

ль Ломоносовъ.

Между тѣмъ офицеръ подошелъ и сказалъ своимъ громкимъ голосомъ:

«А, новый товарищъ! Ну, я увѣренъ, что ты будешь храбрый солдатъ ! Почитай за счастье, что ты теперь въ Прусскомъ войскѣ, и постарайся заслужить имя нашего собрата. Прусскіе воины первые въ мірѣ , а ты теперь то-

Же Прусскій солдатъ. Вахмистръ! прими его въ команду. »

Проговоривъ это, онъ пошелъ далѣе.

Ломоносовъ слушалъ его , и не понималъ, о чемъ идетъ дѣло. Но солдаты безпрестанно называли его братомъ, товарищемъ, и онъ съ нетерпѣніемъ воскликнулъ :

— Какой я братъ вамъ ? я Рускій , и не го- жусь вамъ въ родню.

«Ты, видно, еще не проспался!» грозно за- кричалъ на него Вахмистръ. « Или забылъ, что вчера побратался съ нами ?»

— Я побратался съ вами ?... Такъ вы привя- зываетесь къ этому слову?

« Нѣтъ , вчера , при всѣхъ товарищахъ , ты пилъ круговую рюмку и вступилъ въ Королевскую службу; билъ по рукамъ съ Г-мъ Поручикомъ ; взялъ деньги , пилъ за здоровье нашего полка ! Развѣ мало всего этого ?

— Такъ вы за рюмку вина хотите сдѣлать меня Прусскимъ солдатомъ?

«Да и сдѣлаемъ; ты будешь славный солдатъ; только не унывай и не думай ни о чемъ. Тебѣ у насъ полюбится, и ты годишься на коня. . . .

—Подите вы къ чорту!— вскричалъ Ломоносовъ.—Не хочу я ни коня вашего, ни братства!

«А, такъ этакъ-то? Постой, я усмирю тебя!» сказалъ Вахмистръ и замахнулся на него фухтелемъ.

Двое солдатъ схватили его за руки. . . . но Вахмистръ удержалъ ударъ.

— Будешь-ли служить вѣрой и правдой Его Королевскому Величеству?—спросилъ онъ.

« Буду, буду !» отвѣчалъ Ломоносовъ.

—То-то-же!—сказалъ Вахмистръ.

Ломоносовъ видѣлъ, что надобно покориться глупой необходимости; но тутъ-же

онъ твердо рѣшилъ избавиться отъ новыхъ своихъ мучителей.

Новобранныхъ рекрутовъ , въ томъ числѣ и Ломоносова, отправили въ крѣпость Везель, для обученія военной службѣ. Вахмистръ былъ ихъ провожатымъ , и сдалъ бѣдныхъ молодыхъ людей другому, такому-же опытному служакаѣ. Ломоносовъ употребилъ это въ пользу. Въ новой командѣ онъ притворился страстно любившимъ военную жизнь, и сталъ заниматься ученьемъ солдатской экзерциціи. Казалось ему, что за нимъ присматриваютъ строже чѣмъ за другими рекрутами. Но онъ разсѣялъ всѣ подозрѣнія своимъ веселымъ видомъ и ревностью къ службѣ. Впрочемъ, вырваться изъ этого тягостнаго , внезапнаго плѣна., было довольно трудно. вмѣстѣ съ другими солдатами, Ломоносовъ жилъ, правда, не въ самой крѣпости, а въ казармѣ близъ вала ; но , по валу были разставлены часовые. Въ опредѣленное время на-»

добно было вставать и проводить цѣлый день въ ученѣ. Вечеромъ строгость увеличивалась: обходы, перекликиванья, дозоры отымали всякую мысль о бѣгствѣ. Но чего не

сдѣлаеть челоуѣкъ, рѣшившійся лучше по-
жертвовать своею жизнью, нежели остаться
въ чуждомъ, нестерпимомъ для него
состояніи !

Ломоносовъ тщательно и незамѣтно для
другихъ осмотрѣлъ валъ, довольно высокій и
покатый съ обѣихъ сторонъ. Въ казармѣ, гдѣ
спалъ онъ съ товарищами, было окно въ зад-
ней стѣнѣ, къ валу. Но за валомъ былъ напол-
ненный водою ровъ, и далѣе шли внѣшнія
укрѣпленія. Трудно пробраться черезъ такіа
преграды невидимкой! Однако Ломоносовъ
не терялъ надежды, и началъ тѣмъ, что
всякій вечеръ ложился спать раньше всѣхъ
товарищей, такъ, что когда другіе были еще
въ первомъ снѣ, онъ уже просыпался. Снача-
ла, надъ сонливостью его насмѣхались ; но
черезъ нѣсколько дней привыкли къ ней и
уже не обращали вниманія на то , что прихо-
дя съ учебной площади, онъ кидался на нары
и храпѣлъ.

Настали темныя ночи, которыхъ дожидал-
ся онъ нетерпѣливо. Въ одну изъ такихъ но-
чей, Ломоносовъ пробудился часу въ
двѣнадцатомъ. Всѣ вокругъ него спали мерт-

вымъ сномъ. Дерзкій рѣшилъ немедленно исполнить свое намѣреніе. Онъ вслушался еще разъ : спячь. При-

звавъ на помощь Бога , онъ подошелъ къ заднему окну и вылѣзъ въ него , такъ тихо, что самъ не слыхалъ своихъ движеній. Но , вотъ , впереди валъ ; зная , въ какихъ мѣстахъ обыкновенно стоятъ на немъ часовые , Ломоносовъ поползъ въ самомъ далекомъ отъ нихъ разстояніи , поползъ для того , чтобы они и въ темнотѣ не могли замѣтить опаснаго его лу¹ ліешествія. Взобравшись на вершину вала, онъ также осторожно спускался по другой сторонѣ его. Наконецъ , стоя на землѣ , онъ встрѣтилъ самое важное препятствіе: глубокій ровъ, наполненный водою. Но это препятствіе было предвидѣно имъ , и онъ, ни мало не задумываясь, бросился во всемя платѣ въ воду. Такія-ли массы водъ случалось переплывать урожденцу береговъ Сѣвернаго моря ! Онъ тотчасъ переплылъ черезъ ровъ, вышелъ на другой берегъ его, и тихо пробрался мимо внѣшнихъ укрѣпленій и рavelина. Чрезвычайно затруднили его контръ-эскарпъ , покрытый ходъ ,

палисадъ и гласись. Но всѣ эти препятствія и опасности вскорѣ остались позади его : онъ очутился въ полѣ, и бросился бѣжать, для того чтобы скорѣе перейти за Прусскую границу, до которой оставалось гораздо болѣе мили.

Почти цѣлую милю бѣжалъ онъ не оставиваясь , и забывая , что платье на немъ было мокро , послѣ купанья во рву. Силы начинали

уже оставлять его , когда на разсвѣтъ услышалъ онъ пушечный выстрѣлъ въ крѣпости : обычный знакъ о бѣжавшемъ новобранцѣ. Онъ зналъ, что послѣ этого немедленно отправляется погоня во всѣ стороны , зналъ и то, какое ужасное наказаніе ожидаетъ его вслучаѣ поимки. Страхъ придавъ ему новыя силы и онъ пустился бѣжать сильнѣе прежняго.

Но кто представить себѣ ужасъ несчастнаго бѣглеца, когда оглянувшись, онъ увидѣлъ скачущаго вдаль челоуѣка ! Правда, нѣсколько десятковъ сажень оставалось до границы, но гнавшійся за нимъ скакалъ во весь опоръ, и могъ настичь его. Съ

невѣроятнымъ усиліемъ пустился Ломоносовъ впередъ, не слыша подъ собою ногъ, итакъ быстро миновалъ пространство, раздѣлявшее его отъ границы, что успѣлъ не только перебраться черезъ нее, но даже вбѣжать въ находившійся не подалеку лѣсъ. На землѣ Вестфалии онъ былъ уже безопасенъ, и эта мысль какъ будто отняла у него мгновенно всѣ силы. Онъ упалъ, благодарилъ Бога за свое избавленіе, и вскорѣ почувствовалъ въ себѣ новую бодрость.

Страхъ его былъ еще такъ великъ, что и на землѣ, уже не принадлежавшей Пруссіи, онъ не смѣлъ войти въ селеніе, а обошелъ его лѣсомъ. Тамъ, въ глуши, въ чащѣ остановился ойъ и сталъ сушить свое мокрое платье, отдыхать,

и въ то-же время думать о странномъ своемъ приключеніи.

«Что-же такое было это?» сказалъ онъ самъ себѣ. «Къ чему эта новая игра судьбы надо мной? Неужели- въ самомъ дѣлѣ я попался было въ Прусскіе солдаты, и могъ остаться на вѣкъ въ рядахъ Фридриховыхъ воиновъ? Да! это такъ: я былъ завербованъ и принужденъ

служить солдатомъ! Только отчаянное бѣгство спасло меня. А съ какими опасностями было соединено это бѣгство ! И что, если-бы я попался опять въ когти Прусскихъ служивыхъ ? Они прогнали-бы меня сквозь строй и ужь покрѣпче упрятали-бы куданибудь ! Тогда , прощай Михайло Ломоносовъ! Ты на вѣкъ остался-бы чужеземцемъ, и вся жизнь твоя прошла-бы въ томительныхъ трудахъ. Но я былъ на волосъ отъ этого, и еще теперь не вѣрю самъ себѣ, что избавился отъ палки Вахмистра. Къ чему-же было это новое испытаніе, этотъ тяжкій урокъ ? Неужели для того провелъ я пятнадцать лѣтъ за книгами, въ области наукъ и фантазіи, чтобы подвергнуться послѣ этого военной службѣ , и можетъ быть на вѣкъ остаться въ ней ? Нѣтъ, это новая насмѣшка судьбы , которая ведетъ меня къ какой-то цѣли, но такъ странно, такъ отлично отъ всѣхъ другихъ людей , что я не знаю какъ назвать и какъ объяснить это. И долго-ли еще буду я

странникомъ , нахлѣбникомъ . въ мірѣ и обществѣ ?... Да, правду сказать , теперь судьба моя не завидна. До цѣли еще далеко, а меж-

ду тѣмъ я не знаю, буду-ли сытъ сегодня, и какъ стану питаться въ слѣдующіе дни ! ...»

Въ самомъ дѣлѣ , у Ломоносова не на что было не только пообѣдать, но и купить кусокъ хлѣба. Деньги, данныя ему офицеромъ во время вербовки , послѣ отобрали у него въ артельную сумму, и онъ бѣжалъ съ пустыми карманами. Но это состояніе казалось ему теперь такимъ счастіемъ , что онъ радовался ему и беззаботно предавался своей будущности. Благодѣтельный сонъ овладѣлъ имъ. Проснувшись уже за полдень , Ломоносовъ бодро всталъ, и если не съ весельемъ, то по крайней мѣрѣ съ новою живостью вышелъ изъ лѣсу. Въ первой крестьянской хижинѣ , которая встрѣтилась ему, онъ попросилъ *изъ милости накормить его*, и назвалъ себя Саксонскимъ бѣднымъ студентомъ. Добрые жители не спрашивали его болѣе, и поставили передъ нимъ сытный обѣдъ.

Онъ продолжалъ свой путь и далѣе, черезъ Голландію, вездѣ называясь бѣднымъ Саксонскимъ студентомъ.

И такъ Ломоносовъ опять долженъ былъ питаться *милостынею, подаяніемъ* !

Человѣкъ , обнимавшій умомъ своимъ цѣлый міръ, поэтъ.

которымъ восхищалась вполѣдствіи вся Россія, первоклассный ученый, особенно между современниками , словомъ , геній , какіе рѣдко являються на землѣ—протягиваль руку, просиль подаянія и милосердія ! Онъ принужденъ былъ или умереть съ голоду, или употребить это ужасное средство для своего пропитанія !

Странная судьба великаго человѣка!

Путь Ломоносова лежалъ черезъ Арнгеймъ и Утрехтъ въ Амстердамъ, гдѣ надѣялся онъ найдти Россійскаго Посланника и хотѣлъ просить его о возвращеніи своемъ въ отечество. Надобно-ли описывать, сколько труда, утомленій, непріятностей долженъ былъ онъ вытерпѣть въ этомъ беззащитномъ странствованіи? Бѣдный скиталець не могъ остановиться нигдѣ , и безъ вниманія проходилъ черезъ красивые, богатые города. Почти не видалъ онъ, потому что не хотѣлъ и не могъ видѣть, ничего до тѣхъ поръ, пока передъ нимъ не замелькали громадныя зданія Амстердама.

« Здѣсь найду я успокоеніе и отдохну душой и тѣломъ ! » сказалъ онъ самъ себѣ, вступая въ этотъ городъ.

Глава XV.

Въ Амстердамѣ Ломоносовъ тотчасъ отыскалъ Россійскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ, Ольдекопа, и немедленно попросилъ у него свиданія.

«Вы Рускій, и пришли сюда пѣшкомъ изъ Марбурга?» спросилъ Ольдекопъ, вышедши къ нему. «Такъ по крайней мѣрѣ сказали мнѣ о васъ?»

— Я такъ и просилъ доложить о себѣ, Г. Министръ.

«Какимъ-же образомъ попали вы въ Марбургъ и зачѣмъ пришли сюда?»

Ломоносовъ въ короткихъ словахъ объяснилъ ему свою исторію и свои странствованія; отдалъ притомъ свидѣтельства отъ Петербургской Академіи и тѣхъ мѣстъ, гдѣ учился въ Германіи. Онъ не забылъ взять ихъ съ собой изъ Марбурга и сохранилъ во время пути.

— Я увѣренъ, Г. Министръ прибавилъ

ОНЪ — что вы окажете милостивое вспомоществованіе мнѣ; болѣе не имѣю никакой надежды.

« Прежде всего прошу васъ не называть меня Министромъ : я только Повѣренный въ дѣлахъ Россійскаго Двора, а Полномочный Министръ, Графъ Головкинъ, живетъ въ Гагѣ. Но, скажите, чѣмъ могу я быть вамъ полезенъ?

— Совѣщусь, но долженъ просить васъ: дозволить мнѣ отдохнуть нѣсколько дней въ вашемъ домѣ. ...

« Объ этомъ не нужно и говорить : васъ успокоятъ какъ только можно лучше. Но что потомъ ?

— Я желалъ-бы поскорѣе возвратиться въ Россію, и въ этомъ случаѣ прибѣгну опять къ вашему покровительству.

« Жаль, что это не отъ меня зависитъ. Я обязанъ сноситься обо всемъ съ Посланникомъ, и потому надобно подождать, покуда получу на вашу просьбу отвѣтъ отъ Графа Головкина. Я напишу къ нему немедленно.

— Не смѣю ничего и желать больше.... Но, не позволите-ли , Ваше Превосходительство,

мнѣ самому отвезти письмо ваше. къ Графу ?

« Это еще лучше ! Здѣсь, по каналамъ и рѣкамъ , сообщенія такъ легки , что вы скорѣе всякаго курьера будете въ Гагѣ.

— Благодарю васъ за милостивое вниманіе къ моей просьбѣ. Признаюсь только, что у меня нѣтъ ни, копѣйки денегъ , такъ что. я не могу не только ѣхать, но и существовать безъ вашего благодѣтельнаго пособія.

«Денегъ на проѣздъ я могу дать вамъ, » сказалъ Ольдекопъ. «Теперь отдыхайте покуда, а между тѣмъ я велю отыскать попутную шлюпку.

На другой-же день была готова къ отплытію одна шлюпка, и Ломоносовъ отправился на ней, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими путешественниками, въ Гагу.

Путешествіе по каналу, идущему черезъ Гарлемъ и Лейденъ , не представляло ничего занимательнаго. Русскій путешественникъ не успѣлъ заглянуть даже въ Университетъ, находящійся въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ. Но тѣмъ скорѣе прибылъ онъ въ Гагу.

Тутъ Ломоносовъ долженъ былъ явиться къ Русскому Посланнику, Графу Головкину, и

пріемъ у знаменитаго вельможи не былъ похожъ на пріемъ у Ольдекопа, который, при всей вѣжливости и услужливости къ бѣдному Русскому студенту, старался только не выйти изъ границъ своей власти. Напротивъ, Посланникъ принялъ своего земляка точно какъ Рускій, какъ умный Бояринъ, воспитанникъ Петровой школы. Онъ тщательно распросилъ Ломоно-

сова о цѣли, съ какою Академія отправила его, разсмотрѣлъ одобрительныя свидѣтельства, данныя ему Генкелемъ, Крамеромъ, и остановился на томъ, почему не имѣетъ онъ также свидѣтельствъ отъ Марбургскихъ Профессоровъ и особенно отъ Вольфа?

Ломоносовъ признался ему, что онъ бѣжалъ изъ Марбурга, отъ долговъ, за которые хотѣли посадить его въ тюрьму.

— А развѣ ты не получалъ отъ Академіи денегъ на содержаніе себя?

«Получалъ, Графъ, но на себя одного, а не на семейство. . . .»

— Какое-же у тебя семейство въ Марбургѣ?

« Я женился тамъ. . . .

— Женился?... Впрочемъ, это дѣло хорошее, хотя и не кстати сдѣланное, если нечѣмъ было кормить жену. Какъ-же оставилъ ты ее?

« Въ домѣ отца и на произволь Бога.

—Но ты еще долженъ былъ позаботиться о ней какъ человекъ и мужъ.

« Я не имѣлъ никакой возможности для этого.

Графъ прошелся по комнатѣ и началъ спрашивать его объ успѣхахъ, какіе сдѣлалъ онъ проживши въ Германіи четыре года. Быстрые,

основательные, умные отвѣты Ломоносова вскорѣ показали, кто онъ не даромъ провелъ это время.

— Хорошо, хорошо — прибавлялъ Графъ послѣ каждаго отвѣта его, и наконецъ сказалъ : — Жаль, кто ты опоздалъ родиться и не могъ застать въ живыхъ великаго благодѣтеля Россіи, Государя Петра Алексѣевика ! Утѣшилъ-бы ты его отекающее сердце , и нолучилъ-бы достойную награду за свой трудъ въ просвѣщеніи. А кто мы теперь ? Овцы безъ пастыря I

Онъ задумался на нѣсколько секундъ, и продолжалъ :

— Ты былъ-бы человекъ по сердцу этого великаго Государя. Насъ гналъ онъ къ наукамъ, въ Европу, а ты самъ бѣжалъ къ нимъ. Такой порывъ достоинъ вознагражденія и я съ своей стороны сдѣлаю для тебя все, что могу. Чего желаешь ты ?

« Если Ваше Сіятельство будете столько великодушны, то прежде всего дозвольте и побрите мнѣ возвратиться въ Петербургъ, чтобы я могъ дать Академіи отчетъ о своемъ путешествіи,

— Хорошо , я сдѣлаю это. Что тебѣ еще надобно? денегъ? бери ихъ, только не больше чѣмъ нужно.

« Приношу чувствительную признательность за ваше благодѣяніе ! Деньги нужны мнѣ только для переѣзда въ Россію.

— Разумѣется. *Рублей десятка два* довольно тебѣ для этого. Только ѣхать надобно моремъ, а отсюда корабли не ходятъ, и потому должно возвратиться въ Амстердамъ. Однако ты проживи у меня нѣсколько дней. Осмотри городъ : онъ стоитъ вниманія.

« Я исполню всѣ приказанія Вашего Сіятельства.

— Это, братецъ, не приказаніе а совѣты. Напиши къ женѣ письмо, и я берусь доставить, его. Надобно успокоить бѣдную, а то она, вѣрно, не знаетъ что и думать о тебѣ.

Во всѣхъ этихъ словахъ Ломоносовъ слышалъ Русское сердце, видѣлъ заботливость добраго земляка, и забылъ знаменитость человѣка, съ которымъ говорилъ. Съ сердечною признательностью вышелъ онъ изъ кабинета Графа, и ожилъ духомъ. По приказанію Посланника, ему отвели хорошую комнату, довольствовались его столомъ, оказывали всѣ возможные услуги.

Ломоносовъ не забылъ совѣтовъ Графа и прежде всего написалъ къ женѣ письмо, гдѣ сказывалъ ей о своемъ прибытіи въ Амстердамъ и оттуда въ Гагу, просилъ ее вѣрить

любви и заботливости его, но не посылать къ нему напрасно писемъ, потому что онъ и самъ еще не знаетъ о будущемъ своемъ мѣстопробываніи и назначеніи. Письмо вручилъ онъ Графу, который и отправилъ его, еще до отъѣзда Ломоносова изъ Гаги. Этотъ

благодѣтельный вельможа всякій вечеръ призывалъ къ себѣ путешественника, говорилъ съ нимъ о многихъ предметахъ , спрашивалъ что осматрѣлъ онъ въ Гагѣ, и притомъ объяснялъ ему многое самъ.

Но ни ласковость Графа , ни привлекательный городъ, ни добрые, трудолюбивые Голландцы не могли долго удержать Ломоносова. Вскорѣ ему стала скучна однообразная, хотя и красивая жизнь туземцевъ, надобли ихъ опрятные дома, ихъ великолѣпныя фабрики , и всѣ чудеса ихъ промышленности. Онъ не чувствовалъ никакой склонности, никакого влеченія къ этой *матеріальности* , и потому любопытство простаго путешественника скоро утомилось, тѣмъ больше , что совсѣмъ другія помышленія и надежды тѣснились въ головѣ его. Самое это положеніе какой-то неопредѣленности, неокончателности въ назначеніи жизни, начинало тяготить его. Онъ сталъ просить Графа позволить ему ѣхать въ Амстердамъ. Тотъ съ неизмѣннымъ доброжелательствомъ исполнилъ его просьбу.

Ломоносовъ еще въ первый разъ видѣлъ

путь вельможу, во всемъ блескъ его могущества, великолѣпія и образа жизни. Ольдекопъ, хотя не столь радушный въ пріемъ и сильный въ помощи, сдѣлалъ на него впечатлѣніе также пріятное, Между тѣмъ, вспомнимъ, какую жизнь велъ самъ и съ кѣмъ жилъ до сихъ поръ Ломоносовъ, и не будемъ удивляться, если онъ былъ очарованъ привлекательною стороною знатныхъ людей.

« Вотъ истинные люди ! » размышлялъ онъ, «Вотъ благодѣтели челоѳчества!... Я испыталъ много измѣненій въ жизни; знаю людей разныхъ состояній ; я родился и выросъ посреди мужиковъ : это грубые, несносные, часто бессмысленные невѣжды ! Долго жилъ я подъ ферулою монаховъ, и нахожу , что для челоѳка, назначаемаго къ свѣтской жизни, они не могутъ быть ни товарищами , ни друзьями , ни даже наставниками ; они живутъ въ какой-то особенной, только для нихъ пригодной сферѣ. О, какъ я радъ, что избавился наконецъ отъ Нѣмецкихъ ученыхъ и вообще отъ Нѣмецкой жизни ! Надоѣли мнѣ эти тощія души! Рускому надобно совсѣмъ иное : надобна иная душа, которая даетъ харак-

теперь всѣмъ нашимъ поступкамъ , всѣмъ дѣйствіямъ и даже уму. И вотъ наконецъ я вижу , гдѣ сосредоточено все благородное, прекрасное, достойное человѣка!

Вотъ общество, гдѣ развязаны умъ и душа, гдѣ не надобно приводить ихъ въ мѣрку. Какъ, грустно, кто я не рожденъ для общества, этихъ людей ! »

Понятно такое ослѣпленіе въ человѣкѣ, не имѣвшемъ никакой свѣтской опытности. Блескъ, представительность, кстати сказанное слово, кажутся ему къ-то превосходнымъ , потому кто самъ онъ не обладаетъ средствами для этого. Жаль, кто пріятныя заблужденія рѣдко бываютъ продолжительны !

Возвратившись въ Амстердамъ, Ломоносовъ имѣлъ время осмотрѣть этотъ славный городъ. Бродя по берегамъ Амстеля, по каналамъ и мостамъ Голландской столицы, онъ понялъ мысль Петра Великаго, который столько любилъ Голландцевъ и ихъ стихію, море, кто перенесъ даже свою резиденцію въ болота Финскія, для того только , чтобы воспользоваться тамошнимъ *многоводіемъ*, и создать

новый Амстердамъ. Какъ великій геній, Петръ соединилъ тутъ многіе, обширные государственные виды: и время оправдало большую часть его плана. Петербургъ сталъ на чреду первыхъ торговыхъ городовъ въ міръ ; но за то мысль Великаго не оправдалась самымъ Петербургомъ : онъ не имѣеть сходства съ Амстердамомъ и ничего подобнаго себѣ; это, можно сказать, единственный, первый по красо-

тѣ своей городъ въ міръ, *только !* Но это не Амстердамъ.

Ломоносовъ жалѣлъ, что не могъ побывать въ Заандамѣ, не могъ поклониться священной для каждаго Рускаго хижинѣ Петра, въ которой скрывалъ свое величіе преобразитель Россіи. Изъ Амстердама надобно переѣзжать туда черезъ проливъ, а Ломоносовъ не смѣлъ удалиться , потому что корабельщикъ , съ которымъ договорился онъ плыть въ Петербургъ, ожидалъ только попутнаго вѣтра. Наконецъ этотъ благопріятный вѣтеръ вспорхнулъ, расшевелилъ тяжелый воздухъ Голландіи, и шлюпки отъ всѣхъ отплывав-

шихъ кораблей спѣшили забрать своихъ пассажировъ. Ломоносовъ взошелъ на корабль , и черезъ нѣсколько часовъ уже въ отдаленіи видѣлъ за собою берега Голландіи.

Привольно, весело стало ему на обширной синевѣ моря , которое шумя и пѣнясь влекло его къ берегамъ милаго отечества. Давно разстался онъ съ Россіей, и еще больше прошло времени съ той поры, какъ онъ не видалъ открытаго моря. Но душа его не отвыкла любить родину, не отвыкла и чувствовать красоту, величіе, поэзію моря! Какъ стараго друга встрѣтилъ онъ знакомую стихію, какъ родныхъ привѣтствовалъ бодрыхъ матросовъ, и съ весельемъ разговаривалъ съ ними о всѣхъ по-

дробностяхъ пути. На какомъ языкѣ говорилъ онъ съ Голландцами? Матросы изобрѣтаютъ свой особенный языкъ, такъ что посредствомъ немногихъ словъ объясняются съ жителями всѣхъ странъ. Состарѣвшійся на кораблѣ матросъ бывалъ вездѣ, и отовсюду вывезъ запасъ словъ, не хуже тѣхъ , которыми щеголяли наши земляки, стоявшіе на бивакахъ въ Парижѣ.

Къ вечеру перваго дня пути вѣтеръ усилился чрезвычайно. Легкій купеческій корабль, на которомъ плылъ Ломоносовъ, сражался съ могучими волнами, какъ ловкій боецъ съ многочисленными противниками; онъ скрипѣлъ и стоналъ и вздрагивалъ, но, разсѣкая бурную пучину, при попутномъ вѣтрѣ все подвигался впередъ. Ломоносовъ долго смотрѣлъ на эту борьбу человѣческаго искусства съ природою; когда совсѣмъ стемнѣло, онъ ушелъ въ свою каюту и бросился на койку. Странное чувство томило его: это былъ не страхъ, а какой-то нетерпѣливый порывъ души, утомленной борьбою съ жизнью. Въ нападающихъ волнахъ видѣлъ онъ тѣ непріязненныя обстоятельства, которыя столько разъ доводили его до отчаянія. «Неужели и теперь, почти при входѣ въ отечество, сама природа хочетъ испытать силу моего духа?» мыслилъ онъ. «Неужели этою грозною борьбою съ слабыми усиліями человѣка, она хочетъ еще напомнить мнѣ жизнь, въ

которой я точно какъ будто осужденъ испытывать всѣ возможныя препятствія? в

Такъ самые обыкновенные случаи — въ самомъ дѣлѣ, что обыкновеннѣе на морѣ какъ не буря?—иногда поражаютъ въ насъ цѣлый хаосъ ощущеній, часто не имѣющихъ ничего близкаго къ настоящему нашему положенію. Но человекъ, занятой всегда собою, своею мыслью, своимъ я, воображаетъ, что и природа существуетъ только для него, для его ощущеній.

Какъ-бы то ни было , но Ломоносовъ легъ спать въ тревожномъ состояніи духа, и заснулъ подъ завываніемъ бури. Постепенно измѣнялись передъ нимъ картины моря : то видѣлъ онъ, что корабль ихъ опускался все ниже, ниже, и вдругъ взлеталъ на такую высоту, съ которой видны были и Петербургъ, и хижина, гдѣ обитаетъ жена его, и Холмогоры, и деревня, въ которой родился онъ. То встрѣчалъ онъ на волнахъ обломки разбитаго корабля, и на нихъ людей, которые жалобно молили его о спасеніи, и быстро уносились вдаль. Наконецъ, онъ увидѣлъ образъ драгоцѣнный ему, образъ отца, который, въ рыбацкѣй ладѣ своей, боролся съ волнами близъ одного острова въ Ледовитомъ морѣ.

Ломоносовъ много разъ бывальъ подлѣ этого острова, много разъ живаль на берегу его , и помнилъ каждый кустъ на немъ. Онъ былъ готовъ броситься на по-

мощь къ отцу , но чувствовалъ руки и ноги свои крѣпко связанными, онѣмѣлыми. Стенаніе вырвалось изъ груди его , когда онъ увидѣлъ, что ладья отца его грянулась о берегъ и разлетѣлась, а бѣдный отецъ опустился въ воду, вынырнулъ изъ нея, вскричалъ: « Михайло ! » и опять исчезъ въ волнахъ. Съ невыразимою тоскою видѣлъ все это Ломоносовъ, и какъ будто ждалъ еще чего-то. Наконецъ, грозный девятый валъ шумно плеснулся на берегъ и выкинулъ на него бездыханное тѣло Василья Ломоносова.

При этомъ зрѣлищѣ Ломоносовъ проснулся. Холодный ноть градомъ выступилъ на лицѣ его, и бѣдный страдалецъ долго не могъ опомниться , не могъ постигнуть : во снѣ или на яву было видѣнное имъ. Темнота ночи и свистъ бури усиливали обманъ. Наконецъ онъ пришелъ въ себя, увѣрился , что видѣнное имъ было сонъ, тщетная мечта, порожденная приготовленнымъ къ тому

воображеніемъ ; но этотъ сонъ былъ такъ ясенъ, живъ передъ нимъ, что онъ не вѣрилъ разсудку своему , и до самаго утра не могъ прогнать отъ себя какого-то убѣжденія въ истинѣ всего видѣннаго имъ.

«Да, точно отецъ мой часто плавалъ къ этому необитаемому острову въ Ледовитомъ морѣ.

Я самъ бывалъ тамъ съ нимъ много разъ , и никогда еще сонъ не представлялъ мнѣ такъ

живо сущестственности. Только я помню, кто приставали не въ томъ мѣстѣ., и если-бы на яву вздумалъ кто нибудь, особенно въ бурю, зайти къ противоположному берегу, подлѣ котораго представился мнѣ отецъ, онъ вѣрно погибнулъ-бы. Неужели этотъ сонъ предвѣщаетъ горестную для меня сущестственность ? О, Боже ! сberi лучше надъ моею головою новыя бѣдствія, но пощади моего отца! Пусть я одинъ, столько виновный передъ нимъ, искуплю назначенныя для него несчастія !... И неужели не сбудется мечта моя , успокоить бѣднаго старика, убѣдить его, что я не былъ только непослушный ему сынъ, что я не

ошибался въ своемъ назначеніи, и бѣжалъ отъ него употребить во благо данныя мнѣ отъ Бога способности ? Старикъ не понялъ-бы моихъ словъ, но слова другихъ убѣдили-бы его, и почестъ, какою бываетъ окружено дарованіе, утѣшила-бы его. Да , какъ желалъ я всегда окружить моего старика тѣмъ почтеніемъ , котораго достоинъ отецъ уважаемаго сына ! Сынъ можетъ быть въ славѣ, въ почести, а отецъ долженъ наслаждаться этимъ.»

Такъ разсуждалъ Ломоносовъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить своему сну; но тайное убѣжденіе запало въ его душу, и образъ бездыханнаго отца, на берегу необитаемаго острова, не выходилъ изъ его мыслей. Чтобы успокоить самого

себя, онъ рѣшился, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, развѣдать объ отцѣ своемъ отъ Архангелогородцевъ, которые часто пріѣзжали въ Петербургъ.

До это странное событіе , это сновидѣніе отравило для него все остальное время пути. За бурею настала ясная, прелестная погода, и попутный вѣтерокъ легко мчалъ корабль; но

Ломоносовъ уже не любовался ни картинами моря, ни видами цвѣтущихъ береговъ Даніи и Швеціи. Онъ не замѣтилъ даже какъ миновали они Копенгагенъ, какъ пронеслись мимо Борнгольма, прославленнаго волшебнымъ перомъ писателя другаго вѣка.

Кто долго былъ въ разлукѣ съ отечествомъ, тотъ пойметъ, что чувствовалъ Ломоносовъ, когда завидѣлъ онъ вдали берега Россіи. Сначала они оставались у него въ правой сторонѣ ; на послѣдокъ и передъ нимъ зазмѣилась полоса земли, а впереди ея выдвигался островъ *Кронштатъ*,

« *Онъ* вездѣ *первый* ! » подумалъ Ломоносовъ. « При первомъ взглядѣ на отечество , вижу созданіе Петра ! *Онъ* встрѣчаетъ меня въ этихъ вратахъ своего могущества, такъ-же какъ его мысль провожала меня за границу.»

Кронштатъ еще не былъ такимъ красивымъ городомъ и такую неприступною твердынею

лѣтъ за сто, какъ теперь; но тогда онъ болѣе изумлялъ путешественника, который зналъ, что за нѣсколько десятковъ лѣтъ это былъ необитаемый островъ. Петръ , съ

необыкновенною своею проникательностью, постигъ всю важность его для. возникавшаго изъ болотъ Петербурга, и заботился о немъ столько-же какъ о своей столицѣ. Счастливая мысль Великаго была довершена преемниками его.

Ломоносовъ вышелъ на *Русскую* землю, еще недавно покорную Шведамъ; посѣтилъ домикъ Петра, существующій и донынѣ; полюбрвался на кипѣвшую въ гавани дѣятельность; но болѣе въ Кронштатѣ . нечего было видѣть , и онъ , вмѣстѣ съ корабельщикомъ, нетерпѣливо ждалъ отплытія въ Петербургъ. Это исполнилось черезъ нѣсколько часовъ, и вскорѣ путешественники наши бросили якорь въ сердце Петербурга, на величавой Невѣ. Веселый крикъ привѣтствовалъ ихъ съ берега, и Ломоносовъ почелъ это счастливымъ признаменованіемъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

1

Научись и говорить и выслушивать истину.

[^^^]

2

Началу пусть соответствует конец.

[^^^]

3

Праводушный не похищает , у кого-бы то ни было, ничего, для присвоения себѣ.

[^^^]

Здѣсь
Германія.

разумѣется

Протестантская

[^^^]